

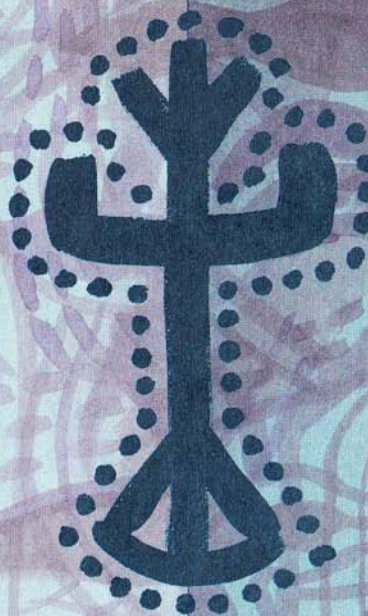
24(2Рос=Р44)6-5
П 67

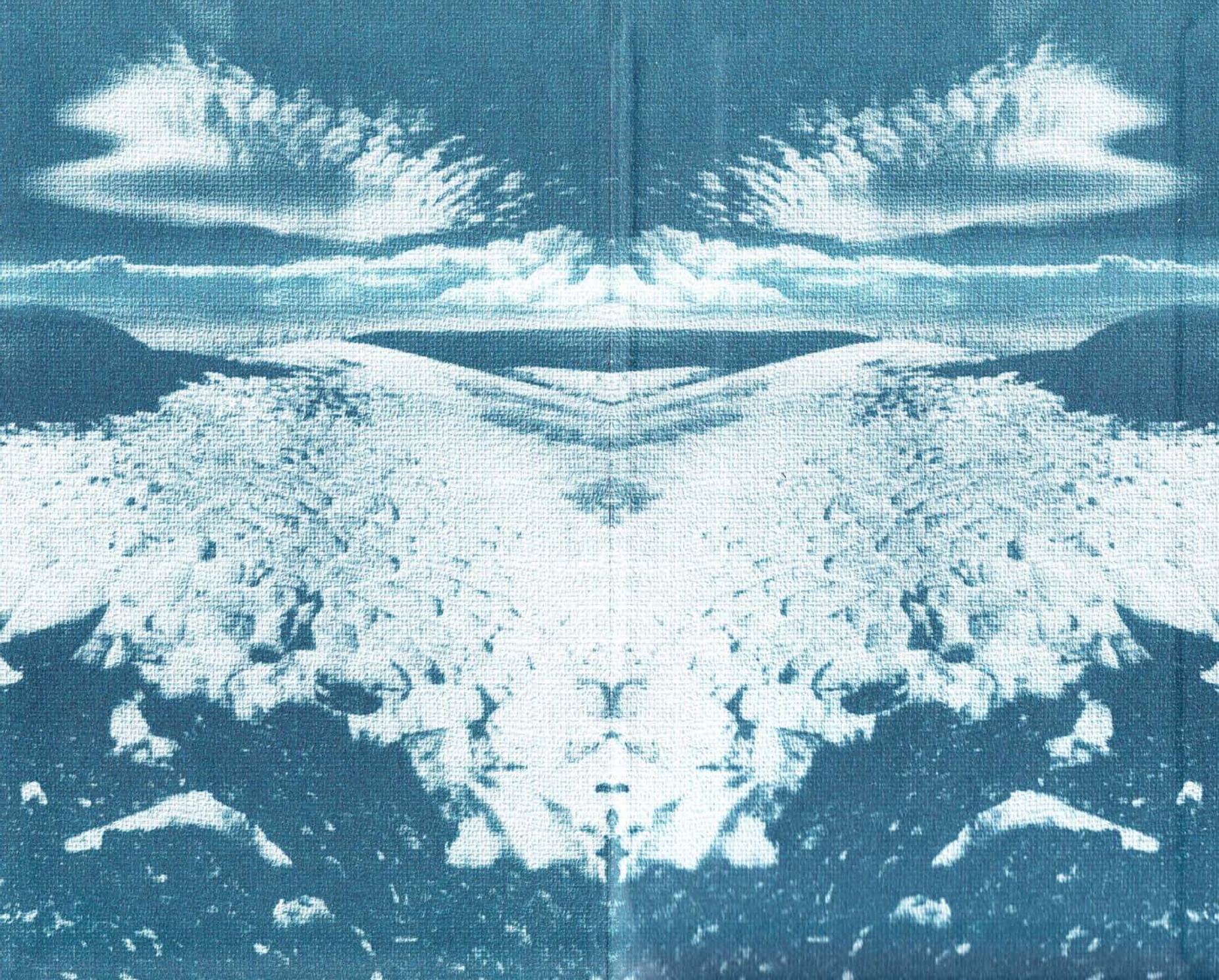
46-

СЕВЕРНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ШКОЛЬНИКА

ПОЭЗИЯ

*народов
Крайнего Севера
и Дальнего Востока
России*

2,5 24/2002-2002-5
П 67
СЕВЕРНАЯ БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ПОЭЗИЯ

*народов Крайнего Севера
и Дальнего Востока
России*

0235836

Москва
«Северные просторы»
2002

Муниципальное учреждение
культуры
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ
СИСТЕМА
г. Магадан, ул. Новая, 29а

УДК 373.167.1:82/821.09+82/821.09(075.3)
ББК 83.3(2Рос-Рус) я 721
П 67

Вступительная статья и общая редакция *А.В. Преловского*
Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для учащихся 5—11-х классов
национальных общеобразовательных учреждений

Редакция приносит глубокую благодарность за участие в подготовке
и выпуске книги *Л. Бакшеевой, Н. Бариновой, Г. Волченковой,
Л. Нимаевой, В. Балышевой, Е. Старшиновой, А. Чиликину*

Рисунок на авантитуле художника *В. Мельниченко*, о-в Колгуев, 1963 г.

П 67 Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Восто-
ка России /Сост. А.А. Бурыкин, Е.Р. Акбальян. —
М.: Северные просторы, 2002. — 384 с. (Северная
библиотека школьника)

ISBN 5-87098-049-6.

ISBN 5-87098-050-X.

Настоящий том знакомит читателя с поэзией народов Севера —
ветвью их современной литературы, выросшей из устной пес-
енной культуры, традиций эпических, сакральных и празд-
ничных песнопений, а также личных песен, сопровождающих
коренного северянина на протяжении всей жизни.

В сборнике представлено творчество поэтов от их первых опы-
тов 1930-х гг. к зрелым современным произведениям. Темы
многообразны. Памятливость к духовному наследию предков,
укладу жизни, идущему из глубины веков, к традициям
гостеприимства — таковы неизменные мотивы их лирики. Ши-
рота взгляда на жизнь, интерес ко всему новому тесно соседст-
вуют в творчестве северных поэтов с тревогой, порожденной
вызовами современности, с болью за судьбу родного языка, ро-
довых угодий, традиционного уклада жизни, за будущее своих
малочисленных этносов.

Своеобразие поэтического языка северян становится еще
очевиднее благодаря русским переводам, выполненным
известными поэтами — Н. Старшиновым, М. Борисовой,
А. Кушнером, И. Фоняковым, А. Преловским, В. Португало-
вым, А. Пчелкиным и др.

УДК 373.167.1:82/821.09+82/821.09(075.3)
ББК 83.3(2Рос-Рус) я 721

ISBN 5-87098-049-6
ISBN 5-87098-050-X

© ГУП «Северные просторы», 2002
© Голубчикова В.Д., идея, состав, структура книги, 2002
© Клодт Е.Г., макет, художественное оформление, 2002

К читателю

Знаете ли вы, что такое Слово-Песня?

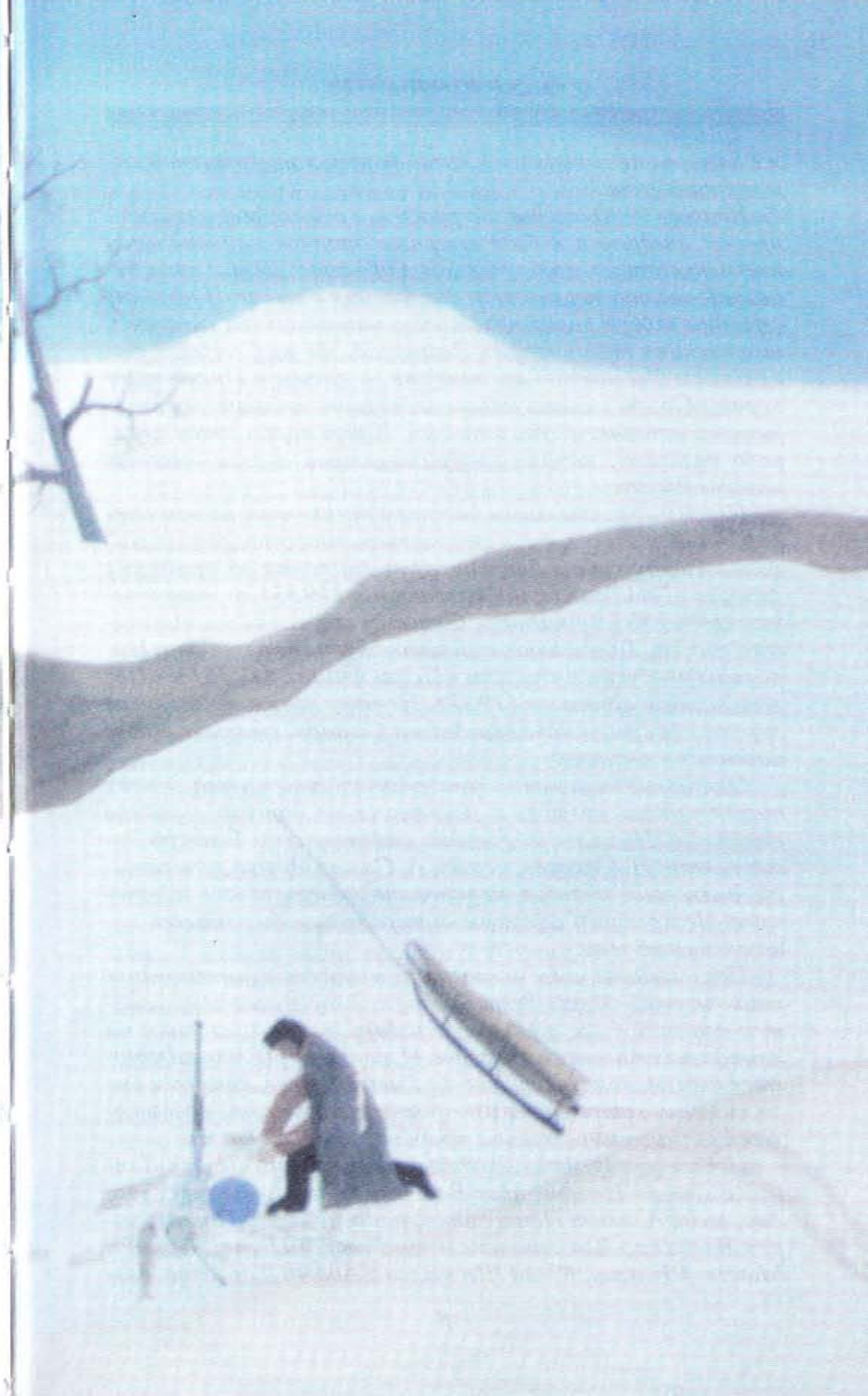
*В народной поэзии ненцев это дух-покровитель поэзии,
почти одушевленное сказочное существо, самоцветное и
вдохновенное облако, летающее по тундре вслед за героями
легенд и преданий. Все видит, все слышит, все запоминает.
Потом это знание оборачивается народной поэмой — сказа-
нием, живущим в веках.*

*И мы с вами, дорогой читатель, открыв этот том, дви-
немся в путь за Словом-Песней — в страну северной поэзии.
Лирической, балладной, детской, эпической, притчевой —
авторской.*

*Каждый поэт того или иного северного народа всю жизнь
шел за своим родовым Словом-Песней в надежде найти соб-
ственное слово, сложить оригинальную песню. Многим это
удалось.*

*Поэзия народов Севера, пожалуй, — самый молодой вид
творчества в сравнении с литературами более южных и
крупных этносов, насчитывающих века и века своей пись-
менности. Долгое время бесписьменного бытия население
тайги и тундры оставалось привязанным к собственному
фольклору. В русле устного бытования народной поэзии лич-
ное творчество размывалось, оставаясь безымянным. Но в
XX веке именно фольклорная традиция окажется наиболее
плодотворной и даст свои уникальные литературные — по-
этические и прозаические — плоды.*

*Первые поэты коренных народов Севера, Сибири и Даль-
него Востока проявились в начале XX века. На романтиче-
ской волне революционного обновления жизни возникли целые
поэтические школы и течения, а с ними и первые стихо-
творные опыты, искренность которых с наивной непосред-
ственностью распространялась и на идеологические уста-
новления того непростого периода нашей истории. Стиль*

же авторов не поднимался выше уровня литературной самодостаточности.

К концу 1930-х годов завершился, в общем, всероссийский процесс внедрения в быт северных этносов национальной письменности на основе русского алфавита: составление букварей, издание первых книг для чтения в школе. И здесь совершенно особую роль в приобщении национальных авторов к творческому труду сыграл Ленинград, где на Северном факультете Восточного института, а затем в Институте народов Севера учились многие из будущих зачинателей письменных литератур своих народов. К той поре и относится, надо полагать, начало профессиональной поэзии северных народов России.

Первым значительным явлением письменной поэзии северян, на наш взгляд, было творчество ангарского эвенка Николая Салаткина (Лонтоица) — его поэма об ангарских эвенках «Гегдалуккон и Ульзриккэн» (1935) по жанру нечто среднее между легендой, бытовым рассказом и исторической песнью. Талантливо и мощно вступил в поэзию эвен Николай Тарабукин с книгами «Песни тайги» (1936) и «Полет золотой девушки» (1937). Немного позже появляются лирические стихи нанайца Акима Самара, ставшие вскоре народными песнями.

Отечественная война отвлекла от творчества многих талантливых поэтов, а некоторых не вернула в родные стойбища. Погибли на фронте, защищая свою большую Родину, эвенк Н. Сахаров, нанайец А. Самар, другие литераторы, в основном молодые, не успевшие развернуться в творчестве. Неокрепшим северным литературам был нанесен невосполнимый урон.

Послевоенные годы осложнили книжное существование национальной поэзии, потому что по непродуманному решению властей была ограничена издательская практика на языках малочисленных народов. И лишь к 1960-м г. намечается подъем, появляются новые имена поэтов, которым было суждено стать прижизненными классиками, основоположниками литературной традиции в родной поэзии.

Почти одновременно входят в поэзию ненцы Леонид Лапцун и Любовь Непян, нивх Владимир Санги, юкагир Улуро Адо, эвенк Алитет Немтушкин, нанайец Андрей Пассар, коряк Владимир Коянто, ительмен Георгий Порохов, манси Миккуль Шульгин, Юван Шесталов и Андрей Тарханов, дол-

ганка Ойдо Аксенова, ханты Роман Рукин и Прокопий Салтыков, саами Октябрина Воронова — всех не перечислишь. Их книги являются миру как на родных языках, так и в русских переводах.

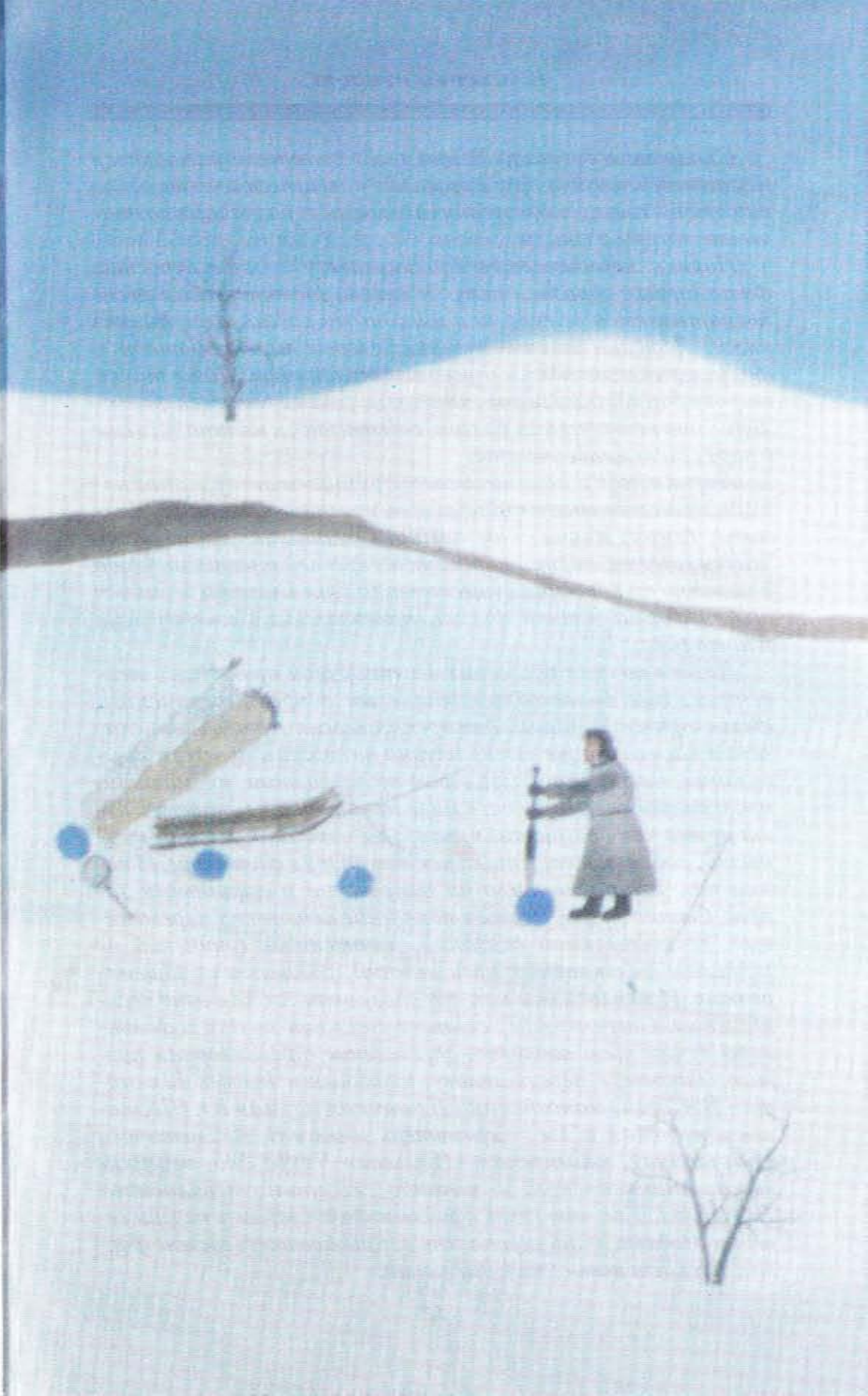
И здесь нельзя не сказать о ревнителях северных национальных культур. Г. Василевич, В. Цинциус, С. Стебницкий в Ленинграде, В. Португалов в Магадане, Ю. Шестакова в Хабаровске вырастили немало талантов, в том числе и поэтических, организуя литобъединения, составляя коллективные сборники. Живым участием, опекой и вовремя сказанным словом одобрения они подвигали авторов к знаниям, творчеству, самоусовершенствованию.

Пожалуй, больше всех для развития поэзии Севера и Дальнего Востока сделала ленинградская школа перевода. Видимо, непосредственный, питерский контакт со студентами Института народов Севера, зачастую сверстниками, привел к долголетию творчеству поэтов, соединил накрепко их имена в книгах. Старшие коллеги-переводчики Гл. Семенов и Н. Грудина, младшие по возрасту А. Чивилихин, М. Борисова, А. Кушнер, В. Горопыгин, Вяч. Кузнецов, И. Фомин, другие ленинградцы своим трудом и вдохновением помогли состояться большинству поэтов-северян, с творчеством которых знакомит читателей предлагаемый сборник.

Свой вклад в становление поэзии народов Севера внесли и переводчики-москвичи: Н. Старишинов, Е. Винокуров, Г. Фролов, Б. Романов и некоторые другие. Но, к сожалению, такими сплошными удачами, как ленинградцы, москвичи похвастать все-таки не могут. Из переводчиков, далеких от столицы, нужно выделить мурманчанина В. Смирнова, красноярца З. Яхнина, норильчанина В. Кравца, якутянина В. Федорова. И особенно магаданца Анатолия Пчелкина, «долгожителя» среди переводчиков поэзии Северо-Востока.

Пришло время, и, не удовлетворяясь иными поверхностными переводами, национальные поэты стали сами переводить на русский язык свои сочинения. Так, например, поступают Владимир Санги и Юван Шесталов. А некоторые авторы — манси Андрей Тарханов, ительмен Георгий Порохов, ненец Юрий Вэлла, эскимоска Татьяна Ачиргина и другие — сами пишут на русском, усвоенном с детства, ставшем для них вторым родным языком.

Что же кроется за Песней-Словом нынешних поэтов Севера и Дальнего Востока?

Сказать: всё — мало. В это «всё» органично умещаются и взаимодействуют друг с другом — в творчестве отдельного автора и в совокупном организме поэзии — различные поэтические жанры и стили.

Лирика перетекает в публицистику — и не чурается фольклорных образов, тем, сюжетов. Историческая песня подпитывается легендами и народными рассказами, быличками. Детская поэзия в значительной мере тяготеет к фольклорным мелодиям и устным традициям. Даже такой широкоформатный жанр, как поэма, тоже родствен фольклору — от него северная поэзия, собственно, и начиналась еще в пору своего младенчества.

Лирика, как и положено самому динамичному жанру поэзии, представлена в книге во всем ее многообразии: от баллады, гимна, плача — до элгии. Охватывая все области жизни северян, лирика коренится в древней традиции, когда у каждого тундровика существовала своя «личная песня» — особая форма устной поэзии, привязанная к имени певца или его рода.

Даже в поэмах последних десятилетий проявились тенденции, еще более сближающие их с праматеринским, фольклорным началом. Авторская версия героического сказания настолько же литературна по стиху и приемам композиции, насколько фольклорна по мифологии, космогонии, нравственности. Видимо, в мире меняющихся ценностей душа поэта как организация, наиболее чуткая к утрате сущности, подлинности, стала искать опору в фольклоре. И поэма как жанр ответила на творческий и социальный запрос. Стало закономерным появление авторских переложений, реконструкций сказаний, личностных сочинений по мотивам фольклорных произведений, родовых или общенародных. И явились они как-то враз, чуть ли не в одно десятилетие. Современному синтезу книжной поэзии и фольклора лучше всего подходит определение «фольклорная поэма». Таковы, в первую голову, нивхская «Человек Ых-ми-фа» В. Санни, мансийская «Языческая поэма» Ю. Шестакова, эвенская «Эле — хранитель эдека» В. Кейметинова (Баргачана), юкагирская «Идилвей» Улуро Адо, ненецкие версии нганасанского и энецкого сказаний, выполненные Л. Неняни. Так что связь с родным фольклором у поэзии северян с годами лишь укрепляется, приобретает свежие формы, пускает новые, молодые корни.

Всеобщая книга поэзии северных народов еще пишется, хотя уже и сейчас могла бы составить несколько томов. Но это — дело будущего. А пока певцов тундры и тайги ведет за собой Слово-Песня. А его надо понимать и как вдохновение, и как божественный промысел поэтического слова.

Закончим наше краткое вступление строками Георгия Поротова:

Я под желтой, как бубен, луной
Задремал с костерком на граните.
Гости-песни, побудьте со мной.
Не улетайте!
Звешите!

Задержитесь и вы, дорогие читатели, на страницах этой книги — самого полного на сегодня сборника многоцветной северной поэзии.

Она делает свое дело. Идет, летит за Словом-Песней над тайгой и тундрой.

Саамы

Аскольд БАЖАНОВ

Аскольд Алексеевич Бажанов родился в 1934 г. в д. Нотозеро (Мурманская обл.). Учился в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена и в Литературном ин-те им. А.М. Горького в Москве. Пишет на русском языке. В 1983 г. выпустил в Мурманске сб. стихов «Солнце над тундрой» — первую книгу живущего в России саамского автора. Последнее время пишет прозу; в 1996 г. в Норвегии издана на саами повесть «Белый олень».

В неброском тундровом местечке
в плену замшелых валунов
на берегу широкой речки
стояло несколько домов.

И здесь, на северной опушке,
уснувшей в девственной тиши,
дороже купленной игрушки
мне были сказки и стихи...

Меж нами три десятилетия
и незаросший шрам войны,
пронзивший северное лето
с ночами светлыми, как сны.

А память требует вернуться,
волной манит к себе река,
и детство в одежонке куцей
зовет к себе издалека.

В нем очутившись, забываешь
и счет годам, и горечь бед.
Уж не вода ли здесь живая?..
А говорят, что чуда нет.

Январские ветры в Хибинах ревут.
Хоть тундра не море, но снежные волны
упряжке оленей колотятся в грудь
и бьют по лицу мне и жгуче, и больно.
А я все равно не прикрою лица
свободной рукой в меховой рукавице.
Я мысленно там, у родного крыльца,
к которому надо сквозь выюгу пробиться.
Но, чтобы на праздник приехать в село,
где милая девушка ждет не дождется,
я должен рассечь этот снежный заслон.
И пусть уж усталость у ног моих вьется,
привычно привстану на полоз саней,
хореем взмахну у Полярного круга...
Вот тут мы поспорим, кто в тундре сильнее:
пастух или ветер, любовь или выюга.

Когда в стихах души не слышится
и нет мелодии в словах,
когда отчаянно не пишется —
давно не хаживал в горах!
Не забирался по расщелинам
на их надежные хребты,
где только мх, да камни серые,
да дикий ветер высоты.
Он не научен быть покладистым
и не умеет вовсе лстить:
уж коль смеется — то раскатисто,
а коли сердится — грубит.

- 0235836

ДОМОЙ

Олени чуткие бегут стремительно
путем, не хоженным еще никем.
Им тундра белая неутомительна,

им горы дальние – невдалеке.
 Восходы зимние косынкой розовой
 ложатся трепетно на грудь Хибин.
 Укрыто дымкою село Ловозеро
 в одной из тысячи больших низин.
 Здесь даль холмистая березкой уткана,
 к широтам северным ее влечет.
 А расстоянья здесь берутся сутками,
 на километры здесь немислим счет.
 А ветры дикие морозом жалятся,
 зима на Мурмане – круга вдвойне.
 В добротных тоборах, в просторной

малице

пастух заведомо зимы сильней.
 На сани легкие присев сноровисто,
 домой – и нет пока других забот, –
 где с ладной песнею, где с тихим

посвистом

спешит в Ловозеро оленевод.

Кто сказал, что северных оленей
 скоро будет незачем пасти,
 дай, мол, срок – и техника заменит:
 на нее лишь сесть да завести, –
 и кати по тундре без боязни,
 прямиком, по солнцу, без дорог;
 на стальной машине не увязнешь,
 колеси и вдоль и поперек;
 мни березок слабенькие плечи;
 ели, сосны походя круши;
 мох и ягель вспахивай беспечно;
 в светлых речках траки полощи?!
 И замрет природа, увядая,
 коль красу ее не пощадить.
 Будет тундра вечно молодая,
 если в ней олени будут жить!

В саамском нашем поселенье,
 Смотрящем в двадцать первый век,

Мальчишкам нравятся олени
 И сам оленный человек.

Мальчишкам нравятся, как прежде,
 Оленьи гонки и костер,
 Саамской вышивки одежда
 И ветром меренный простор!

Недаром в нашем поселенье,
 Идущем в двадцать первый век,
 Все больше ценятся олени
 И сам оленный человек!

ПУРГА

Свистит пурга и пляшет,
 Поет пурга и плачет.
 То вдруг зальется смехом,
 Как в молодости, звонким.
 На ней кисы* из снега,
 Ягушка из поземки.
 Седая и косматая,
 Пурга одна кочует.
 Под детский плач сплясать бы
 Ей в первом встречном чуме,
 Но чума больше нету,
 А в дом войти не смеет
 И кружит до рассвета
 Перед крыльцом несмело...
 А в новом доме елка,
 У елки дети пляшут...
 Пурга сердитым волком
 У светлых окон плачет.

* Кисы – мягкая обувь из оленьего меха.

Октябрина ВОРОНОВА

Октябрина Владимировна Воронова (1934–1990) родилась в д. Чальмны-Варрэ на Кольском п-ове. Ее мать принадлежала к древнейшей фамилии саамских охотников и знатоков фольклора Матрехиных, отец происходил из семьи русских православных священников. Окончила Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена, заочную аспирантуру в НИИ национальных школ. Много лет работала библиотекарем в пос. Ревда Мурманской обл. Участвовала в составлении букваря и учебников на саамском языке. Автор поэтических сб. (в русских переводах) «Снежница» (1986), «Вольная птица» (1987), «Чахкли» (1988), «Поле жизни», «Тайна Бабьего озера», «Хочу остаться на земле» (1995). В 1991 г. в Мурманске посмертно издана кн. стихов «Жизнь» — первая в стране поэтическая кн. на саами (в сопровождении русских переводов).

За окном темно и жутко,
Аддэлудда-аддэлудка!*

Стонет выюга третьи сутки,
Аддэлудда-аддэлудка!

Эй, утихни на минутку,
Аддэлудда-аддэлудка!

Нет просвета, промежутка,
Аддэлудда-аддэлудка!

Где конец холодным шуткам,
Аддэлудда-аддэлудка!

Но сквозь сон я слышу чутко,
Аддэлудда-аддэлудка!

Как заря трубит побудку,
Аддэлудда-аддэлудка!

Я иду по первопутку,
Аддэлудда-аддэлудка!

Перевод Л. Кондрашенко

* Аддэлудда — суровая женщина, повелительница ветров.

РИСУНКИ НА КАМНЕ

Серый и тяжелый, словно туча,
Камень наклонился над рекой.
Хмурясь у волны ее певучей,
Он хранил безмолвье и покой.
В грусти, что накоплена веками,
Думу передумав не одну,
Серый камень,
Мхом заросший камень
Все глядел в речную глубину.

А река звенела и журчала,
Впитывая талые снега,
И тепло и радость излучала
На леса,
болота
и луга.

Светлая, как ясный день весною,
Не чинила никому обид.
И однажды трепетной волною
Камень был обласкан и обмыт.

И как будто ожил он, вздыхая,
Отходя от векового сна.
И, на лбу широком проступая,
Древние открылись письмена:
Человек преследовал оленя,
А олень летел, что было сил.
И шаман усталый

на коленях
Прямо к солнцу бубен возносил...

Давней жизни строгие творенья
Сохранили в камне времена.
И река притихла на мгновенье,
Этим волшебством поражена.
И застыли на граните сосны.
И с высот бездонно голубых
Загляделось нынешнее солнце
На рисунки пращуров моих.

Перевод автора

СНЕЖНИЦА

В апреле начинает таять снег.
И хоть покрыта тундра белизною,
И хоть еще не скоро быть весне,
Но все уже наполнено весною.

Еще немного –
И пойдет вода.
Сначала робко,
 между льдом и снегом.
Потом осядет снег,
Не станет льда, –
И талая вода зальется в беге.

Озера разливаются в моря,
Болота, как озера, набухают.
А в речке камни под водой горят,
Как темным лаком крытые,
 сверкают.

Журчит вода.
И ребятня боса
Бежит вдоль речки, не боясь крапивы.
И солнце, поднимаясь в небеса,
Льет свет, который всю зиму копило.

И пышный ягель тундре так к лицу, –
В оленьем стаде скоро быть приплоду.
И важеньки подходят к озерцу
И важно пьют
 живительную воду.

Перевод автора

В края далекие уеду
От злых ветров и холодин,
Там распустило бабье лето
Нить серебристых паутин.

Где тополя в окно стучатся,
Где липы выше крыш стоят,

В семейных горестях и счастье
Живет кровинушка моя...

Но грустно в этом доме станет,
Когда из северных широт
Холодный ветер вдруг потянет,
Знакомый запах донесет.

И сердце так забьется тяжко,
И в путь захочется скорей.
И будет грезиться упряжка –
Олени,
 нарты
 и хорей.

Перевод автора

Все проходит:
И дожди, и слякоть.
Будет солнце на небе пылать.
Чтобы дочка перестала плакать,
Как со взрослой, говорит с ней мать:
– Я хочу,
Чтоб ты была здорова,
Чтоб росла, как молодой лесок,
Чтобы днями у крыльца родного
Ручейком звенел твой голосок.
Посмотри,
Весна пришла не с плачем
В край, продутый тысячью ветров.
И земля сегодня в новом платье,
Сотканном из листьев и цветов.
Вырастай скорее из пеленок.
Север так заманчив и красив!
Будешь, словно резвый олененок,
В летней тундре набираться сил.
И учись –
Без лени и кручины.
А достигнешь осени своей –
Успевай в работе, как мужчина,
И расти, как женщина, детей.

Перевод автора

Хочу остаться на земле
Хотя бы искоркой в золе,
Хотя б в скупом рассвете дня,
Чтоб дети помнили меня.

Хочу остаться жить, любя,
В упрямом сердце у тебя,
В певучих голосах тайги,
В журчании живой реки.

Хочу остаться без оков
В прохладе легких облаков,
В чуть слышном шелесте травы,
В дороге, что избрали вы.

Хоть малым лучиком во мгле –
Хочу
остаться
на земле!

Перевод автора

Полина ДАНИЛОВА

Полина Данилова родилась в саамском пос. Нотозеро (Мурманская обл.). Окончила среднюю школу-интернат. Пишет на саамском языке.

Живет в Ловозере.

Ах, скорей бы лед растаял,
Речку нашу расковав,
Прилетели птичьи стаи,
Солнце стало ласковым.
Я бы в лодку села пулей,
И – на Мотку, где меня
Ждет бабуля, ждет дедуля
И щеночек у огня...

Перевод А. Миланова

Кто меня толкает в спину?
Говорит: «Привет, Полина!»
Удивилась, оглянулась
И едва не поперхнулась:
Очень странный нынче день –
За спиной стоит олень,
Шепчет мне (я не шучу):
– Я дружить с тобой хочу!

Перевод А. Миланова

Екатерина КОРКИНА

Екатерина Николаевна Коркина родилась в саамском селе-нии Ловозеро (Мурманская обл.). Окончила Калининград-ское культпросветучилище и Мурманский педагогический ин-т. Преподавала устный саами в начальной школе, подгото-вляла несколько школьных учебников родного языка. В 1994 г. выпустила сб. стихов для детей «Чуррпа-уррпа» на саами и в русских переводах.

НЕВОД-НЕВОДОК

Невод, невод, неводок,
ты кормил меня как мог,
Я связал тебя,
В море взял тебя.
Невод, невод, неводок,
встань теченью поперек!
Мы накормим, неводочек,
Всех сынов моих и дочек!

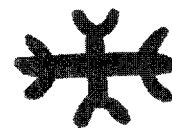
Перевод Н. Голя

ЧЕЛОВЕКУ

Ты на свет появился,
Человечек упрямый,
Кого ты увидел?
— Этот мир и маму.
Ты заплакал,
Тишину и порядок ломая.
Кто баюкал тебя?
— Ласковый ветер и мама.
Ты подрастал,
Всеми существам в жизни внимая.
Кто тебя пестовал?
— Лес, лужайка пред куваксой, мама.
Ты стал взрослым,
Осилил премудростей всяких немало.
Кто учил тебя дело постичь?
— Моя тундра, саамы и мама.

Перевод А. Миланова

Манси

Матрена ВАХРУШЕВА

Матрена Панкратьевна Вахрушева (Баландина) (1918–2000) родилась в с. Хармнавыл Кондинского р-на Ханты-Мансийского н. о. Училась в Ханты-Мансийском педагогическом училище, затем в Ленинграде — в Ин-те на-родов Севера и Ун-те им. А.А. Жданова. Много лет преподавала мансийский язык в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена. Кандидат филологических наук. Писала на мансийском и русском языках. Стихи публикова-лись в 1950-х гг. в коллективных сборниках.

КАЧЕЛИ

На качелях я качаюсь:
Вверх — вниз! Вверх — вниз!
То лечу, то опускаюсь:
Вверх — вниз! Вверх — вниз!
То, в дугу сгибая спину,
Взглядом землю я окину,
То, как коршун, я взлечу —
К солнцу в гости я хочу!
Сердце бьется —
Вот так!
Сердце рвется —
Вот так!
От восторга —
Вот так!
От испуга —
Вот так!
Чистым вечером весенним,
Жарким летним воскресеньем

Все идут к качелям парами.
Вверх – вниз! Вверх – вниз!
Все – и девушки и парни:
Вверх – вниз! Вверх – вниз!
Все – от мала до велика:
Вверх – вниз! Вверх – вниз!
Как на крыльях, погляди-ка:
Вверх – вниз! Вверх – вниз!
Сердце бьется –
Вот так!
Сердце рвется –
Вот так!

Перевод В. Гурвича

СЧИТАЛОЧКА

Мы шумим и скачем ловко,
Крутим весело веревку,
Шум, смех, крик, звон,
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь... Выйди вон!

Темный лес, зайцы там.
Волки рыщут по кустам,
Рыщут день, рыщут ночь.
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь... Выйди прочь!

На реке, где песок,
Птицы тоже скок-скок!
Шум, плеск птичьих стай.
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь... Вылетай!

По болоту лось-бык
Тоже в кочках прыг-прыг!
Сизый мох впереди...
Раз, два, три, четыре, пять,
Шесть, семь... Выходи!

Перевод В. Радыгина

Андрей ТАРХАНОВ

Андрей Семенович Тарханов родился в 1936 г. в Кондинском р-не Тюменской обл. Окончил Ханты-Мансийское педагогическое училище, Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, Высшие литературные курсы в Москве (1987). Пишет на мансийском языке. Автор более десяти вышедших в Свердловске и Москве поэтических сб., в том числе «Храм милосердия» (1988), «Пасхальный день» (1993), «Плач неба» (1996).

ЭТЮД ИЗ ДОЛИНЫ РУЧЬЕВ

Другу, художнику Владимиру Кукушкину

Близ священного кедра бушует ручей,
Смотрят вербы с пригорка пугливо.
Все устали от частых холодных дождей,
Потому и кедровка криклива.
Я хотел на поляне разжечь костерок,
Отогреть свою душу и тело,
Чтоб взбодрился

озябший от сырости лог,
Чтоб туманы с него улетели.
Но нагрянула туча с обской стороны,
Дождь пролился и синий, и звонкий.
И потух костерок,
Словно голос струны, –
Голос иволги, нежный и звонкий.
Я защиту под ветками кедра нашел,
Я к нему прикоснулся душою
И почувствовал –

вздрогнул от радости ствол,
Крона пела в дожде надо мною.

ОЖИДАНИЕ

На поезд жизни снова опоздал.
Ты мне рукой махнула на прощанье.
Вошел я в переполненный вокзал,
Где яркая табличка – «Ожиданье».

Как много опоздавших, Боже мой,
Живущих ныне собственной виной!
Рождает ожидание тоску,
Не каждому дано ее осилить.
И кто-то пьет,
и кто-то шлет мольбу:
О, Боже, дай в час испытанья силы!
Но почему забыли о душе,
Она на грани гибели уже.
Я тоже миг отчаянья познал,
Оставшись одиноким и бездомным,
Когда на поезд жизни опоздал,
Когда рыдал вослед своим вагонам.
И вдруг я вспомнил о душе своей,
Я на коленях обратился к ней:
«О, Бог души моей, ужель ты спишь?
Я погибаю. Ты проснись скорее,
И если ты надеждой осенишь,
Взгляну на все я трезво и мудрее».
И я услышал:
«Новый поезд жди.
Блаженны муки.
Он уже в пути».

БОЛОТО

Осока охранно строга,
Она озерки укрывает,
На кочки – свои берега –
Зовет журавлиные стаи.
На кочках, как радуга дня,
Морошка свежа и румяна.
Хватает багульник меня,
Своим ароматом дурманя.
Никак не пройти к озерам,
Шипучие топи бездонны.
Зато здесь уютно чиркам,
Для лебедя – угол укромный.
Опять я Природе дивлюсь:
В болоте соседствуют странно
И восхищенье, и грусть,
И нежность, и холод обмана.

В белый бубен бьет буран.
Солнце –
цвета спелой меди –
Ледовитый океан
Вынес на руках
на ветер.
Он благословляет в путь,
К Полюсу,
своих героев.
Где отважным отдохнуть?
Всюду ледяные горы.
Но идут они в буран,
Сила духа –
их спасенье.
Белый бубен вдохновенно
Салютует их шагам.

БЕЛАЯ СИМФОНИЯ

Белая симфония моя –
Это голос снега и ручья.

Это звоны-стоны Иртыша
В день,
когда поет его душа.

Льдины ввысь взлетают, грохоча,
От ударов синего меча.

А Иртыш смеется, будто гром,
Весело работая веслом.

Он торопит льдины: рыбаки
Ждут своей минуты у реки.

И подснежник ждет лучей в бору,
Он озяб сегодня поутру.

Тает снег последний.
Гром гремит.
Белая симфония звучит.

ТАНЦУЕТ КАПЬЯ

О, если б смог увидеть нашу Капью
Великий Гойя,
То наверняка
Был потрясен ее таежной статью,
И к кисти устремилась бы рука...

Танцует Капья танец «Сбор рябины»
В огне листвы,
В огне семи рябин.
И вместе с Капьей в этой пантомиме
Мы, словно листья, кружимся, летим.

Танцует Капья –
Лебедь с Элентура*.
На гибкой шее нити бус звенят.
В движеньях быстрых есть движенья бури,
Они о смелых чувствах говорят.

Танцует Капья,
И танцуют блики
Лучей и веток по ее плечам.
И лебедей восторженные клики
Ложатся с листьями к ее ногам.

ОДИНОКИЙ ПОРУЧИК

Развевались дымные тучи
Над полем вражды и стрельбы.
Стоит одиноко поручик –
Осколок пехотной цепи.

Над полем морозно и ясно,
Березы у поля стоят.
К последней атаке на красных
Готовится белый отряд.

Стоишь ты задумчиво-тихо,
Перчатки в морозной пылице.

* Элентур (манс.) – дальнее озеро.

Закручены усики лихо
На смуглом красивом лице.

Ты думаешь: «Как совершенны
Березы в январском цвету!
Забыли мы в схватках смертельных
Природы родной красоту.

Не дикость ли это?!
Довольно
Об этом судить и рядить!
России воюющей больно,
Но некому нас рассудить».

И будет атака.
Перчатки
Ты бросил на розовый снег.
И топот услышал солдатский.
Прощай, мой расколотый век!

За полем тайга почернела.
Снега, как ромашки, цветут.
Идете вы в белых шинелях,
А красные
в красных идут...

И лес расступился дремучий.
Живые, спешите уйти.
Лежит одиноко поручик
С наганом,
прижатым к груди.

✱

Йодисто-рыжи
Апрельские шишки у ели.
Качается солнце
Забавной ромашкой над ней.
Глухарь на вершине.
Он смотрит на галечник мели,
Там четкий рисунок –
Следы великанов-лосей.

А рифма мне неинтересна,
Она как зелье от греха.
Она от правил всем известных.
Я верю в музыку стиха!

*Анне Митрофановне Коньковой,
мансийской сказительнице*

Я знаю тот последний час
Седого кедра на рассвете:
Печальный взгляд зеленых глаз,
Прощальный взмах усталых веток.
Как опустело на земле!
Хотя, смотри, деревьев сколько!
И чудо –
Утром на стволе
Родилась крохотная елка.
Она пришла сюда на зов
Моей души, деревьев, солнца...
Бессмертны мы.
И в тень веков
Уйдя,
Лесами в мир вернемся.

Юван ШЕСТАЛОВ

Юван (Иван) Николаевич Шесталов родился в 1937 г. в д. Камрадка Ханты-Мансийского н.о. Учился в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена. Окончил Тюменский педагогический ин-т (1965), Высшие литературные курсы в Москве (1969). Пишет на мансийском и русском языках. Первые стихи родились под влиянием встреч со сказителями. В середине 1950-х гг. писатель объездил национальные села Березовского р-на, записал старинные песни и танцев». Первый поэтический сб. «Аромат Родины» вышел в Тюмени в 1959 г. на мансийском языке, вслед за тем ленинградский ж. «Нева» осуществил первые публикации поэта в русских переводах. Широкое читательское признание ему принесла фольклорная поэма «Миснэ» (1961). Автор «Языческой поэмы» (1971; Государственная премия России, 1978), поэтических сб. «Сказка в синий полдень», «Огонь и снег», «Полярный круг», «Слово Гиперборея», «Дорога», «Идол», а также собрание сочинений в 5-ти томах. Живет в Петербурге.

Мне сказывали, прадед мой
Стрелком отличным был.
Он в руки брал свой лук тугой
И белку в глаз разил.

О, если б мне так жизнь прожить,
Чтоб песнею своей
Вот так же метко находить
Пути к сердцам людей.

Перевод А. Поперечного

Подарю тебе ружье – встрепенутся птицы:
им от выстрелов твоих будет не укрыться.
Подарю тебе я нож: пролетит мгновенье –
задымится на снегу струйка – кровь оленья.
Ничего не подарить?

Я же северянин!
Песню от меня прими!
Эта песня станет —
если надо — и ружьем,
и ножом,
и чумом,
станет нартами она,
о полете думой.
Песню подарю тебе: под луною вечной
нет дорожке ничего песни человеческой!

Перевод В. Торопылина

ГЛАВНОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ДЕДУШКИ

Кайо! Вот пройдет твое беззаботное,
Как у собаки лайки, детство,
Встретишься с юностью.
Юность познакомит тебя с дорогой.

Откроется перед тобой дорога, иди!
В дороге — радость познания.
Увидят глаза красоту — задумайся.
Знай, красота — друг размышляющих.
Слушай пенье малой пташки
И богатыря тайги — глухаря.

Слушай шелест слабой травинки
И могучего кедра.
Слушай волнение великой реки
И свирель таяжного ручейка.
Слушай! Красота принадлежит слушающим.
Наблюдай, как рыбак вынимает из сети рыбу,
Как охотник выводит звуки вещей слов:
Красота открывается наблюдающим.

Восславь большое дерево,
Подарившее тебе орехи.
Воспой большую реку,
Подарившую тебе рыбу.
Красота радует восхваляющих.
Найди во взоре своем теплые струи света.

Взгляни на мир
Добрый взглядом большого сердца:
Красота награждает жаждущего
Истинной красотой!

Ликуй, по-человечески ликуй,
Если тебя коснется благословение красоты!
Тогда все твои сомнения уйдут в тень
И в тебе победит Человек.
И ты заново родишься.
Иди по дороге жизни,
Ищи Человека. Ищи себя!
Тебе, манси, даровано —
Жить на земле.
Тебе, манси, даровано —
Странствовать по свету.
Тебе, манси, даровано —
Жить на земле.
Тебе, манси, даровано —
Дарить тепло людям.
Тебе, манси, даровано —
Быть Человеком!

Перевод с мансийского

✱

*Еве Шмидт,
прекрасно знающей мансийский язык
и мечтающей работать среди манси*

Когда моя рождаться сила стала —
мне света не хватало,
мне ливня не хватало...
Когда мое рождаться сердце стало —
реки мне не хватало...
Лесов мне не хватало...
Когда моя душа рождаться стала —
зверей мне не хватало
и рыб мне не хватало...
Когда же наконец проснулся разум —
я поняла,

что все мне нужно разом:
высокий свет,
и дикий лес дремучий,
и теплый дождь,
и стаи рыб, и кручи,
таежная седа бесконечность,
и ум живой,
и добрая сердечность.
Пойду в тайгу!
И сердце городское
я оживлю таежною душою —
пусть в каменную нашу современность
войдет тайги живая сокровенность, —
а принесу для жителей тайги я
и острый ум,
и знания городские...

Перевод С. Ботвинника

МОЯ ЗАГАДКА

Кто позже всех ложится
И раньше всех встает?
Над синими снегами,
Над звездными лесами...
Кто ярче всех горит
В морозной тишине?

— Чтоб в снежном море
Не сгнули олени
И усталый путник —
Нашел дорогу к людям,
Позже всех ложится,
Раньше всех встает
Полярная звезда!

Перевод А. Кушнера

Ханты

Мария ВАГАТОВА

Мария Кузьминична Вагатова (Волдина) родилась в 1936 г. в Казымской тайге в семье оленевода. Была старшей из 12 детей. Окончила Ханты-Мансийское педагогическое училище (1965). Работала в Казыме учительницей, много сил отдавала газете, была партийным работником. Пишет на хантыйском языке. В 1977 г. совместно с писателем А. Тархановым выпустила «Ханты-мансийские сказки». Первый поэтический сб. «Утро Оби» вышел в 1987 г. В 1996 г. в Тюмени на русском и хантыйском языках издан сб. стихов и сказок «Маленький тундровый Человек». Живет в Ханты-Мансийске.

И горда я, и красива!
Черный сах* на мне искрится,
Белый сах на мне искрится.
Я поймаю трех оленей —
Серебром их шерсть лоснится,
Белым инеем дымится!

Запрягу я трех оленей,
Запрягу, украшу шею —
Где других найдешь быстрее!
Мчатся нарты, точно птицы.
И горда я, и красива!

* Сах — меховое платье.

Как бубенчик бьется – звонок!
Как у нарты полоз тонок!
И смеюсь я, как ребенок, –
И горда я, и красива!

Вслед за стадом, белизною,
Где олени шли гурьбою,
Я лечу, а за спиною
Вереница нарт за мною –
Целиною, целиною!

И горда я, и красива!
И не знаю я вольней
Тундры – родины моей!

Перевод А. Смольникова

ХВАСТУН

Как сорока – скок да скок,
Даже клюв от пены взмок...
С боку на бок голова –
Все сорит, сорит слова.
Хватит, хватит людям врать!
Уж давно пора понять:
Как береста в лютый год,
Лопнешь вдруг, а кто доверт?
Ложь – как тот худой олень:
Мчит, бывает, целый день,
Но споткнется, и тогда
Не подымешь – вот беда!

Перевод А. Смольникова

В моем сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа,
Что ветвятся, как деревья,
Полны света и доверья.

Как березка золотая,
Я свечусь на склоне лета –

Ничего я не скрываю,
Мне б успеть отдать все это.

Все вернуть земле и детям,
Перетечь в сердца и души.
Нет на свете доли хуже,
Чем отдать все это смерти!

Перевод А. Смольникова

Владимир МАЗИН

Владимир Алексеевич Мазин родился в 1951 г. в с. Ларьяк Ханты-Мансийского а.о. Окончил культпросветучилище и Тобольский педагогический ин-т им. П.П. Ершова. Пишет на русском языке.

Живет в Нижневартовске.

ХАНТЫЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Тихо дерево поет,
Годы чьи-то
 вспоминая...
По реке шуга плывет,
Снег дороги засыпает.
Звуки древние старуха
Понимает, как слова,
Нежный голос наркасьюха
Молча слушает вдова.
Неизвестно, сколько лет
Пролетело птичьей
 стаей...
Лишь старинный инструмент
Песни их не забывает.

ВОСПОМИНАНИЯ

Чем далече дорога от детства,
Тем сильнее тоска по нему,
И брусничное наше соседство
Светлой памятью вновь обниму.
Где-то здесь потерял я собрата
По мелодии первой моей.
К нам, в Ларьяк, возвращался когда-то
Заколдованный плеск лебедей,
И два озера спорили ночью,
На котором скользить лебедям;
Уступить, замолчать, разнемочься –
Значит плыть по чужим берегам,
И сливались весенние воды...
Погружалась дорога на дно,

Где искал я словесные броды...
Как давно это было. Давно,
Когда мир созерцался игривым
И сквозь линзы нечаянных слез.
Не сгорают на вахских обрывах
Поминальные свечи берез.
Я старинное русское средство
От беспамятства к сердцу прижму –
Ностальгию по родине детства
На поверхность судьбы подниму.

Тимофей МОЛДАНОВ

Тимофей Алексеевич Молданов родился в 1957 г. в д. Юильск Березовского р-на Ханты-Мансийского а.о. Окончив 8 классов, ушел в оленеводы, служил в армии, учился в Салехардском зооветтехникуме, в Тобольском педагогическом институте им. П.П. Ершова. Работает в НИИ возрождения обско-угорских народов. Пишет на хантыйском языке. Собирает песни казымских ханты, записал 30 легенд и сказок от сказителя П.И. Сенгенова. Автор многочисленных «быличек» из жизни своих юильских земляков. В 1997 г. в Ханты-Мансийске на хантыйском и русском языках опубликован стихотворный сб. «Мое первое слово».

КУРЬЁХСКИЕ БОРА

(подстрочник)

Возле Среднего Курьёха,
Где многочисленные мужчины ходили,
Где многочисленные мужчины шагали,
Возле Среднего Курьёха,
Где белки скачут, семь боров.

Вот многими людьми исхоженных троп
начало.

Затесы, что к ним вели,
Давно не видны.
Вот многими людьми исхоженные дороги,
Пути, по которым ходили,
Давно заросли.

Землей засыпанные многие дома –
Я их видел.
На землю павшие многие лабазы –
Я их видел.

Умирающие, они все еще
Пытаются спрятать,
Дыхание теряющие, они все еще
Пытаются укрыть
Когда-то богам принесенные одеяния,
Когда-то богам вознесенные дары.

Да, такие вот дни были,
От глаз чуждых скрытые,

От людей чуждых скрытые, –
Хантыйских девочек время жизни,
Хантыйских мальчиков время жизни,
Многоголосое хантыйское время.

Для наших сердец хороший день,
Для наших душ счастливый день
Где мы теперь возьмем?!

Многочисленными предками хранимые,
Многочисленными предками оберегаемые
Те божественные высокие слова,
Те священные, высокие слова,
Где мы теперь найдем?!

ИМЕНА ПОТЕРЯВШИЕ ЗЕМЛИ

(подстрочник)

В борах возле речки Хетта,
По длинному бору всему,
Зелеными травами скрытые,
Высокими кустами заросшие
Останки от многих домов.
В них жили хантыйские люди,
И детство мое там прошло.
Вот это вот место было
Под именем Хар сурт корт вул...
Вот это вот место было
Под именем Тозин корт вул.

Где Хетта-река протекает –
Все с именем жило тогда...
В ушедшую бытность все знали –
Здесь Амали ставил запор.
В ушедшую бытность все знали –
Никиты здесь рыбный залив...
Так речка вся имя имела.

Вновь прибывающим людям,
Вновь приезжающим людям
Что земли те могут поведать,
Что земли те могут сказать?!.
Мы, знавшие всё, разъехались...
Мы, знавшие всё, ушли...
Так земель имена потерялись,
Так вод имена утекли...

Роман РУГИН

Роман Прокопьевич Ругин родился в 1939 г. на Ямале, в пос. Питляр. Окончил Салехардское педагогическое училище, Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена (1964), Высшую партийную школу в Свердловске. Работал учителем, был на партийной работе. Печатается с конца 1950-х гг. Первый сб. стихов «Живая вода» вышел в 1963 г. В русских переводах изданы поэтические сб. «Снежные мелодии», «Метель на ладони», «Звон летящего аркана», «Многодумная Обь», «Снежная держава». Живет в Салехарде.

Сеть выбирал он почти что в любую погоду.
Жесты отца никогда я забыть не смогу:
Рыбу протухлую в лодку бросал, а не в воду,
Чтобы затем ее выкинуть на берегу.

Мне говорил и при том улыбался лучисто:
«То, что я делаю, это нетрудно понять:
Не понапрасну ж сгнивать ей в воде этой чистой,
Воду-кормилицу ядом своим отравлять!
Зверю лесному она пригодится при встрече,
Звери крылатые, видишь, гнездятся везде...
Думай, сынок, не о том,
Чтоб тебе было легче,
Коль ты на промысле
В щедрой тайге, на воде.

Думай, сынок, о собратях всегда:
Тоже нужна им еда!»

ДЫМ КОСТРА

Тонкий дым золотого огня —
Разве можно его позабыть?
Где б судьба ни водила меня,
Этот дым я не мог разлюбить!

Горьковатый, особый, родной,
Терпкий, трепетный запах дымка,
Затаившись, был всюду со мной —
В тканях, в швах моего пиджака.

Как бы снегом вокруг ни мело —
Стоит запах тот милый вдохнуть,
И тотчас тебе станет тепло,
И короче покажется путь.

А устанешь в дороге — ну что ж:
На любом сумасшедшем ветру
Ты умело огонь разожжешь
И присядешь к живому костру.

Словно ветер в домашней трубе,
Твой костер зашумит, загудёт,
Пищу вкусную сварит тебе
И с тобой разговор заведет.

Дым струится, клубится, сквозит,
Пламя дышит, меняя цвета.
Ничего, что глаза мне слезит —
Отступает зато темнота!

Но учти: он не любит игры,
Мстит бездумному — и потому
Разводить ради шулки костры
Не советую я никому...

Северянин, охотник, рыбак,
Был я вскормлен костровым дымком,
Как бальзамом живительным, как
Материнским святым молоком.

Я немало костру посвящу
Самых искренних строчек и строф,
И на родину путь отыщу
Я по запаху дымных костров!

Перевод И. Фоякова

ГЛУХАРЬ

Мне средь птиц лесной глухарь
Всех родней и ближе.
Он красуется, как царь,
Брови – красно-рыжи.

Раньше всех в глуши лесной
Он на сук садится,
Словно хочет тишиной
Утра насладиться.

Только крыльями – смотри! –
Тихо помахает
И румяный лик зари
Тихо овевает.

Для него – роса полян
На траве несмятой,
Освежить его туман
Вышел бородатый.

С глухаря и человек
В прошлом, может статься,
Взял пример: зарывшись в снег,
От пурги спастись.

Ночь садится глухарем
Пышнокрылым, черным.
День взлетает глухарем
Молодым, задорным.

Говорят о нем не зря:
«Колдовская птица!
Днем увидишь глухаря –
Ночью слаще спится!»

Перевод И. Фоякова

ЛУК

Когда про детство думать начинаю
Среди друзей давнишних и подруг,
Одним из первых часто вспоминаю
Свой неразлучный лиственничный лук.

Его я как-то в тихий летний вечер
Сам смастерил – взгляните, вот какой!
Опять его пружинящие плечи,
Мне кажется, я трогаю рукой.

С ним только стоит на мгновенье слиться,
Лишь стоит натянуть его едва –
И сердце вдаль стрелой устремится,
И запоет живая тетива!

О, эти стрелы в необъятной сини,
Летающие под самый небосклон!
Прислушаться – в ушах моих доньне
Их еле слышный свист и легкий звон.

Не бил я по живой и теплой цели,
Уже и то достаточно ценя,
Что стрелы бескорыстные летели
Все дальше, дальше, дальше от меня...

Но, в детских играх тренируя руку,
Я признавал отчетливо вполне:
Древесный мускул боевого лука
Служил в свой час охоте и войне.

И чувствовалось явственно: когда я
Играл, своей заботой увлечен,
Придирчиво за мною наблюдая,
Стояли предки за моим плечом.

Давно отпели стрелы боевые,
И по другим законам я живу.
Но, взрослый, размышляю не впервые:
Что нынче возложить на тетиву?

Тебя, о Мысль! Тебя, живое Слово!
Да будет вам в пути не тяжело!
Летите вдаль и поражайте снова
Живучее, крадущееся зло!

А другу вести добрые несите
Через любые горы и моря,
Сверкнув на солнце в голубом зените,
И с птицами, и с ветром говоря!

Летите, пойте, жизни помогая,
Пушай не станет нечисти вокруг!
Еще надежна тетива тугая,
Еще он крепок, наш хантыйский лук!

Перевод И. Фонакова

ЯЗЫК ХАНТЫ

Отчий язык мой, зовущий
К правде и свету язык!
В малом народе живущий,
Разве он впрямь невелик?

Кладезь немеркнущих знаний:
В нем сохранились, точны,
Сотни для снега названий,
Сотни — для резвой волны.

Сотня имен и для ветра
В нем на сегодня жива...
Нет, не впустую так щедро
Он расточает слова!

Наша за ними природа,
В них никогда не умрут
Нашего — ханты — народа
Опыт, и разум, и труд.

Мощен, как прежде, и волен
Северный древний язык,
Кто говорит, что он болен,
Высох, закахнул и сник?

Годы его не сгубили,
Меток он, гибок, богат,
Если вы что-то забыли,
Это ж не он виноват!

Шел я по нашему краю,
Множество рек пересек,
Ягодки слов собирая
В берестяной туесок.

Тысячу лет проживите,
Перешагнете века —
Знаю: никто не увидит
Донца того туеска.

Недрам сибирским подобен,
Где над пластами пласты,
Тонок язык наш, подробен,
Полон живой красоты.
Высказать все он способен —
Всю глубину доброты!

Может, как быстрая речка,
Песню весеннюю спеть.
Может, как жаркая печка,
В стужу людей обогреть.
Может взречь ураганом,
Нельмой на солнце блеснуть,
Может ременным арканом
Горло врага захлестнуть.

Если ж явление ново —
И для него в свой черед
Сыщет, придумает слово,
В русском подчас призовет.

Отчий язык мой, зовущий
К счастью и свету язык!
В братстве народов живущий,
Разве ты впрямь не велик?

Перевод И. Фонакова

Прокопий САЛТЫКОВ

Прокопий Ермолаевич Салтыков (1934–1994) родился в стойбище Нартыорт на Ямале в многодетной семье обского рыбака. Окончил Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена. Преподавал в Салехардском педагогическом училище, в школах Ямала, был редактором национальных радиопередач. Писал на хантыйском языке. Первые стихи были опубликованы в ж. «Костер» и «Молодой Ленинград», в 1964 г. в Тюмени вышла первая кн. «Сердце поет». В 1980-е гг. восстановил родовое предание хантов «Песнь старца из Тэги», изданное в 1990 г. на русском языке в поэтическом переложении А. Преловского.

В соавторстве с Р.П. Ругиным написал «Золотой огонек» — кн. для дополнительного чтения в национальных классах хантыйских школ (1983), составил методические рекомендации в помощь изучающим хантыйский язык (1989). Три с лишним десятилетия собирал материалы по шурьшкарскому диалекту хантыйского языка.

ПОД ПАРУСОМ

Вот повернул на север,
Парус подняв косой,
Ветер — олень могучий —
В парус запрягся мой.

Лодка, как сани с горки,
Катится по реке.
Чайки над пенным следом
Вьются невдалеке.

То подлетят повыше,
То припадут к волне,
Словно река скрывает
Что-то от них на дне.

Парус двумя руками
Весело напрягу,
Чтобы приблизить землю
С юртой на берегу.

Там разгляжу под солнцем
Лодочку на волне.
В лодочке этой стоя,
Девушка машет мне.

Я распеваю песни
Ветру наперекор.
Как далеко заплыл я!
Вот ведь какой простор!

Ветер ударит сбоку,
Лодку мою креня.
Девушка та на берег
Вышла и ждет меня.

Перевод А. Кушнера

МЕСЯЦ

В небе полночном
Месяц с ладонь
Скупко роняет
Холодный огонь.

Прячется, хмурый,
За тучкой взъерошенной,
Бродит, как парень,
Девушкой брошенный.

В жизни свободной,
В мире широком
Стоит ли маяться
Так одиноко?

В обруч согнуться,
Скучно замкнуться
Я не хотел бы,
Я не сумел бы...

Перевод Н. Грудининой

ЛЕБЕДИ

Снежным своим опереньем блистая,
К северу тянется дикая стая.

Слышу я в мягком тоскующем крике
Боли и радости голос великий.

Видно, милей им сторонка родная
Рая чужого, веселого края...

Перевод Н. Грудининой

Двое гуляли,
За руки взявшись.
И вдруг плеснуло
На землю небо
Водою шалой,
И загорелось,
И загремело.
Послушай, небо,
Да где ж твой разум?
Два юных сердца
Едва успели
Понять друг друга,
А ты им, небо,
Гулять мешаешь!

Перевод Н. Грудининой

Микуль ШУЛЬГИН

Микуль (Иван) Иванович Шульгин родился в 1940 г. в д. Мувхоткорт (Ямало-Ненецкий а. о.). Отец был председателем одного из первых хантыйских рыболовецких колхозов. Учился на Северном факультете Ленинградского педагогического ин-та им. А.И. Герцена. Участник Первой Всероссийской конференции писателей народов Севера (1961). Пишет на хантыйском языке. Первая кн. стихов «Медовая Обь» вышла в Тюмени в 1962 г., в 1975 г. — сб. «Благодарность» (Свердловск, русский перевод В. Кузнецова). Перевел на хантыйский язык «Сказку о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина, «Конек-Горбун» П.П. Ершова. Живет на Ямале.

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ

Вот он — северный олень,
Белый, словно снег.
Пусть сугробы до колен,
Легок его бег.

Я сожму в руках хорей,
Только кину взгляд,
Только лихо крикну: «Эй!» —
Все скорее и скорей
Нарты полетят.

Среди снежной кутерьмы
В тундре голубой,
Сквозь дыхание зимы —
Солнечной стрелой!..

Друг мой — северный олень,
Белый, словно снег.
Он в сугробах до колен
Не убавит бег.

Перевод В. Кузнецова

За осокой сверкают весла,
Словно там крадется лиса.
И кружат над водой, словно блесны,
Белокрылые паруса.

Нынче промысел тронется в гору –
Косякам здесь потерян счет!
По Оби в эту самую пору
Не вода, а рыба течет.

Ах, река, тобою обласкан,
Я стою с просветленным лицом...
Словно песня ты, словно сказка
С очень добрым, счастливым концом.

Перевод В. Кузнецова

МЕДВЕЖЬЯ ПЛЯСКА*

Выше, музыка, полет!
Пол грохочет,
Пол хохочет,
Под ногами пол –
Поет!

Громче, друг!
Шире круг!
Посмотри,
В рубахе красной
Вышел парень –
Сокол ясный!

На лице у парня маска.
Вот он топнул, как медведь.
Это ж вам – медвежья пляска!
Надо топать и реветь.

* Медвежья пляска – старинный хантыйский обрядовый танец.

И пошел,
Пошел по кругу,
По-пустому не пыля.
Лихости на всю округу –
Не крутись, стой, земля!
Пляшет парень, как учили.
Все мы пляшем –
Мо-ло-дцы!
Пляшем в том же самом стиле,
Что и деды, и отцы.

Удалой хантыйский танец.
Подивился б иностранец.
Щедро на пол каплет пот –
Выше, музыка, полет!

Словно бы пурга крепчает –
Так отчаянно качает...
Где такое встретишь, друг?
Шире круг! Шире круг!

Перевод В. Кузнецова

ВЕРТОЛЕТ

Вместе с отцом и дедом
Смотрим во все глаза.
Висит вертолет над кедром,
Словно бы стрекоза.

Вот повисел и ходко
Пошел бочком в облака,
Точно крылатая лодка
От свежего ветерка.

Не говорим как о чуде.
Почту привез и – привет!
...Такое придумали люди,
Чего и в сказаниях нет!

Перевод В. Кузнецова

СТРЕЛЫ

У деда
Меткость вошла в обиход.
Он стрелы берег про запас.
Утку бил он, как правило, влет,
Белку и соболя – в глаз.

Туго натягивал тетиву,
Хоть был и с берданкой знаком.
Я, может быть, потому и живу,
Что дед был метким стрелком.

Хочу трудиться до петухов,
Как только дед и умел,
Чтоб были строки моих стихов
Острее и метче стрел.

Перевод В. Кузнецова

ЧАЙ

В том распадке, за бугром, –
Спелый дух коры.
Искры тают над костром,
Словно комары.

Ты, тайга, нас привечай,
Принимай наш пот.
Пьем густой заварки чай
После всех хлопот.

Перевод В. Кузнецова

Гордость воды тяжела,
Как ружейная дробь.
А тайга нажила
Сотни тропок и троп.
И по этой тайге
Средь кустов ивняка
Шла по горло в шуге
Молодая река.

Тяжелы были льды,
Да и камни не мед...
Ты учись у воды
Перемалывать лед.

Перевод В. Кузнецова

Дождь прошел.
Светло весною,
полон вечер
тишиною.
Ветра словно не бывало,
небо дном прозрачным стало.
Будто жир
вода лоснится,
на нее
салятся птицы...
Вдаль скользить на лодке мне бы –
да боюсь: сломаю небо!

Перевод В. Кузнецова

Пусть мороз,
Пусть до слез,
Пусть метель без конца!
На морозе отважнее бьются сердца,
Если это охотников смелых сердца.

Пусть сугроб
Среди троп,
Как песец на спине!
На сибирском морозе не холодно мне,
Кровь мужчины подобна весенней волне.

Пусть мороз,
Пусть до слез,
Пусть река подо льдом!
Заковал ее холод в оковы с трудом.
Я – сильнее! Я мороз побеждаю трудом!

Перевод В. Кузнецова

ЗИМНИЙ ЛЕС

В сентябре – огне
Мой кедровый лес,
Головой достал
До седых небес.

Он в снегу по грудь,
Словно заяц бел.
И ему под стать
Лунный свет, как мел.

Он не просто лес –
Он вселенский мост;
Корни тут, в земле,
Кроны там, среди звезд.

Чутко замер лес,
Словно чуда ждет.
По стволам его
Долгий гул идет.

Чу! Олений бег,
Громкий говор вдруг.
– Эй, садись, подвезу!
– Эй, не мешкай, друг!

Перевод В. Кузнецова

РОДИНА

Голубой приток Оби,
Сумрак над водой угрюм...
У холма – хантыйский чум,
Как исток моей судьбы.

Не забыть его мне: здесь
Детство милое прошло.
И поныне смотрит лес
В лед – прозрачный, как стекло!

Здесь на трехвековый кедр
Я мальчишкой залезал.
Уж давно буран мой след
Белым снегом зализал...

Мама глянет в темноту –
Ждет, наверное, меня...
Скоро, скоро я приду,
О прощении моля!

Встану у родимых скал,
Вспомню первую любовь...
Дней моих тугой клубок
Здесь разматываться стал.

Перевод В. Кузнецова

Ненцы

Тыко ВЫЛКА

Тыко (Илья Константинович) Вылка (1886–1960) родился на о-ве Новая Земля. В 1909 г. работал в экспедиции полярного исследователя В.А. Русанова. Организовал на Новой Земле первую ненецкую коммуну, свыше 30 лет возглавлял островной Совет. Писал на ненецком языке. Автор многих песен, в том числе песни «О Русанове» («Избранное», 1965).

О РУСАНОВЕ

Мы живем
У морской бухты.
Никто к нам не приходит,
Никто не уходит.

Однажды
С большого моря
Двухмачтовое судно
С шумом идет,
С громом идет.
Двухмачтовое судно
Остановилось.
С двухмачтового судна
Лодочка пришла,
Прямо к берегу
Подошла.
Русский Русанов,
Русский оказался (прибыл).

Русанов русский
Он так сказал:

– Из четверых Вылка-старший
Где находится?

Мой отец-старик
Он так сказал:
– Старший сын мой
Рядом со мной.

Русанов русский
Проговорил:
– В этом году
Сына твоего повезу
Вокруг Новой Земли.

Отец мне так сказал:
– Как думаешь?
Поедешь или нет?

Я так ответил:
– Пожалуй, поеду.

Русанов русский
В лодочку свою
Меня посадил
По-хорошему.

На двухмачтовое судно,
На судно
Поднялся я.

Долгое-долгое лето
Вместе с Русановым
Я веду десять русских
Среди плавучих льдов.

Долгое-долгое лето
На двухмачтовом судне
Только мотор стучит.
С русским Русановым
Дружба была хорошая.
Было у нас две головы,
А сердце одно.

Перевод А. Щербаковой

Юрий ВЭЛЛА

Юрий Кылевич Вэлла (Айваседа) родился в 1948 г. на берегу р. Варьёган в Тюменской обл. Воспитывался в школе-интернате, с детства хорошо владеет ненецким, хантыйским и русским языками. Возвратившись после армии в Варьёган, работал художественным руководителем сельского дома культуры, был охотником, председателем сельсовета. В 1988 г. окончил Литературный ин-т им. А.М. Горького. Стихи пишет на русском языке. Псевдоним Вэлла — от названия древнего рода лесных ненцев. Автор поэтических сб. «Вести из стойбища» (1990 и 1991), «Белые крики» (1996). Живет в пос. Варьёган.

ЗЕМЛЯКУ,
ПОСЕЛИВШЕМУСЯ В ГОРОДЕ

*Добрый олень с выпадением
первого снега возвращается туда,
где он родился.*

(Ненецкая пословица)

Если по первому снегу
Олень не вернулся в родное стадо,
Значит, его задрали
Волк или росомаха.
Если орлан-белохвост
Бросил гнездовье,
Значит, нашел где-то место безлюдное.
Если сестра моя — лебедь
С весенней песней юности
Не покружилась над моим чумом,
Значит, погибла от выстрела...
А если
Ты не зверь беззащитный
И не перелетная птица,
Если крылья твои целы,
Но дорогу не вспомнил
В стойбище матери,
Какую причину придумаешь ты себе?

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Выпал первый снег —
Белый, белый, белый.
Вышел человек —
Серый, серый, серый.
Видит все в снегу:
Дом, ворота, сани,
Что готовы вдруг
В путь сорваться сами.
Видит облака —
Сизые пушинки.
В воздухе парят
Легкие снежинки.
Тают на лице,
Падают на плечи.
Словно вот такой
Радуются встрече.
И стоит уже
Белый, белый, белый
Тот же человек,
Что был серый, серый.

ПЕСНЯ БАБУШКИ НЕНГИ

*Что бы ни делала бабушка,
всегда пела песни.
Эту она пела,
когда шила для меня обувь.*

Вот сошью кисы я внуку.
Нгадьеей-нго!
Чтоб не мерз в мороз и вьюгу.
Нгадьеей-нго!
А когда пойдет за зверем
Далеко,
Чтобы лыжи не скрипели.
Нгадьеей-нго!
Будет он пасти оленей.
Нгадьеей-нго!
Из реки добудет нельму.
Нгадьеей-нго!

А в геологи потянет
Коль его,
В холода кисы натянет.
Нгадьеей-нго!

Здесь была сосна...
Срубили сосну – остался пенёк.
Здесь росла берёза...
Бульдозер выдрал её с корнями
И гусеницами стальными в липкую грязь вмолил –
И осталась серая глина, от жары растрескавшаяся.
В озере плескалась рыба...
Поленился трубопрокладчик проверить трубу,
А там была маленькая трещина, затёртая глиной.
Заполнил
 нефтедобытчик
 нефтью
 трубу
 до отказа,

Она и лопнула.
Сегодня в том озере даже водоросли не растут.
Однажды родился человек...
Человек этот,
Возможно, – Ты.
А что, если ты уже не человек?
А что, если ты уже себя
 топором
 под корень..?

НА ТРОЛЛЕЙБУСНОЙ ОСТАНОВКЕ

*Москва. Троллейбус № 29.
Ранним утром на конечной
остановке «Стадион «Динамо»...*

Стою возле будки
На остановке,
Читаю обрывки бумажных фраз:
«Меняется...»,
«Срочно меняем...»,
«Разъезд...»,

«...трехкомнатную,
С балконом на юг.
К концу пятилетки
В двух шагах будет пущена
Новая станция метро...»,
«...пятикомнатную,
С лоджией,
На две квартиры
Любых:
Одну – в Москве или в Подмоскowie,
Другую – в любом конце страны».
И подумалось вдруг:
Неужели когда-то
На развилке оленьих дорог
И мои сородичи
Станут взывать:
«Семья развалилась,
Меняется чум...»,
«Мой муж алкоголик,
Меняю семью...»,
«Поссорились с зятем,
Меняется род...»

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ ВОЗРАСТА

«Достичь возраста первого шага...»
«Достичь возраста метания тынзына по носам нарт...»
«Достичь возраста самостоятельной езды
 на оленьей упряжке...»
«Достичь возраста самостоятельной охоты (рыбалки)...»
«Достичь возраста Первого Поцелуя...»
«Достичь возраста Полноценного Поцелуя...»
«Достичь возраста вскармливания дитя...»
«Достичь возраста Белого Шва...»
«Достичь возраста Своей Походки (Своей Песни)...»
«Достичь возраста рождения внука...»
«Достичь возраста мудрости иносказаний...»
«Достичь возраста, когда главой семьи становится
 твой сын...»
«Достичь возраста возвращения в детство...»
«Ступить на Тропу, проложенную Стомедвежьим
Отцом, проложенную Стомедвежьей Матерью...»

Леонид ЛАПЦУЙ

Леонид Васильевич Лапцуй (1932–1982) родился в пос. Новый Порт на Ямале в семье оленевода и охотника. Пас в тундре оленей, рыбачил, работал на Ново-Портовском рыбозаводе. Окончил Салехардское медицинское училище и отделение журналистики Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ, Высшую партийную школу. 15 лет работал редактором окружной газеты на ненецком языке «Нарьяна нэзм» («Красный Север»), был на партийной и комсомольской работе. Писал на ненецком языке. Первые стихи опубликовал в конце 1950-х гг. Автор многочисленных поэтических сб., выходивших на ненецком языке и в русских переводах, в том числе итоговой кн. «В краю оленьих троп» (1982, переводы Н. Грудининой, Л. Шкавро, М. Яснова и др.), а также посмертно изданной поэмы-сказки «Тёр» (1984, перевод Н. Грудининой), основанной на устных преданиях и легендах ненцев и сборника «Олений бег» (1986).

АРГИШ

От кочевников беру свое начало,
Первым криком я приветствовал кочевье.
Тундра звездная меня, как на качелях,
На руках своих натруженных качала.

Я ладошками тянулся к звездопаду,
Пятернею заарканивал снежинки,
А хорей вздымал порошу на тропинке,
И казалась она лебедем крылатым.

Я обучен был со злом не примиряться,
Сердцем вскрикнуть, увидав беду чужую.
Поглядите – с птичьей песнею дружу я,
На тюлений свист умею отзываться.

Как узлом, своей мятежною судьбою
Крепко связан я с тропою той, начальной,
И кольцом нерасторжимым, обручальным
Мою думу опоясало былое.

Разожгу костры весенние в снегу я,
Вспыхну гневом, если друга кто обидит.
Как врага, меня аргиш возненавидит,
Коль сверну я на дорожку на другую.

Перевод Н. Грудининой

В РАЗВЕДКЕ

Весна сверкала, вешним льдом хрустела,
Снег в тундре с каждым часом убывал.
Как будто искра в тундру залетела –
Пришел геолог русский на Ямал.
Плечист, высок посланец из России,
А брови – как кустарник на реке,
Взглянул, со мной заговорил впервые
На незнакомом русском языке:

«Послушай, парень, сын оленевода,
Ты зорче зверя в сумраке ночном,
Ты знаешь здесь все камни, мхи и воды,
Ямал – твой дом, будь мне проводником!»

Снег таял, пахло свежестью и прелью,
И, слушая, как Север наш бурлит,
Там, за семидесятой параллелью,
На трех ногах шагал теодолит.

Сжимая рейку, шел я с первым русским,
Оленей, как хореем, ею гнал,
И у Оби, на косогоре узком,
Железный штырь вонзился в толщу скал.
«У врат ветров, – сказал геолог, – встанет
Гранитный город». Дни былой поры
Ушли, как волки, растворясь в тумане,
А город – вот он, занял склон горы!

Мыс Каменный – так он сейчас зовется,
Как в древних сказках вдруг явился он.
Вздываясь круто, Обь о берег бьется,
И волны отдают ему поклон.
Железный штырь по-прежнему на месте,

Но где тот человек с материка,
Геолог русский? Мы тут были вместе,
И не о нем ли шепчет мне река?

Перевод В. Афанасьева

ЯЗЫК НЕНЦЕВ

Язык наш веками отточен,
Как дедовский нож на бруске,
Язык наш без промаха точен,
Как пика в умелой руке.
Всему – и бушующей вьюге,
И нартам, и травам, и мхам,
Оленям, бегущим в испуге,
Песцам, облакам и мехам –
Всему, что есть доброго, злого,
Названьем – родимое слово.

Язык наш суров и не пышен,
И нет в нем прекраснее слов,
Чем эти, что с детства мы слышим:
Пастух, рыболов, зверолов.
Три слова – рассказ о народе,
Что выжил в студенном краю,
Три слова скажу лишь, а вроде
Как целую песню спою,
Язык наш веками отточен,
Язык наш без промаха точен!

Таков он и в сказках Ямала,
В которых сквозь посвист ветров
Проходит удачливый малый –
Пастух, рыболов, зверолов.

Как будто по камешкам редким
Струится прозрачный родник.
И речь его – речь наших предков,
И к ней я устами приник.

Перевод В. Афанасьева

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Мне сладки детских дней воспоминанья...
Морозным утром белый пар дыханья
Оленьего всю тундру покрывал,
Отец меня брал на руки с постели,
Глаза мои со сна едва глядели,
Но хныканья отец не признавал,
Мы уходили в тундру. У отца
Учился я выслеживать песца,
Учился понимать, какая птица
Кричит; когда ж пурга поднимет вой
И мгла небес с землей соединится –
По бездорожью приходить домой,
Чтобы мне ветер парусом был верным.

Отец хотел, чтоб я в свои семь лет
Умел любой разгадывать секрет,
Стал пастухом, охотником примерным.
Отец мне говорил под шум пурги:
«Сын, никогда от тягот не беги,
В железной схватке со стихией снежной
Ты станешь острым, словно нож железный».

Капризы жизни я узнал потом,
Когда в жару я сдерживал оленей
Под звуки комариных песнопений,
Их песни были, кажется, о том,
Что там, за горизонтом темно-синим,
Конец нечеловеческим усильям...
Зимой в пути я, разгребая снег,
Как зверь, себе устраивал ночлег,
Сидел нахохлившейся куропаткой,
Дымок дыханья вился из норы,
Вокруг толклись снежинки-комары...

Да, жизнь бывала далеко не сладкой.
Я, как морошка, в детстве был румян,
Я был упрям, не поддавался бедам.
Да и теперь не страшен мне буран,
Я не собьюсь – иду отцовским следом.

Перевод В. Афанасьева

САВАНЕ

Меня собою осветила,
И в сердце запросто ко мне
Вошла,
И песней поселилась
 моя землячка Саване.

Не потому,
Что рыбой снасти
Всегда у девушки полны...
Да я и сам
Такое счастье
Легко добуду у волны.

Не замечает,
Ходит мимо...
Но как поведать мне о том,
Что я давно уже
Любимой
Зову любимую тайком.

И с чувствами
Не в силах сладить,
Когда появится она,
Когда в ее небесном взгляде
Теплинка нежности видна.
И сердцем радость приглушая,
О главном ей —
 в который раз —
Хочу сказать
 и не решаюсь...
Хоть не свожу с рыбачки глаз.

Я в ней давно
Души не чаю.
И счастлив тем,
Что Саване
Теперь все чаще
 отвечает
Улыбкой солнечною
 мне.

Перевод Л. Шкавро

Василий ЛЕДКОВ

Василий Николаевич Ледков родился в 1933 г. в Большеземельской тундре в семье оленевода. Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена (1959) и Высшие литературные курсы в Москве (1965). Пишет на ненецком и русском языках. Студентом переводил на родной язык стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Маяковского. Первый сб. — «Детям моего стойбища» (1960, ненецкий язык). В разные годы в русских переводах в Москве и Архангельске издано около десяти поэтических кн. автора, в том числе «Снежная держава», «Голубая страна», «Штрихи», «Отогретая земля». Живет в Архангельске.

ПАСТУХ И СЧАСТЬЕ

Уже олень из озера напился,
уснул в траве оставленный хорей.
Уже рассвет на пастбища пролился,
и день прийти торопится скорей.

И озарилась тундра, и светает,
и птицы разбудили тишину,
и ночь уже в овраги уползает,
и свет пронзил морскую глубину.

И — выдалась свободная минутка —
пес у саней свернулся, дремлет он
и лапками подрагивает чутко:
наверное, приснился славный сон.

Пасется стадо словно бы на ощупь,
жуют олени словно бы во сне.
Пусть птицы горло синевой полощут,
но отчего с утра запелось мне?

А я — пастух. Я о своем мечтаю.
И то, что стадо сыто круглый год,
умом своим за счастье почитаю
и не могу считать наоборот.

Перевод В. Бояринова

ВЕСНА

Вода зиме сказала:

— Пропусти!

И вот весна погнала лед по рекам.

Весна уносит старые пути
и не латает старые прорехи.

Пути-дороги тают вдалеке.

А ведь и я по ним когда-то бегал
там, где повис на тоненьком дымке,
как колокольчик, чум над синим снегом.

Я в чуме ночевал.

Я кочевал.

Я ел кусок, что был слезой просолен.

И я хочу, чтоб новенький поселок
мои воспоминанья врачевал.

Река несет раскрошенные льды.

Что мне жалеть о пройденных дорогах?

Мне небо улыбнется из воды,
и солнышко присядет на торосах.

В великий путь вплетен мой малый след —
ему ложиться по лесам, по скалам.

Пусть вскинет руки радостный рассвет!

Пусть песня впереди меня поскачет!

Перевод М. Борисовой

ИВОВОЕ МОРЕ

Назвали реку «Ивовым морем»...

Смотри:

голубой надев сарафан,
горы круша и долины моя,
она устремляется в океан.

Поверь

своему восхищенному глазу —
радугой в небо взлетит река!

Слуху поверь — и сольются сразу
ее волна и твоя строка.

И песня, расправив сильные плечи,
умчится в полет,

легка и светла.

И звезды заденут,
и небо расплещут
ее лебединые два крыла.

И в тундре,
промерзшей по самый полюс,
проснется жизнь —
уголек в золе.

И чей-то веселый свадебный поезд
тронется прямо навстречу заре.

Соленых льдин в студеных заливах
коснется солнечная рука.

И на волнах, как на гибких ивах,
качнутся высокие облака.

Перевод М. Борисовой

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Нить раскаленная заката,
перегорев, оборвалась.

Под покрывалом снегопада
земля уснула.

В добрый час!

Заснуло темных сопок стадо,
озера дремою полны.

Спи, тундра.

Я тебе, усталой,
наворожу цветные сны...

Я, словно клюквинка-кровинка,
взращен тобою на корню.

Не бойся туч!

Я их лавину
рукой сыновней разгоню.

Ты спи.

Звезда твоя лучиста,

прозрачен воздух.

А вдали
твои кокетливые лисы
на плечи женские легли.
Я, точно сказку, до рассвета
тебе нашептывать готов:
«Европа зябкая согрета
мехами тундровых песцов...»
Твои моря – они бездонны.
А сколько прячет твой простор
мест и бесследных,
и бездомных,
не прирученных до сих пор!
Чудесно.

Мы и их освоим!
Ну а пока ночная синь
тебя окутала покоем,
ты спи и набирайся сил.
Крыла недвижные раскинув,
парит над тундрой тишина...
Красиво и светло: «Россия» –
как полоз по снегу – «Россия»...
Вы только вслушайтесь:
«Россия!» –
земля моя наречена.

Перевод М. Борисовой

Кто я такой?

А разве это важно?
Скажи, кто ты.
Я человек живой,
не прятался от вьюги бесшабашной,
меж сопот шел я собственной тропой;
не кочевал, как горностаи из сказки,
и не кружил, как ястреб, на ветрах;
лоб не прорезали годов салазки
полозьями –

лишь дымка в волосах.
Я на земле не путник безымянный;
все у меня охотники в роду:

кормились от стрелы не оканной,
от метких пуль, поющих на лету.
Над бедностью своей мы не взлетали,
но к богачу за милостью не шли,
следы в узлы оленьих троп вплетали
и сами лодки в реках дней вели.
Кто я такой?

А не верней бы было
в себя взглянуть,
в себе меня узнать?
Одна эпоха нас с тобой лепила,
один сумел нас ветер
обтесать...

Перевод Л. Васильевой

Белая держава: холм, распадок,
белого песка на белом тень.
Словно стая белых куропаток,
над землей взлетает белый день.

Здравствуй, путник!
Издали ль прибыл?
Ты доволен встречей?
Рад и я.

Слышишь, чайник над костром запрыгал,
загудел, как туча комарья.

Спят метели: песенка их спета.
А ручьи лопочут, как во сне...
Знаешь, это добрая примета –
повстречать друг друга по весне.

Приглядись: плывет под небосводом
дым горящих ивовых ветвей.
Значит, где-то вновь оленеводы
крепким чаем потчуют гостей.

Будь и ты моим желанным гостем,
в кружку чаю черного налей.

Выпьем
и с души усталость сбросим,
и сердца забудутся веселей.

Вот хорей и шесть ветвисторогих,
нарти — легче птичьего пера.
Ты — мой гость.

Так выбирай дороги:
отправляться в странствие пора!

Под копытами крутись, планета!
Замирай, дыханье, на ветру.
Здесь у нас, где узких улиц нету,
каждый на свету и на виду.

Белый край мой — белая держава,
к ночи шубу темную надень.
Как лебяжью стаю, провожаем
за холмы летящий белый день.

Перевод М. Борисовой

СКАЛА

Конец земли обозначая,
скала отвесная встает.
А дальше — море, крылья чаек,
как брови девичьи вразлет.

Я здесь родился.

Здесь впервые
взглянуло небо на меня.
В лицо мне брызги ветровые
летели, тоненько звеня.

И песня матери сливалась
с напевным шепотом волны:
то в песнях солнышко плескалось,
то были песни солоны.

С тех пор и в радости, и в горе
с певучим морем я дружу.

Оно звучит во мне, и к морю,
куда б ни шел, я путь держу.

Дугой простор морской изогнут,
и в даль уходят корабли.
По ним, идущим к горизонту,
я понял выпуклость земли.

Перевод Г. Семенова

Прожил тихий человек
Век.
— Хэй! — сказал он. — А дорога
От стола и до порога
Не длинна!
Прожил тихий человек
Век.
— Ох, — вздохнул он напоследок, —
Ведь и та не мной, а дедом
Проторена.

Перевод М. Борисовой

Снежные звездочки с неба падают,
Губы мои прохладой дразня.
Полог чума

настежь распахнут,
Как рот, кричащий:
«Сюда, друзья!»
От звезд я жду хороших вестей,
А на земле — хороших гостей.
Верю:

живут и на дальних планетах
Добрые мудрые существа.
Снежные звездочки — может, это
Их неразгаданные слова?
С темного неба они прилетают
И на губах моих теплых тают.

Перевод М. Борисовой

Гони оленей,
Лови лучи
Людских селений
В глухой ночи.

Не звезды это
Блестят вдали,
Осколки света,
Добра, любви.

Влечет сквозь ветры,
Сквозь ночь и снег
Мечты и веры
Далекий свет.

Перевод Г. Плисецкого

Любовь НЕНЯНГ

Любовь Прокопьевна Ненянг (Комарова) (1931–1996) родилась в Усть-Енисейской тундре на Таймыре. Закончила Игарское педагогическое училище и Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена (1957). Преподавала в школе русский язык и литературу, была корреспондентом газеты, редактором ненецких радиопередач. Писала на ненецком языке. Со студенческих лет сочиняла стихи, но первой была кн. прозы «Я читаю следы» (1980). В 1981 г. в переводе З. Яхнина увидела свет поэма «Огненный суд» (на языке оригинала издана в 1986 г.). Автор кн. ненецких песен «Пою о тундре», лирики «Радуга», ненецких сказок и легенд «Что, отчего, почему?». Создала фольклорные поэмы-версии: родную, ненецкую, «Дети Владыки Ябта Салая», энецкую «Пянтукку и Быкубо», нганасанскую «Ня – отец Земли».

О ЧЕМ ПОЕТ СТАРАЯ НОНЕ?..

За чумом на травке с шитьем на коленях –
веселый наперсток на пальце проворном сверкает –
о чем поет старая Ноне,
о чем вспоминает?

Быть может, о том, что косички ее озорные
из нарты отцовской еще и виднелись едва ли,
когда увозили из детства ее, от ровесниц,
замуж за старого тэта* когда выдавали?

А может, о том, как, с годами забыв о неволе,
в этом же чуме – летом, зимою, в ненастье
над десятью сыновьями – над птенчиками родными –
плакала Ноне гагарой от горя и счастья?

А может быть, Ноне поет и сама вспоминает
ту сладкую ночь – и другой уж такой не бывало, –
когда от законного мужа однажды украдкой
к охотнику-юноше, жарко дыша, убежала?

* Старый тэт – старый хрыч.

Поет ли о том, как постылый приехал за нею,
за косы таскал вокруг чума, а Ноне смеялась.
Он посох сломал свой о голову Ноне. Да только
боль стихла давно, а о ночи той память осталась.

О чем же, о чем поет старая Ноне – кто знает,
ведь песня без слов,
только грустный протяжный напев,
но – странно – она улыбнулась,
в глазах ее солнце играет...
О чем поет старая Ноне,
о чем вспоминает?

Перевод А. Пчелкина

ЛИСТВЕННИЦА И ВАЛУН

Памяти брата Александра

Край земли... Возле кромки прибрежной
стынут лиственница и валун.
Хвою трогает ветер-шалун,
словно волосы девушки нежной...

Лишь недавно мне стала известна
вся история этого места.

То случилось в те давние годы,
когда щука ходила пешком...
В море лодка ушла с рыбаком,
не предвидя лихой непогоды.

И всего через час, всем на горе,
заплясало безумное море!...

И три дня и три ночи скакали
злые волны под вой штормовой!
Прямо к небу вздымался прибой,
разрушая прибрежные скалы.

Шторм утих. Море ластилось кротко.

Не вернулась рыбацкая лодка.

И напрасно сынка громко звали
всю неделю и мать, и отец.
Обессилев от горя вконец,
вдаль от берега откочевали...

Только пес рыбака да невеста
не ушли от причального места.

Синевою просторы сияли,
зеленели расколотым льдом, –
молча, думая лишь об одном,
пес и девушка рядом стояли.

Сквозь года, глядя в зыбкие дали,
жениха и хозяина ждали...

До сих пор там стоят эти двое,
хоть прошло много зим, много лун...

Черный пес превратился в валун.
Волос девушки стал мягкой хвоей.

И пред ликом той вечной разлуки
стали ветками девичьи руки.

Устремляясь все выше и выше,
мысли дерева только о нем,
чтобы, смерти назло, ясным днем
тут причалила лодка и вышел,

бакарем вмяв песок у причала,
тот, о ком эти годы скучала...

Та легенда грустна и красива.

Но и в жизни однажды мой брат
не вернулся с рыбалки назад...

А жена, как плакучая ива,
глядя в зыбкий безбрежный простор,
ожидает его до сих пор.

Перевод В. Гордеева

Знаю я, о чем молчит река,
пряча в глубине земные краски.
В шепоте зеленом тальника
я расслышу бабушкины сказки.

Ничего не стоит мне, поверь,
песню спеть вдвоем с шальной волною.
И о чем ты думаешь теперь,
я пойму, хоть нет тебя со мною.

По приметам прадедов моих
я скажу, какое будет лето,
и зачем внезапно ветер стих,
и о ком гагара плачет где-то...

Я беду сумею отвести,
если волк у стада озорует,
и, ладони в воду опустив,
рыбакам скажу, где чир жирует.

Бисером негаснувшей зари
или даже солнечною нитью
праздничные вышью бакари,
чтобы было в чем на праздник выйти.

Сброшу в омут груз прожитых лет,
грешная, обычная, земная,
не колдунья и не ведьма — нет,
просто тундровичка коренная.

И однажды, пересилив грусть,
путь по звездам вызнав без ошибки,
я, помолодевшая, вернусь
в дымный город — к пишущей машинке...

Перевод Л. Виноградского

Губы шепчут: «Алыкёль!..»*
Тундры северной озера —
нашей юности пароль,
свет души и ласка взора.
По весне мы шли сюда,
не сказав об этом маме,
зыбкого коснуться льда
прямо с берега пимами...
Летом изумрудный взгляд
у воды, трава — ресницы.
И вокруг озер сидят
на своих гнездовьях птицы...
Губы шепчут: «Алыкёль!..»
Как давно и кто впервые
распознал гниения хворь,
видя кочки моховые?
Кто предвидел уж тогда:

* Алыкёль (долган.) — «Гнилые озера».

обернется имя былою —
изумрудная вода
почернеет, станет гнилью?
Видел кто сквозь
 бездну лет
их судьбу,
 что смерти хуже,
как мазута черный след
превратит озера в лужи?..
Губы шепчут: «Алыкёль!..»
А в душе — гнездится боль.

Перевод В. Гордеева

ЗАКЛИНАНИЕ

А.Г.

В чуме дымно, в чуме душно
От сырых листвяжных дров.
Мать полрой облезлой парки
Прогоняет комаров:
«Вон из чума! Вон из чума
Слышать вас не хочу.
Ваши белые сакуи
Дочерна закопчу
И в золе затопчу».
И сочувствую я маме,
Вспоминая как во сне:
Мать воюет с комарами,
А они воюют с ней...
«Вон из чума! Вон из чума!» —
Повторяю у огня.
Комариной тучей думы
Налетели на меня.
От любви несчастной средство —
Заклинанье матерей:
«Вон из дома!
Вон из сердца!
Вон из памяти моей!
Прочь!..»

Теперь твои записки
Жгу на жертвенном огне...

Только думы снова близко...
И с победным звонким писком
Возвращаются ко мне.

Перевод А. Петренко

НА КОНЦЕРТЕ

Я прикрыла глаза.
И как будто
гусей караваны
закурлыкали в небе
над белою тундрой
моей...
Я прикрыла глаза,
и помчался к океану,
лед ломая,
срывая свой бас,
Енисей...
Снова звоном весенним
наполнились
дальние пласты.
Этот звон колокольный
звонарь-ледоход
породил.

Он разбил
ледяные поля
на торосы,
а торосы –
на тысячи
тоненьких игл.

Где-то селезень юный
до стаи никак
не докличется...
Где-то ищет олень
молодой оленухи
следы...

Ледоход.
Значит, кончилось
время девчества

у красавицы дочери
доброго Духа Воды.
Слышу: ветер поет
ее нежное талое имя
и монисты сосулук
срываются в струи воды...
Свадьбе быть,
свадьбе быть –
а иначе не примет
старый Дух Океана
речные набухшие льды.
Только вдруг –
тишина.

Мой мираж
на снежинки распался...
Снова – белая тундра,
песцового меха белей...
Пианист
разминает
уставшие пальцы,
свои длинные пальцы,
как перья
в гагарьем крыле...

Перевод Л. Виноградского

МАСТЕРИЦА Я

Да, я – мастерица.
Нарядную парку свою
сама я из шкур оленьих кроила,
сама и сошью.
Как тундра осенняя, парка моя:
бросишь взор –
сиянием северным светится яркий узор,
волнуется мех,
как течение быстрой реки.
Лицом к ней прижмешься –
ворсинки теплы и мягки.
Иду я поселком –
все парни глядят на меня.

Сама я им нравлюсь
иль нравится парка моя?
Ну что ж, я красива,
имею привычку к труду.
И если захочет посвататься кто-то,
пусть знает: я жду.

Перевод А. Федоровой

ПЯНТУКУ И БЫКУБО

*Фольклорная поэма
Фрагменты*

Разошлись по чумам шаманы,
за костром на почетном месте
сели, разогретые бубны
взяли в руки и поглядели
через дымники легких чумов
в многослойное небо тундры.
Звезд не видно было, одна лишь
в поднебесье Луна стояла.

Глухо, властно ударил бубен.
В звуки бубна над спящей тундрой
вплелся голос шамана – к Небу
потянулась нить заклинаний:

«Кунаныда-кунахо! Хов, хов!»
Предки, деды-бабушки мои!
К вам взывает правнук, внук и сын,
вас на помощь Пянтук у зовет.
Вас прошу, восстаньте из времен –
к нам сойдите со своих высот,
поднимитесь из своих глубин!
Волей всех известных мне божеств
я Луну прошу спуститься вниз –
на макушку чума моего
сядет пусть и нам посветит внутрь.
Всех небесных духов я зову,
всех земных я духов шевелю –

*Кунаныда-кунахо! Хов, хов! (запевное слово сказителя с междометиями, ускоряющими ход действия (Хов, хов!).

помогайте вниз Луну спустить!
Кунаныда-кунахо! Хов, хов!»

Грохот бубна и восклицанья,
как невиданной силы песня,
сотрясая чумы, уходит
в глубину бездонного Неба
и без отзвука тонет в высях.

Так прошло какое-то время –
утомился Пянтук, бубен
отложил и сказал: «Устал я,
что-то холодно мне, подбросьте
дров – огонь в костре подновите!»
Распахнулся полог – и стужа
в чум из тундры шагнула властно.
Люди выглянули и видят,
что Луна спускается к чуму.

Люди вышли и разглядели:
по небесной дороге сверху
сходит в тундру Луна, все ближе
опускается и садится
на шаманский чум – на макушку.
Люди стали кричать и прыгать,
славить Пянтук люди стали:
все, что он обещал, свершилось.

Но почуяли энцы – стужа
под одежды им затекает.
«Ча-ча-ча!» – застучали зубы.
«Ча-ча-ча!» – застонали люди
от невиданного озноба.
Испугались холода люди
и от ужаса замолчали.

Только Пянтук не боялся.
Капюшон с головы откинув,
он сказал: «Мои заклинанья
выше воли Земли и Неба!
Если ты мне, Луна, послушна,
то спускайся с небес на землю –
в чум входи, на почетном месте
для беседы располагайся!»

И тогда увидели люди,
что Луна опустилась ниже –
в дымник влезла она по пояс
и вот-вот очутится в чуме.
Ужас энцев объял великий.

И тогда к своему шаману
подступили люди с мольбою:
«Лучше ты перестань шаманить,
лучше в небо Луну отправь ты!
Мы снаружи все ледяные,
скоро льдом и внутри мы станем!
Верим, верим: ты – самый сильный!
Но теперь нас избавь от смерти –
отошли-ка Луну обратно!»

Перед новым кругом заклятий
начал Пянтуку одеваться:
тобоки* песцового меха
натянул на зябкие ноги,
мáлицу оленьего меха
на сухие плечи набросил.
Взявши бубен, вышел из чума
и, ударивши колотушкой
так, что все затряслось от грома,
начал новое заклинанье:

«Кунаныда-кунахо! Хов, хов!
О Дири**, наш предок неземной,
ты пришел и заморозил все –
тундру и потомков всех своих.
Уходи обратно, о Дири,
возвращайся в Небо, где живешь, –
так тебе я, Пянтуку, велю!
Кунаныда-кунахо! Хов, хов!»

И Луна на макушке чума
шевелинулась, но почему-то
подниматься не стала, даже

*Тобоки – меховые унты.

**Дири – Луна. В энецкой мифологии Луна – божество мужского рода.

опустилась ниже – и люди
в страхе прятаться побежали
и, попрятавшись, затаились.

Так один на один с Луною
только Пянтуку оставался.
Он следил, как к нему светило
приближалось неотвратно,
и не мог он сдвинуться с места,
и сказать ничего не мог он.
Неземная страшная сила
подтащила к Луне шамана –
приморозила, притянула
вместе с бубном, с одеждой теплой
и со всей земной его мощью.

Страх в укывище загоняет –
любопытство на свет выводит.
Вышли энцы и увидали,
как, навечно к Луне примерзший,
дерзкий Пянтуку возносился
выше чума, выше деревьев,
выше Каду-горы – высоко
в пустоту бездонного Неба.

Вот едва различимы руки,
вот уже и лица не видно,
вот и вовсе Пянтуку стало
не видать: он с Луною слился,
растворился в сиянье лунном,
в поднебесном священном свете.

И теперь еще в полнолуние
на Луне, хорошо вглядевшись,
можно видеть фигуру старца,
что кружится в шаманском танце,
в занесенной руке сжимая
неразлучный волшебный бубен.

Авторская версия энецкого сказания,
выполненная Л. Неняи на ненецком языке
Перевод А. Преловского

Алексей ПИЧКОВ

Алексей Ильич Пичков родился в 1934 г. в селении на берегу Белого моря, на п-ове Канин, в семье оленевода. Окончил педагогическое училище в Нарьян-Маре и 4 курса Ленинградского педагогического ин-та им. А.И. Герцена. Пишет на русском языке. В студенческие годы увлекался ненецким фольклором, записал от родных и ненцев-сокурсников загадки, посвятил им статью. Стихи публикует с начала 1950-х гг. Участник Первой Всероссийской конференции писателей Севера (1961). Автор изданных в Архангельске сб. «Далеко Сэрне моя живет» (совместно с В. Ледковым), «Песни тундры», «Тропы оленей», «Родные напевы», «Едем в тундру на оленях».

Живет в Нарьян-Маре.

Южанам Север кажется крутым,
 Ершистого, задиристого нрава.
 Здесь в хороводах вьется снежный дым
 И льдистый воздух в легких, как отравы.
 Да, он таков,
 Но лишь на первый взгляд, —
 Не разглядев и не узнав поближе, —
 К нему дорога из одних преград,
 Одна гора другой страшней и выше.
 Но мы привыкли. Нам не отступать...
 Все пройдены отроги и увалы.
 Нам новые вершины открывать
 И что-то ждать за новым перевалом.

НА МЕЗЕНИ

На далекой сказочной Мезени,
 Как платки цветные — вечера.
 Будто я оттуда на оленях
 В долгий путь отправился вчера.
 За знакомой плотной низкой дверью
 Я оставил надолго тепло.
 Я в тебя, Мезень моя, поверил,

И с тобой мне в жизни повезло.
 Повезло ли... Просто так и надо,
 Что еще тебе, Мезень, сказать.
 Мне тебя с любимой тундрой рядом
 В паспорт свой положено вписать.
 И давно, с какой поры — не знаю,
 Я к тебе по-дружески привык.
 Я твои слова перенимаю,
 Понимаю песенный язык.
 Лес да лес. Поляны да пригорки.
 На болотах — ягодная смесь.
 Полоса алеет клюквы горькой,
 И брусника раскраснелась здесь.
 Мне она, та жизнь, пришлось по сердцу —
 Негасимый светлый огонек.
 На кочевьях научился с детства
 К неудобствам выбитых дорог.
 Где проеду — на сердце отмечу,
 Где прилягу — место обживу.
 Кем-то я не принят, не замечен,
 А кого-то другом назову.
 На далекой сказочной Мезени,
 Как платки цветные — вечера.
 Будто я оттуда на оленях
 В долгий путь отправился вчера.

Лодку сшили в Долгощелье
 По заказу мужики.
 Из упругой легкой ели,
 Из серебряной доски.
 Сшили прочно, сшили ладно,
 То-то были мастера.
 Словно песню спели складно
 Перестуком топора.
 Не гвоздем, а тонкой ивой,
 Смоляною бечевой
 Доски, крепкие на диво,
 Закрепили меж собой.
 Между ними пухом пакля
 И янтарная смола,
 Чтоб вода хоть малой каплей

Просочиться не могла.
Весла к ней не весла — крылья,
Аж река напололам!
Мастера в деревне были —
Поучиться надо нам.

ПЕСНЯ ОХОТНИКА

Я ухожу — зовет лыжня
Меня в рассветный сумрак дня!
Я ухожу — такой обычай,
Ведь я охотник-следопыт,
И где-то ждет меня добыча,
Мех серебром седым дымит.
Я поплутаю по пороше,
Свои же выслежу следы
И посижу, и подытожу,
Чтоб не было в пути беды.
А будет все, как я задумал,
Песец в руке, как снежный ком,
И чтоб разнесся выстрел шумный,
И чтоб лиса цвела огнем.
Чтоб было все, как раньше было,
Чтобы опять вела лыжня
К родным местам, местам
любимым
В кострах пылающего дня.

Шьет Сэрне для суровой зимы
Белые с черным и красным пимы.
Шьет черноглазая, шьет и поет:
— Что ж за пимами никто не идет?
Кому подарю до суровой зимы
Я белые с черным и красным пимы?

А я пишу про звезды ночью синей,
Про горы, что туманятся вдали.
Окраина немеряной России —
Снега моей излюбленной земли.
А дальше море в белой рыхлой пене,

В чужие воды катятся валы.
Но я себе не требую замены,
Я как валун у матери-скалы,
Я ни за что на свете не оставлю
Ни гор,
ни звезд, мерцающих вдали.
Я здесь родился, здесь живу и славлю
России Север —
дальний край земли!

Вот так рождаются слова:
Как из земли растет трава,
Как из гнезда во все концы
Взлетают робкие птенцы.
Потом окрепнут крылья их —
Так крепнет мной рожденный стих.
Строка к строке — и есть крыло.
А в тундре
Снова рассвело
Для дел моих,
Для дум моих.

Прокотий ЯВТЫСЫЙ

Прокотий Андреевич Явтысый родился в 1933 г. Закончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена. Работал учителем в Нарьян-Маре. Пишет на ненецком языке. Печатался в основном в переводах на русский язык (А. Преловский, М. Гордеев и др.). Первая кн. стихов – «В белой панице земли» (1973). Автор поэтических сб. «Бег оленя», «След аргиша», «Праздник оленевода», кн. повестей «Схватка», сб. стихотворений и рассказов «Зов морошковой земли», кн. лирики «Сотворение мира». Создал учебник для ненецких школ «Тундровичок» (опубликован в 1980 и 1985 гг.). Живет в Нарьян-Маре.

ГОЛУБИКА

Когда беру я голубику, руки
краснеют от нее, а терпкий вкус
меня к военным будням возвращает,
и вновь я вижу сверстников своих:
мы голубику, тронутую стужей,
берем, она тягуча и горька.
Но нынче это мне напоминает
вкус дыма,
бесприютности и детства...
О голубика, сладкий хлеб войны!

Перевод А. Преловского

Моей земли во мне не рвется нить...
Я сохранил отцовское уменье:
стремительную нарту смастерить,
найти под снегом пастбище оленье.

В моей душе хранятся с давних лет:
цветущий ягель – тундры властелин,
в густой траве аргиша четкий след,
и розовость морошковых долин,
болтливость рек, весной берущих старт,
и птичий клин, пронзивший небосклон,

и шепот ив, что льнут к полозьям нарт,
и вдоль дорог – рогов оленьих звон,
круженье стада,
сопки плавный склон,
высокий чум с мерцающим дымком,
седой пастух, который перед сном
склоняется с улыбкой над сыном...

Моей земли во мне не рвется нить.
Живет во мне мой край, зарей алея...
И помню я,
как нарту смастерить,
найти под снегом пастбище оленье.

Перевод В. Гордеева

Чтоб не стать нам
посланцами птичьей беды,
мы – детишки
внимали советам простым:
«Если яйца берешь
из гнезда для еды,
то гнездо
не должно оставаться пустым».
Мы запомнили это на тысячу лет, –
в наших душах
для жадности гнездышка нет.

Перевод В. Гордеева

Нить вплела в узоры паниц
все,
чем славен мой народ:
крылья песен,
плавный танец,
стад оленьих хоровод...

Зашифрованы в узорах,
чтобы радовать людей:
синь озер,

а на озерах –
гордый контур лебедей.

Рыбы лов,
охоты сценки,
ритм труда,
азарт игры...

С древних пор
владеют ненки
тайной
мастерства иглы.
Вот –
их смех,
лица румянец
и смущенный быстрый взор.

На сукне,
на мехе паниц
вышивается узор,
чтоб в орнаментах одежды
бился пульс,
таилась мысль,
и горел костер надежды,
и мечта взмывала ввысь!

Перевод В. Гордеева

Дед пускает дым из трубки,
как заложник смутных снов...
Внук частушкой точит зубки,
не осмыслив ужас слов:

«Ничего, что зло творим
и своих оленей губим.
Нефть добудем, продадим, –
за границей мясо купим!...»

Перевод В. Гордеева

ПОЭТУ

Ты рано вышел в путь
и сделал много:
во всем, за что ни брался,
преуспел.
А я с трудом
ищу свою дорогу:
прошел я мало,
мало песен спел.

Но если еду,
то иной дорогой,
но если песню,
то свою пою.
И ты меня
не понукай, не трогай:
ведь от себя-то
я не отстаю.

Прошел я мало,
мало песен спето,
а впереди –
большой нелегкий путь,
и я его,
как долг велит поэту,
пройду.
Но только – сам...
Не обессудь.

Перевод А. Преловского

Мать.
Отец.
Весь род мой древний –
тишиной уходят в землю,
красотой уходят в небо,
добротой уходят к людям,
памятью уходят в сердце
и живут теперь во мне.

Перевод В. Гордеева

Народ мой в тундре говорит
простыми, мудрыми словами:
«Зря не топчи костер ногами,
подошва у пимов сгорит.
Ведь, хоть костер давно потух,
в нем угольком таится Дух!»

Перевод В. Гордеева

НЕНЕЦ

Ненец —
это значит «человек»,
Так друг друга
называют люди
На земле отцов.
Так было, есть и будет!
Выпадет скорее черный снег,
Чем, забыв свой дом,
язык и род
(Если он душою не калека),
Кто-нибудь, при встрече,
человека
Как-нибудь иначе назовет.

Перевод А. Преловского

Селькупы

Валентина КУДРЯВЦЕВА

Валентина Ивановна Кудрявцева родилась в 1939 г. в Колташево Томской обл. Окончила Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена. Работала учителем русского языка и литературы в школах Томской обл., преподавала в местном педагогическом училище педагогику и психологию. Более 10 лет учительствовала в детской клинике Томского медицинского ин-та. Пишет на русском языке. Автор свыше 20 книжек для детей, в том числе таких, как «Тяны-Ляны», «Секрет», «Волшебный сундучок». Живет в Томске.

РОСА

Я видел впервые
Такую красу:
На листьях зеленых
Цветную росу.

Она так сияла,
Сверкала, искрилась,
Так радужными огоньками
Светилась,

Что, честное слово,
Подумал я сразу:
А вдруг из росы
Происходят алмазы?

ПЕСКАРИ

У рыбака золотой обласок*,
А в обласке у него туюсок,
А в туюске полно пескарей.
Хочешь увидеть – беги поскорей.

Золотом блещут атласные спинки,
Будто на них золотые песчинки.
К берегу мчит золотой обласок, –
Прыгают рыбки на мокрый песок.

Ищет их всюду вихрастый рыбак,
Думает: кто подшутил над ним так?
Слушай, рыбак, в глубину посмотри, –
Видишь, уплыли твои пескари!

ПЕС БАРБОС

Век не стрижен
Пес Барбос,
Шерстью черною оброс.
В воду чистую глядит:
Что за бука там сидит?
Страшная, косматая,
Морда волосатая...
Не узнал себя Барбос –
Вот как сильно
Он зарос.
И, сердито поморгав,
Пес воскликнул:
«Гав! Гав! Гав!»

* Обласок – легкая лодка.

Долганы

Ойдо АКСЕНОВА

Ойдо (Евдокия) Егоровна Аксенова (1936–1995) родилась в с. Боланида Таймырского а. о. в семье охотника и оленевода. Работала учителем, библиотекарем, кочевала по Хатангской тундре, сочиняла песни и частушки для художественной самодеятельности. Писала на долганском языке. Стихи ее звучали по радио. Участвовала в создании долганского алфавита, букваря для национальных школ, долгано-русских словарей. Первую книгу стихов «Бараксан» выпустила в 1973 г. (русский перевод В. Кравца). Автор поэтических сб. «Тундровичок», «Морошка», «Песни северного сияния», «Веселая азбука», «Признание в любви» и др.

К низкому небу на зимней заре
Тянется пар из оленьих ноздрей.
Хэй-хэй, хэй-хэй,
Хэй-хэй, хэй-хэй!
Четко по насту копыта звенят –
Мчат, как на крыльях, олени меня.
Хэй-хэй, хэй-хэй,
Хэй-хэй, хэй-хэй!
Нету на нарте моей сундуков –
Нет, я не прячу сокровища слов.
Хэй-хэй, хэй-хэй,
Хэй-хэй, хэй-хэй!
Песни в дороге мои рождены.
Добрые ветры им в тундре нужны.
Хэй-хэй, хэй-хэй,
Хэй-хэй, хэй-хэй!

Олени услышат, кто песни поет —
И в круг собирается стадо мое.
Хэй-хэй, хэй-хэй,
Хэй-хэй, хэй-хэй!

Перевод В. Кравца

ПЕРВАЯ ДОБЫЧА

Есть у долган такой обычай:
Делиться первою добычей.
Запомни, мальчик.

Дай гостю лучший из кусков,
Второй кусок — для стариков.
Запомни, мальчик.

Поверье древнее гласит:
Удача у того гостит,
Кто от людей ее не прячет.
Запомни, мальчик.

Есть у долган такой обычай:
Делись — и будешь сам с добычей.

Перевод Л. Яхнина

ПЕСНЯ О ТУНДРЕ

Когда зубы мои были снега белей
И брусники алей были губы мои,
В травянистых истоках полярных ручьев
Пас стада я.

Годовалых телят непослушных табун
Был послушен пастушеской воле моей,
Когда вспугивал их, собирая опять
Над ручьями.

Как олень, я бродил по студеной воде,
Потому что был тонок подтаявший лед.
Это все я узнал, охраняя стада,
В тундре вешней.

Были сани мои всех красивей окрест
И срезали на застругах весело наст,
Когда мчал на оленях капканы смотреть
Вдоль реки я.

Было небо, как в шкурах, в густых облаках,
Но, когда их распарывал солнечный луч,
Тундра-мать длинноворсых пушистых песцов
Мне дарила.

Шерсть как иней у диких оленей блестит,
И подобен полету крылатый их бег.
Только я, быстроногий охотник, всегда
Обгонял их.

Перевод В. Кравца

Одеяло белое, эй-дан-эй,
свернуть не успела я, эй-дан-эй!
Колокольчиковый звон, эй-дан-эй,
услыхала я сквозь сон, эй-дан-эй!
Голубушка губарка*, эй-дан-эй,
не ждала подарка, эй-дан-эй!
Скрип березовых саней, эй-дан-эй,
прямо к спальне моей, эй-дан-эй!
Гляжу — под снегопадом, эй-дан-эй,
два оленя рядом, эй-дан-эй!
Черный вскинул голову, эй-дан-эй,
белый смотрит в сторону, эй-дан-эй!
Милого встречаю, эй-дан-эй,
заварила чаю, эй-дан-эй!
Ну, смелее, что ж ты, эй-дан-эй,
жду, когда войдешь ты, эй-дан-эй!
Отчего же дверь открыл, эй-дан-эй,
тот, который был не мил, эй-дан-эй!
Я его смутилась, эй-дан-эй,
сердце затворилось, эй-дан-эй!

* Губарка — часть упряжки, к которой крепятся бляхи и колокольцы.

Откроется одному, эй-дан-эй
бахыргасу славному, эй-дан-эй!

Перевод А. Зорина

ВЕСНА

Снеговое одеяло
Распахнулось, меньше стало,
Тает, тает,
И водой
Натекает след олений.
Согревает луч косой
Россыпь ягоды осенней.
Птицы ягоды клюют,
Будто клювиком куют
Синюю чернику,
Красную бруснику.
Дети ягоды берут
И от птиц не отстают.
Красит ягода черника,
Красит ягода брусника
Щеки, губы и носы им
Синим-красным,
Красным-синим.
— Эй, раскрашенные лица,
Вас боятся даже птицы!

А ребята отвернутся
И смеются.

Перевод Л. Яхнина

Баю-баю, баю-бай,
Спи, малыш мой, засыпай.
В одеяльце облаков
Заверну тебя легко,
И пока ты будешь спать,
Будут нас олени ждать.
Не пробьет их шерсть пурга.
Станут крепкими рога.

Вырастай ты в молодца,
Стань похожим на отца.
Свет ночной пока горит —
Вышью ярко бакари.
И сплету тебе маут —
Сто оленей не порвут.
Скоро твой наступит срок
За оленем мчать, сынок.
Ждет тебя, охотник мой,
Он за быстрою рекой...
Ведь у нас в роду давно
Так уж заведено —
В люльке мальчика весь день
Есть и ножны и кремень.
Баю-бай, баю-бай,
Спи, сынок мой, засыпай.

Перевод В. Кравца

МАЛЫШ БАКЫЧЫК

На реке дети целые дни,
Ловко ловят сорожек они.
Только наш Бакыч-рыбачок
Ничего не поймал на крючок.
Но зато он до нитки промок,
Но зато он ужасно продрог.
Раз случились такие дела,
Мама дома его заперла.
Чтобы наш Бакыч не ревел,
Принесла ему рыбок в ведре.
Привязала на леску гвоздок —
Вволю пусть порыбачит сынок.
Ходит наш Бакыч вкруг ведра,
Клонуть рыбке давно уж пора.
И руками поймаешь не вдруг —
Выскользает сорожка из рук.
Он ведро опрокинуть бы рад,
Да не может — еще маловат.
Если б воду по полу разлить,
Можно рыбок тогда изловить.
Передумал. Зачем разливать?

Будет мама за это ругать.
Он другое придумал – ура! –
Воду ложкой хлебать из ведра.
Стал мальчишка, напившись взахлеб,
Толстым, как куропаточий зоб.
Шевельнуться не может, вздохнуть,
А воды все не меньше ничуть.
Он собаку позвал, чтоб она
Воду выпила жадно, до дна,
Очень быстро она напилась
И скорее к дверям подалась.
Рыбки ходят, мальчишку дразня.
– Не сердите, сорожки, меня.
Вместе с мамой я вас изловлю,
А пока у ведра я... посплю.

Перевод В. Кравца

УЙБААЧА ЛЕТИТ НА АН-24

Мальчонка Уйбаача
Вопрос задает:
– Мы сядем с тобой
На какой самолет?
– АН-24 пойдет на Таймыр,
Иди на посадку скорей, пассажир!
Мальчонка смеется – и все вместе с ним:
Пузатый такой самолет, как налим.
И вот в самолете Уйбаача летит,
И все в круглолицые окна глядит.
Он видит, как жмутся к земле облака,
Становится маута тоньше река.
Синеют озера, как блюда, внизу.
И вдруг он от страха пускает слезу.
– Зачем он так шибко летит высоко?
Он выше высоких летит облаков!
Пусть сядет скорее на землю «налим»,
На «Аннушке» к бабушке мы полетим.

Перевод В. Кравца

УЙБААЧА ВСТРЕЧАЕТ СВОЕГО ОЛЕНЯ

Оленя увидел
В музее Уйбаача.
Его обнимает,
От радости плачет.
– Иий! –
 шерсть его гладит
И в губы целует.
– Иий! – сердце его
И поет, и ликует.
– Скучал по тебе я, –
Так шепчет Уйбаача, –
Не знал, что ты в город
Отправился, значит.
– Иий! – столько
 в словах его
Веры и ласки.
– Иий! – ясно всем – это
Олень из Сындасско.
Его подарил
Мальчугану,
 как праздник,
Отец его бабушки –
Старенький прадед.

Перевод В. Кравца

КТО Я ЕСТЬ?

Кто ты есть? Почему ты такая? Скажи!
Потому что я с правдой иду против лжи,
Потому что верней, чем олени чижи,
Дружба греет меня, если вдруг запуржит.
Вот поэтому я на тебя не похожа.
Как и ты, каждый день на работу хожу,
Как ребенка, стихи я под сердцем ношу,
Я долганскими песнями сладко дышу,
Понимаю душой речки Хатанги шум.
Вот поэтому я на тебя не похожа.
Дорожу каждым звуком, что тундрой мне дан,
С буквы «Д» начинается имя долган,

Перевод В. Кравца

Помню, в детстве, когда меньше ногтя была,
Я поранила руку – и кровь потекла.
И твердила мне бабушка часто в те дни:
– Наземь крови ни капельки не оброни.
Дочка тундры, ты крепко запомнить должна:
Тундру кровью людской не кропила война.
Кровь добычи мы здесь проливали не раз,
Лишь она на охоте нам радует глаз.
– Не стреляй! Не стреляй! – мой отец говорил
И ребенка от пули кулацкой закрыл.
Лишь прикрою глаза, и опять предо мной
Русский мальчик, спасенный им,
 брат мой родной.
– Руки прочь! Руки прочь! Руки прочь! –
 я кричу, –
Я, долганка, страданий войны не хочу.
Пусть согласие будет и крепнет любовь,
Пусть не льется на землю отцовская кровь.
Посмотри! Посмотри! Посмотри, – говорю,
На Таймыр, где долганы встречают зарю.
Там, где тундра одета снегами и льдом,
Гостю доброму рад земляков моих дом.
Мир долганы превыше всего берегут.
Кровь людей не видали они на снегу.
Промышляют оленье они и песцов,
Умножают охотничью славу отцов.
Славен светлый обычай моих земляков,
Пусть, как снег, он приходит на землю легко.

Перевод В. Кравца

Если вдруг притомился олень,
Человеку подправить не лень
И ремень в легкой упряжи, наст разгрести,
Чтобы ягель щипал он весь день.
Уважать если б каждый друг друга привык,
Как умеет олень жалеть тундровик...

Перевод В. Кравца

Дмитрий АПРОСИМОВ

Дмитрий Нестерович Апросимов (1930–1983) родился в с. Кюпцы Усть-Майского р-на Якутии в семье потомственного охотника. В 1951 г. окончил Якутское художественное училище. Работал библиотекарем. В 1981 г. на русском языке издан его сб. «Три родника».

Вечер. Весна. Да лесная опушка...
Лиственниц стройных макушки торчат
Хвостами пушистыми тысяч бельчат,
На сини вечерней черна их опушка.

Вот белые блики меж темных стволов –
В сумраке ищут березы друг друга,
Находят, ветвями склоняясь упруго,
Берутся за руки, бормочут без слов.

В пестром сплетении веток бесчисленных,
В живом беспорядке – неведомый лад,
Поднимется ветер – поют и звенят,
И носится эхо их снов мимолетных...

Лицо свое ночь над опушкой клонила, –
Так мать наклоняется с лаской к ребенку, –
Луну – костяную резную гребенку –
К ее смоляным волосам прикрепила...

Перевод Б. Романова

ОСЕННИЕ КАРТИНКИ

Сияют осенние выси
Последней уже синевой.
Кто звоны хрустальные высек,
Дохнул в высоту тишиной?

Кто в каждом аласе расставил
Высокие сена стога,
Чтоб августа запах не таял,
Пока не засыпят снега?

Тайга все темней и темнее
У дальнего края земли,
Волнуясь, повсюду над нею
Печально кричат журавли.

В осеннем скудеющем свете
Плывут паутинки, дрожа.
Они ли незримые сети,
Которых боится душа?

По этим воздушным канатам
Скользнет постаревший паук
В ложбину коры – и куда-то
Исчезнет испуганно вдруг.

В березовой роще все тише,
Как дождик неслышный идет:
Листья то ниже, то выше
Уходят в последний полет...

Перевод Б. Романова

ЕЩЕ НЕ РАЗ

Как водится, лишь подойдет черед,
На реках по краям подтает лед,
И из-под снега с первыми цветами,
Обнявши землю радуги мостами,
Светясь, сияя, к нам весна придет
Еще не раз!

Любви живая искра обожжет –
И девушка румяная замрет,
Увидит жизнь влюбленными глазами,
В груди любовь горячими волнами
К заждавшемуся сердцу подойдет
Еще не раз!
Пусть мир желанный всюду настаёт!
Всеведущий гуляка, сумасброд,
Пусть ветер в поле шевелит хлебами,
И над землей, возделанной руками,
Пусть солнце величавое взойдет
Еще не раз!
Как, пробиваясь, ручеек течет
И точит камни, но не устает, –
Не спящий вдохновенными ночами,
Дорогу к людям проторит словами
Поэт и ясным утром запоет
Еще не раз!

Перевод Б. Романова

ЛЮДИ СЮДА ВЕРНУТСЯ...

Долго-долго искал я какой-нибудь след
К нашей юрте забытой, но нет его, нет.
Глухо в ельнике: лапы на лапы легли,
Сверху бросишь иголку – не достигнет земли.

Что же, лес, ты упрятал становье мое,
Как волшебник из сказки, святое питье?
Здесь мальчишкой я бегал, бывало.
Много лет с той поры миновало.

Ели старые гложут, молчанье храня.
Молодые березки не знают меня...
Да и что они скажут? Слово им не дано.
Ну, а люди? Ушли из становья давно.

Комариное царство я нашел у реки.
Как тут все заросло! Тальники, тальники...
Звонко струи смеются, я в воду шагнул
И ладонями солнечный луч зачерпнул.

То ли воду с алмазными искрами пью,
То ли слезы с водой, то ли радость свою...

А с крутого обрыва каменистой горы
Машет куст мне, он – вежа ребячьей поры,
Куст черемухи машет, велит подойти,
Спелых ягод отведашь, их черно на пути.
Помню, в детстве, хватаясь за сучья руками,
Я срывался с деревьев и падал на камни.
Было больно до слез, но синяк – не беда,
Побольнее удары бывали тогда.

Вот и роща, где парни прощались с девушками
Перед тем, как на фронт уходили солдатами;
Клятвы были тверды, слезы были горьки.
А в высокой траве полыхали жарки.
У берез на стволах долго метки чернели,
Но потом заросли и в наплывах осели.
Их на мрамор бы, наших парней имена,
Так давно пронеслась, отгремела война.
Все же я отыскал среди кустов и валежин
След к жилью своему, как к берлоге медвежьей;
Ничего не осталось от юрты убогой,
Только столбик один, он стоял у порога,
И на нем уцелело ведро одно,
Из бересты оно, деревянное дно...
Это мать с ним, я помню, корову доила,
Уходя же, его не взяла, позабыла.
И стою я теперь, и смотрю на него:
Вот и все, что осталось от жилья моего.

Между балок упавших кипрей розовеет.
Но ничто тут печали моей не развеет:
Ни цветы, ни трава, ни стрекоз хоровод.
Там не может быть радости, где никто не живет.
Отчего же меня так манило сюда,
К этой юрте отцовской, где лес и вода,
Где поют только птицы да волны звенят?
Видно, память о прошлом сильнее меня.
Здесь отец наш колхозные тропы торил,
Старший брат мой отсюда на фронт уходил.

Бедной матери было о ком горевать...
Мне же выпало их, всех троих, потерять...

Опустело становье, и не слышно с тех пор,
Чтоб пила зазвенела или стукнул топор.
От коровьих копыт не найдешь и следа.
Только бродят туманы, туманов стада.
В очертаниях облака, зыбких, обманных,
Вдруг возникла внезапным видением мама.
И мне кажется, будто не птица поет,
Слышу давний и сладостный голос ее.

На березах кора с маслянистым отливом
Мне старанья отцовы напомнила живо:
Так лоснились зимой от медвежьего жира
Наши щеки, он мазал их нам терпеливо,
Чтобы кожа не трескалась на морозе,
Чтоб блестела вот так же, как кора на березе.

Мир отцовской земли... Ты родное приволье!
Каждый звук твой в груди отзывается болью.
Не меня ли здесь мать на коленях качала?
Не отсюда ль пошло моих песен начало?
Как душе моей близок твой простор ветровой,
Хоть встречаешь меня ты одичалой травой...

А ведь люди, я знаю, вернутся сюда,
Где приметы становья лишь лес да вода.
Станут строить дома, возведут этажи,
Будут вместе трудиться и в согласии жить.
И своим назовут место древнего рода
Люди разных племен, и времен, и народов.

Перевод Ю. Шестаковой

Николай КАЛИТИН

Николай Романович Калитин родился в 1940 г. в Якутии в семье кочующего охотника. Окончил Якутский университет. Пишет на якутском языке. Автор поэтических сб. «Таежные листки», в русских переводах «Слушай, моя тайга» и «Сны в поле». С 1990 г. является президентом Ассоциации народностей Севера Якутии. Живет в Якутске.

УЧЕНЬЕ ПРЕДКОВ

Ох, и прыткий был мой столетний дед!
Он гонял меня по тайге по всей,
Он учил меня с самых ранних лет
Разговорам птиц, языку зверей.

Был завет отцов для него – закон:
Каждый звук пойми, каждый шорох знай!
И тогда тебе от зверей – поклон
И хвала тебе от пернатых стай.

Я бродил тайгой – аж подошвы стер!
Бурундук на мой отзывался свист,
Улыбалась мне синева озер,
Каждый кедр немой был со мной речист.

Протрубит изюбр похвалу судьбе, –
А ему с горы откликаюсь я!
Заревет медведь на лесной тропе –
Промолчат стволы моего ружья.

Ох, и мудрым был мой столетний дед:
Я с тайгой в ладу научился жить,
Привыкай и ты с самых ранних лет
Красоту беречь, с красотой дружить!

Перевод Н. Грудининой

ЛАБАЗЫ

Не видно конца
Следам уходящего зверя,
И если до ночи
Его я догнать не смогу –
Тропинок узор
Будет в сумерках леса
Потерян
И мне ночевать
Под защитой костра
На снегу.

Но вдруг предо мною
Встает среди кедров могучих
Построенный предками
Старый, надежный лабаз.
Ветвями укрыт от дождей он.
В чаще дремучей
Не сразу отыщет его
И охотничий глаз.

Я родом из этого леса.
В погоне за зверем,
Бывало, шагами
Немало намеряешь верст...
Старинный лабаз находил я,
Как сказочный терем,
В котором о прадедах
Добрая память живет.

Жилось нелегко моим предкам...
Природа повадкой
Похожа на зверя:
Опасность таится везде.
Ушла ли добыча,
Болезнь ли подкралась украдкой –
Эвенков не раз
Выручали лабазы в беде.

Бывает, порою
В лабазе не видно запаса,

Так кедр иногда без орехов
Под осень стоит.
И всякий охотник,
Чтя древний обычай, обязан
Пополнить его
Из запасов своих.

Ведь тот человек,
Что не мог разжиться добычей,
С последней надеждой
Заглянет в таежный лабаз.
Он будет всю жизнь
Благодарен за этот обычай
И тоже в лабазе
Оставит запасы не раз.

Перевод Е. Пудовкиной

НИМАТ

Открыта любому тайга –
входи!

Стучаться не надо,
брат.

Но только в своей сбереги груди
Обычаи отцов –

Нимат!

Мы люди!
Одна нам дается жизнь!
Нас ветром сечет

одним!

Так, встретив путника,
поделись

Своею добычей
с ним!

Костер разведи,
чтоб согрелся он,

Будь встрече нежданной
рад.

И вместе припомните вы закон,
Таежный закон –

Нимат.

Да будет опорой в моем краю
Он всем,
кто идет в тайгу.
Но помни:
кто помощь
принял твою,
Тот пред тобой
не в долгу.
Пусть даже и сделал ты
все,
что мог, —
Не жди взамен ничего!
Нимат —
это наш перед лесом долг,
Тайге
отдают
его!

Перевод Г. Фролова

Должное отдаю
любому жилью людскому.
Домам-дворцам белокаменным
и деревянным, как терема.
Но песнь слагаю тордоху* —
моему несравненному дому,
В нем тайна тепла сокрыта,
в нем дышит душа сама.
Его раздвоенный полог
свежестью ветра веет,
Его на ключ не закроешь —
такая свобода в нем!
И если ты пожелаешь,
путник,
тебя приветит
Тордох и в мое отсутствие —
согреет живым огнем.
Его отыскать нетрудно.
Когда тебе будет
плохо —

* Тордох — древнее жилище эвенков.

Взгляни-ка поверх деревьев —
на деле в том убедишься:
Видишь,
уходит к звездам
высокий дым из тордоха,
Высокий, как честь охотника, —
из лучшего в мире
жилища.

Перевод В. Мальми

Белка
с дерева на дерево —
прыг!
Я скажу тому, кто плохо смотрел:
Невелик ее прыжок,
невелик,
Но ведь смел,
по-настоящему смел.

Перевод В. Мальми

Мне б, кедр, вашу вечность, ваши были
Седых времен, когда короче были
Вы беличьего легкого хвоста*.
И любят вас эвенки, и упрямо
Мне говорят,
что будто я родился
Под кедром над рекою Ботама.
Завидую деревьям.
Они крепко
Врастают в землю твердыми корнями,
И длится бесконечными веками
Их трудная, жестокая борьба:
То ураган сорвет с вершины нежной
Всю красоту, что летом расцвела;

* По преданию, эвенки появились на свет, когда тайга ростом была короче беличьего хвоста.

То солнце, раскалившись добела,
 Безжалостно палит;
 То хлещет ливень,
 И молния с разгона бьет, как бивень.
 Но дерево живет
 И в небо рвется.
 Бывает, и оно порой сдается.
 И падает, обхватывая землю,
 И умирает вместе с тишиной,
 Держа в корнях ослабленных,
 но цепких
 Лишь горсточку земли
 своей родной...

Перевод В. Мальми

ЕСЛИ...

Если кто-то безжалостно разорил
 Твою охотничью избушку – и скрылся,
 Впредь ты не спеши говорить:
 – Кто же, как не медведь?

Если верных твоих оленей
 Кто-то спугнул, а кто –
 Никак не возьмешь в толк,
 Ты не спеши обвинять:
 – Это – волк!

Если встретишь в тайге
 Разоренные гнезда и норы
 И, ускоряя шаг, на тропе лесной
 Так и не догонишь ловкого наглеца и вора,
 Не спеши пожимать плечами:
 – Видимо, дух лесной!..

Если твоя тайга – кормилица и колыбель –
 Корчится в злом огне –
 И ветер от пепла сер, –
 Гнев твой тебе подскажет:
 – Это он – браконьер!

Перевод В. Мальми

БЕДА В ЛЕСУ

Небывалое жаркое лето,
 И душа у таежника ноет.
 Слышишь,
 слышишь – поблизости где-то
 Волк тоскливо и жалобно воет.

Я не раз
 рисковал головою,
 Понимая,
 что звери – не птички.
 Почему же
 от этого воя
 По спине
 пробегают мурашки?
 Воет волк – так,
 что волосы дыбом!

Лес горит!
 Словно многоквартирный
 Общий дом,
 заволоченный дымом...
 Ход природы
 нарушился мирный.
 Воет волк
 у звериного дома,
 На который
 обрушилась люто
 Та беда,
 что и людям знакома.
 – Лю-ю-ди!..

Перевод В. Мальми

Владимир ЛОРГОКТОЕВ

Владимир Дмитриевич Лоргоктоев (1934–1992) родился в Баунтовском р-не Бурятии. Мать поэта – известная сказительница, от которой тунгусовед М. Воскобойников записал несколько циклов свадебных эвенкийских песен. Учился в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена, заочно окончил Педагогический ин-т в Улан-Удэ. Работал воспитателем в эвенкийской школе Баргузинского р-на Бурятии. Писал на эвенкийском и русском языках. Печатался в коллективных сб. «Север поет», «От Москвы до тайги одна ночевка», «Сказание о счастье». Автор кн. стихов «Оленьи тропы» (1979).

ОДЁРА

Соберемся в круг,
охотники,
соберемся,
как гуси осенью
собираются
у подножья горы.
Под свист их крыльев
у закатного солнца
для нашей одёры
зажжем костры.
Пусть песня будит
молчанье гор,
танцуйте дружнее!
Одёр, одёр...

Пойте громче. В руке
рука –
пусть груба на них
от морозов кожа,
слушай нас,
древняя наша тайга,
звери и птицы,
слушайте тоже.

Мы стали друзьями
с извечных пор,

танцуйте ж смелее!
Гасор, гасор...
Пойте громче.
Нас заглушить
не смогут ветра,
хоть и валят кедр они
в непогоде,
и ливням костры наши
не затушить –
мы сильны в работе
и в хороводе.
Пусть будут прославлены
ружье твоё
и топор,
танцуйте радостней!
Одёр, одёр...

Пойте громче.
Пусть веселье наше
разносит тайга,
мороз не проймет наши
оленьи шубы.
Наши руки крепки,
как осенью у изюбра рога,
наши голоса мужественны
и грубы.
Пусть дышит молодостью
таежный простор,
танцуйте дружнее!
Гасор, гасор...

ОЛЕНЕНОК

У ключа,
что стекает по камням
звóнок,
возле матери,
что его поит,
слева-справа
кружится олененок,
едва переставляя
слабые ноги свои.

Но вот он чуть-чуть
отошел в сторону,
и на него,
пока матери возле нет,
вдруг камнем падает
орел горный,
в небе оставляя
когтистый след.
Но тут охотник,
увидевши это,
меткой пулей
прямо в крыло
стреляет, и,
как внезапным ветром,
орла с перебитым крылом
снесло.
И олененок
в ближайшую чашу
от грома выстрела
уводит шаги...
Он мал еще
и в настоящем
не знает, где друзья его,
где враги.

Алитет НЕМТУШКИН

Алитет (Альберт) Николаевич Немтушкин родился в 1939 г. в стойбище Ирээсик Катанского р-на Иркутской обл. в семье охотника из древнего эвенкийского рода Хэйкогир. Окончил северное отделение Ленинградского педагогического ин-та им. А.И. Герцена, Высшие литературные курсы в Москве (1975). Писал на эвенкийском языке. Первая кн. стихов — «Утро в тайге» (1960). На родном и русском языках в Красноярске и Москве изданы поэтические сб. «Песни эвенка», «Судьбы начало», «Запах тайги», «Костры моих предков», «Самэлкил». Заслуженный работник культуры России (1990). Живет в Красноярске.

ОБРАЩЕНИЕ К ИДОЛУ БЭЛЛЭЮ ПОСЛЕ НЕУДАЧНОЙ ОХОТЫ

О, Бэллэй, ты всегда мне помощником был,
Да и я в должниках у тебя не ходил,
Каждый раз, как медведя, убив, свеживал,
Его ухо на платье тебе отдавал.
Посмотри на себя, если ты не слепец:
Из лосиной сердечной рубашки чепец,
Лоскутков разноцветие, бус и пера —
Не жалел я тебе для наряда добра.
Сколько раз угощал тебя свежим жирком,
Возвращаясь с добычей домой вечером...
Чем же нынче тебя рассердил я, Бэллэй?
Почему перестал
гнать под выстрел зверей?
Разленился, однако...
Лежишь, старый пенёк,
Да сосешь, словно гость,
свою трубку весь день.
Ты лицо потерял! Песьей шерстью оброс!
Вон с почетного места, завшивевший пес!
Иль не слышишь —
ребенок без мяса ревет.
Да и мой, посмотри, подтянуло живот.

Всю тайгу мне сегодня
обрыскать пришлось,
По хребтам, по распадкам носился,
как лось,
Но собака нигде носом не повела –
Нет звериных следов. Вот такие дела...
Я принес только прут,
чтоб тебя отстегать,
Коли больше не хочешь ты мне помогать.
Или брошу в огонь тебя... Все. Я молчу.
Слышал, если не глух. Я, Бэллэй, не шучу!..

Перевод А. Щербакова

РОДИНА МОЯ

Были рощи, были клумбы,
Были теплые моря...
Наконец-то я вернулся,
Здравствуй, родина моя!
Реки, речки и озера
Из литого серебра.
Точно лоси к водопою,
За горой идет гора.
Ветры гонятся за счастьем,
Убегают от беды.
Заметает злая вьюга
Все тропинки и следы.
Эвенкия, Эвенкия!..
Непролазные снега.
Но из всех земель на свете
Ты, как мать, мне дорога.
Ты – мой дом, моя забота,
В сердце – вся и в песне – вся.
В зимний месяц белкованья
Здесь я в чуме родился.
Зыбкой мне была березы
Белоснежная кора.
Малыша качали вьюги
И баюкали ветра.
Молоко я пил оленье.
А когда года пришли,

Для меня чудесной песней
Наполнялась грудь земли.
Эвенкия, Эвенкия!..
В реках трескается лед,
Но и вёсны здесь бывают
Очень часто: каждый год!

Перевод М. Борисовой

А тропа свилась у ног,
Как змея.
Много на земле дорог.
Где моя?
Знает соболь верный след,
Знает лось.
Я брожу немало лет
Вкривь и вкось.
Снегом путь загорошен,
Пылью книг,
Только бы он к людям шел,
Не от них!..

Перевод М. Борисовой

Мой аркан забыл оленьи рога,
Не глотает пули мое ружье.
– Или ты не эвенк? – мне кричит тайга.
– Или ты не охотник? – мне ветер поет.
Нет, тайга, не забыл я родной народ,
Для охоты я не слаб и не слеп.
Но лежит белый лист, точно тонкий лед,
И строка на нем, как мышиный след.
Я хороших, звонких слов наберу,
Пусть по ним огонь пускается в пляс.
Приходите, друзья, к моему костру,
Приходите: ему не гореть без вас.
Как еще неумела рука моя...
Я не знаю, на радость ли, на беду
Из эвенков первый задумал я
Разводить костры на бумажном льду.

Чтобы песни, как искры, пронзали тьму,
Чтобы грели в стужу людские рты,
Приходите, друзья, к костру моему
И плесните в огонь своей доброты.
А без вас мой костер, потускнев, умрет,
Темный пепел его заметут снега.
— Ну какой ты охотник? — ветер вздохнет
— Ну какой ты эвенк? — упрекнет тайга.

Перевод М. Борисовой

— Хэй! — крикнуть оленям бы. — Хэй!
Давайте, родные, промчимся быстрее!
Но крик этот в горле моем замирает:
Оленей, увы, в городах не бывает.
— Хэй! — крикнуть мне птицам бы. — Хэй!
Любимые песни споем веселей!
Но откликом слышатся трели трамвая:
Певуньи тайги в городах не бывает.
— Хэй! — друга под локоть бы. — Хэй!
Давай босиком — по зеленой траве!
Но друг посмотрел бы печально и строго:
— Здесь — город, и в камень одета дорога.
Как ветер, проносятся мимо машины —
Железного века родные старшины...
Смеемся и трудимся — все на бегу.
А выплакать боль мы уходим в тайгу!

Перевод Л. Румянцев

Я в юности истратил уйму слов.
Я лил, как воду, их — со вдохновеньем,
Поняв так поздно мудрость стариков:
«Чем меньше слов, тем выше их значение».

Теперь хочу на реку походить:
По каплям собирать, чтоб глубже быть.

Перевод А. Федоровой

Николай ОЁГИР

Николай Константинович Оёгир (1926–1988) родился в стойбище Еромо в семье оленеводов-кочевников, кочевал с родителями по р. Оленёк (Эвенкия и север Якутии). Позже устроился приемышом рыбы, вплоть до выхода на пенсию трудился в колхозе. Писал на эвенкийском языке. С 1960 г. печатал стихи и сказки. В 1980-е гг. в Красноярске были изданы эвенкийские сказки «Человек сильнее всех», поэтические сб. «Танец куликов» и «Тропа к роднику» — с параллельными текстами на русском и эвенкийском языках.

МОЛЧИТ ГОРА

Молчит над старой Чириндой гора,
Храня в себе и небыли и были.
Века уходят, годы, вечера,
Согбенные и серые от пыли.

Молчит гора. Довериться кому?
Ведь не ручью же, шалому в апреле,
Он проболтает все случайной мели,
Камням, что повстречаются ему.

Молчит гора. Стремятся люди к ней,
Неся свои заботы и печали...
О, если бы все горы закричали,
То мир оглох бы от своих страстей.

Перевод В. Пушкина

ЁХОРЬЁ*

Радость скрыть не могу,
Когда вижу в кругу,
Как танцуют почтенные старцы.
Словно лебеди вдруг

*Ёхорьё — старинный эвенкийский танец.

Сбились осенью в круг
И над тундрой затеяли танцы.

Скоро снег упадет
И на озере лед
Зазвенит на ветру разудало.
Молодецки поет
И ведет хоровод
В резвом танце старик-запевала.

В древнем танце кружа,
Не стареет душа.
Танец кровь будоражит и греет.
Пусть промчались года,
Как оленье стада,
Но ёхорьё никак не стареет.

Перевод В. Пушкина

ТАЕЖНЫЕ ПЕСНИ

Оленья копытцами бьют,
Снег лежалый ломая упорно.
Куропатки в проталинах черных
Капли алой брусники клюют.

На тайгу накатила весна.
Птичий гам, ликование, хохот.
Так и кажется – кедры оглохнут,
Пробуждаясь от долгого сна.

И ручей, синеглазый пострел,
Гибкой радугой свет протаранил,
О рождение своем загорланил,
Молодецкую песню запел.

О, тайга! Моя воля и стих.
Жизнь моя – моя грусть и удача.
Я не знаю, чего бы я значил
В этом мире без песен твоих.

Перевод В. Пушкина

ЖИВУ СРЕДИ ОЛЕНЕЙ

Живу среди оленей. Стужа. Снег.
Такая кутерьма, что не до песен.
Но я пою, упрямый человек,
И потому, наверно, интересен.

Крадется к стаду исхудалый волк.
Он жаждет крови – такова природа.
Он хочет, чтобы голос мой умолк.
Но я пою! И песне нет исхода.

От песни зверь совсем осатанел.
Она для волка – крепкая преграда.
Живу среди оленей. Мой удел –
Быть пастухом, хранить оленьё стадо.

Живу среди оленей без прикрас...
Далеким будет путь мой или близким –
Не знаю. Но в исповедальный час
Я не расстанусь с песней эвенкийской.

Перевод В. Пушкина

Суптынча ПИКУНОВ

Суптынча Пикун (1922 – год смерти неизвестен) вырос в Байкитской тайге. Учился в Ленинградском ин-те народов Севера, работал бригадиром в колхозе. Написал три стихотворения «Летчик Луксан», «Девушка» и «Поп и шаман». В переводах на русский язык стихи публиковались во многих сб. писателей Севера.

ДЕВУШКА

Далеко уехал друг
Через лес, через луг,
В Ленинград большой учиться.
Он уехал – милый друг.
Загрустила нынче я –
Повидаться с ним нельзя.
Целый год пройдет, покуда
Вновь его увижу я.
Вечерком на лугу
Пляшут девушки в кругу.
Я одна плясать не стану –
Без дружка не могу.
Напишу-ка я ему,
Алексею своему,
Чтобы ехал поскорее.
Напишу в письме ему:
«Приезжай скорей домой,
Книги захвати с собой
Новые сошью сапожки
Я тебе, Алеша мой».

Перевод А. Чивилихина

ЛЕТЧИК ЛУКСАН

Недалеко от Байкита
Он был найден в черный год,
Полуголый и забытый,
В юрте смерти и невзгод.

Сердобольные старухи,
Будто сына своего,
Молоком от оленухи
В соске пичкали его.

Так на шкуре сохатиной
Или в люльке кочевой
Рос приемыш-сиротина
У эвенков как родной.

В школе был он нам примером,
Весельчак, любитель книг;
Он был славным пионером,
Самый лучший ученик.

Восемнадцать лет считали
Мы ему, когда Луксан
Лыжи взял и вдоль проталин
В Красноярск уехал сам.

Думали, погибнет парень
И дороги не найдет,
Но учился он недаром...
Слухи шли из года в год,

Что Луксан нашел дорогу –
В Красной Армии Луксан,
Подает пример для многих –
Самолеты водит сам.

А сегодня по Байкиту
Южный ветер весть принес:
Наш Луксан стал знаменитым,
Прилетел в родной колхоз!

Все пришли смотреть Луксана,
Как приемыш наш живет.
Не узнать теперь Луксана,
Удивляется народ.

В новой кожаной одежде,
Смуглолиц, высок, румян,

Улыбается, как прежде,
Весел, радостен Луксан.

Дети влезли на колени:
— Ты откуда прикатил?
— Чем железного оленя
Ты на воздухе кормил?..

Пионеры встали кругом,
Девушки, смеясь, глядят,
Старики со всей округи
Побеседовать хотят.

Напролет всю ночь беседы:
— Как учился, где летал?
Все байкитские соседы,
Каждый гостя в гости звал.

А наутро, раным-рано,
Серебром зари покрыт,
Самолет гудел Луксанов,
Поднимая весь Байкит.

Покатал на самолете
Пионеров всех Луксан.
— Все вы будете пилоты!..—
Так сказал нам наш Луксан.

Перевод А. Ольхона

Алексей ПЛАТОНОВ

Алексей Николаевич Платонов (1912–1939) родился в Аимском кочевом наслеге (Якутия). Вырос среди учурских эвенков. Учился в Ленинградском ин-те народов Севера. Писал на эвенкийском языке. Студентом перевел на родной язык «Памятник» А.С. Пушкина, написал свои первые стихи. Знал якутский эпос и поэзию. Из-за тяжелой болезни был вынужден прервать учебу, вернулся в Якутию. Первая кн. «Песни эвенка» вышла на русском и эвенкийском языках в 1938 г. Посмертно в 1940 г. в Ленинграде, также на двух языках, изданы «Избранные стихотворения и песни».

ИДУ В КРАСНЫЙ ФЛОТ

Когда родился я в тайге,
Меня качала мать,
А мой отец и старший брат
Шагали воевать.

Когда родился я, была
Великая пурга:
Война гражданская была,
Вставала вся тайга.

И люди шли, чтоб победить
Иль умереть в бою,
И люди шли, чтоб кровь пролить
За Родину свою.

Мой брат японцами сожжен,
Отец мой был убит, —
Под красным пологом знамен
Давно в могиле спит.

Сегодня я иду в поход,
Мне нынче двадцать лет;
Как гражданин и патриот
Я дам врагу ответ.

Родная мать, счастливой будь:
Здоров и весел сын.
Теперь лежит мой новый путь
Во флот, на Сахалин.

Мне будет школой Красный Флот,
Хочу учиться там,
Чтоб командиром через год
Приехать в отпуск к вам.

Перевод А. Ольхона

Алексей САЛАТКИН (ЛОНТОГИР)

Алексей Михайлович Салаткин (Лонтогир) (1914–1956 или 1957) родился на р. Непа Катанского национального р-на в семье охотника. В середине 1930-х гг. окончил Ленинградский ин-т народов Севера. На родине работал учителем, занимался культурно-просветительной работой в Токминском кочевом совете. Писал на эвенкийском языке. Автор стихов, а также эпического сказания «Гегдаллукон и Ульгорикиэн» (1935, на эвенкийском языке; 1940, в сопровождении русского перевода). В 1937 г. в Ленинграде вышел поэтический сб. «Тайга играет».

ГЕГДАЛЛУКОН И УЛЬГОРИККЭН

Там, где воды Икоконде
Моют склоны Икондое,
Раньше, в прадедовы годы,
Было стойбище большое.

Дым из многих дымокуров
Шел и таял в отдаленье,
И паслись на склонах бурых
Над рекой стада олени.

Лонтогиры – было имя
Людям стойбища большого;
С Ангара пришел за ними
Враг неожиданный и суровый.

В этом стойбище когда-то
В крайних юртах жили двое:
Гегдаллукон, парень статный,
С Ульгорикиэн молодою.

Жили оба без печали
И не ссорились ни разу;
Часто в стойбище звучали
Вечерами их рассказы.

И бывало, как заводят
Лонтогиры хором песню,
Молодые на колоде
Непременно сядут вместе.

Славилась красою стройной
Ульгориккэн между всеми.
Девушки такой спокойной
Не было в соседних семьях.

Был не плох и Гегдаллукон,
На дела любые мастер;
Как никто, владел он луком
И на зверя ладил снасти.

*

С прежних мест ушли однажды
Лонтогиры, взяв оленей.
Остов юрты бросил каждый:
Пусть гниет порой осенней.

Но веревку у селенья
Бонариккун позабыла,
Спохватилась, — и оленя
С полпути поворотила.

Выйдя к стойбищу пустому,
Стал олень, дрожа всем телом,
Ни за что к местам знакомым
Приближаться не хотел он.

Соскочив с оленя живо,
Женщина глядит с испугом:
Впереди стрелки чужие
Ходят, смотрят в каждый угол.

Разрывают пепелища,
Дымокуры вновь разводят,
На земле чего-то ищут,
По следам ушедших бродят.

Лукам их — конца не будет,
Стрел у каждого не мало.

«Что им надо, что за люди?» —
Бонариккун задрожала.

Мхом заткнула осторожно
Ботало у верхового
И к своим тропой таежной,
Как стрела, помчалась снова.

Рассказала им в тревоге,
Что вблизи — народ опасный;
Но рассказ казался многим
Глупой сказкой, глупой басней.

И она пред целым миром
Лгуньей прослыла великой,
Отвернулись Лонтогиры
С той поры от Бонариккун.

Только старый Дуннэчукон,
В рыбной ловле умудренный,
Удалой стрелок из лука,
Бонариккун выбрал в жены.

Как-то к озеру большому
С Гегдаллуконом пошел он.
Ульгориккэн ждет их дома
С сердцем смутным и тяжелым.

Эвенки поют, играют, —
Хорошо на новоселье,
Вновь от края и до края
Стойбище полно веселья,

Только девушка безмолвно
В юрте друга ожидает,
И в ночи, тревоги полный,
Взгляд на озеро кидает.

Там, за волнами тумана,
Гегдаллукон сети ставит,
И в больших его чуманах
Рыба светлая блистает.

Рыбаки домой вернулись,
Удивился Гегдаллукон, —
В целом стойбище — ни звука;
Видно, в юртах все уснули.

Разбрелось оленьё стадо,
Лай не слышен, как обычно,
Лишь вороны, сев на пададь,
Каркают, деля добычу.

Смотрят оба неотступно,
Не отводят взоров хмурых:
В сером пепле стынут трупы
У потухших дымокуров.

Куркэгиры утром рано
Из таежной вышли чащи
И рассыпались по стану,
И метали стрелы в спящих.

Всё мужское население
На земле легло сраженным,
Увели враги оленей,
Стали пленницами жены.

Гегдаллукон рвет и мечет,
Догонять врагов стремится,
А старик противоречит —
Не решается, боится.

Наконец, прямой и смелый,
Гегдаллукон сдвинул брови
И сказал, поправив стрелы:
«Мне враги заплатят кровью!»

И застал обоих вечер
На пути за станом вражьем.
Шли, врагу готовя встречу,
Не оглядывались даже.

*

День и ночь без остановки
Держат путь они по следу,

А враги к своей зимовке,
К Ангаре с добычей едут.

Лишь на третью ночь погони
Показался дым за речкой.
Гегдаллукон стал спокойней:
Близок час желанной встречи!

Вброд пройдя речные воды,
Оба стали за кустами
И глядят: враги на отдых,
На покой легли, устали.

Только слышен над кострами
Тихий плач унылых пленниц,
Да привязаны врагами
На земле лежат олени.

Рану на плече рукою
Пленница одна закрыла,
К Гегдаллукону с тоскою
Мчится мыслью быстрокрылой.

Вот, к земле прижавшись крепче,
Подползает Гегдаллукон.
«Режьте, — женщинам он шепчет, —
Тетивы у вражьих луков!»

Враг не слышит ненавистный,
Крепок сон его тяжелый.
Тетивы надрезав быстро,
Втайне радуются жены.

*

Утром, с первыми лучами,
Снова ожил стан могучий.
Жены сильными руками
Принялись оленей выючить.

И возглавил их кочевье
Сам шаман, старейший в роде,
Знаки ставя на деревьях,
Чтобы путь им был свободен.

Одеянья боевые
Блещут медью, луки гнутся,
Но тугие тетивы их
Уж не смогут натянуться.

Вот шаман приподнял руку
С длинной кованой пальмою,
На стволе нанес зарубку
И упал — сражен стрелою.

И враги в смятенье тщетно
Тетивы тугие тянут;
Гегдаллукон же без счета
Сыплет стрелами по стану.

Ульгориккэн между пленниц
На олене едет белом.
За узду ведет оленя
Враг ангарский, воин смелый.

В Гегдаллукона он злобно
Метит, целясь зорким глазом, —
Но, совсем неслышно лопнув,
Тетива поникла сразу.

Обернувшись в гневе диком,
Он пальму занес высоко,
Чтоб ударить Ульгориккэн,
Наказать ее жестоко,

Но она в одно мгновенье
Под оленя соскользнула,
И удар с тяжелым гулом
Расколол рога оленьи.

Лонтогиры мстят сурово,
И оленям под копыта,
Мох кропя росой багровой,
Падают тела убитых.

Бездыханным враг последний
Пал — и пленные свободны.

Победители, не медля,
Воротились к Икоконде.

Окружен таежной тишью,
Сиротливый стан невесел;
Смеха звонкого не слышно,
Приумолкли звуки песен.

Вся охваченная жаром,
Ульгориккэн умирала;
В день побоища недаром
Ей в плечо стрела попала.

С каждым часом гасли взоры
Этой девушки прекрасной.
Опустела юрта скоро,
Турсучок лежал в ней праздно.

Но в любви к подруге стоек
Был отважный Гегдаллукон:
Все ходил в жилье пустое,
Все не верил он в разлуку.

Перевод В. Наумовой

Григорий ЧИНКОВ

Григорий Яковлевич Чинков (Эден Сахалиндук) (1915 – конец 1960-х гг.) родился в пос. Ванги на Сахалине в семье охотника и оленевода. Учился в Ленинградском ин-те народов Севера. Вернувшись на Сахалин, работал учителем. В институте под влиянием преподавателей обратился к литературе. Писал на эвенкийском языке. Сотрудничал с Г.М. Василевич, сделавшей подстрочные переводы большинства его произведений. Первый поэтический сб. – «Наша молодость» (1938, в русском переводе В. Наумовой), ряд стихов публиковались в сб. «Север поет» (1939). Занимался фольклором, продиктовал Г.М. Василевич сказание сахалинских эвенков «Гарпаниндя» (опубликовано в переводе Василевич в 1966 г.), объединил и литературно обработал устно-поэтические сюжеты о лисе, создав поэтическую сказку «Сулакичан» («Храбрый лис»).

СНЕГ ИДЕТ

На луга и на болота,
На озерный бережок
Тихо стелется
Снежок.

Вся земля снежком укрыта,
Прилетевшим с вышины.
След ступни и след копыта –
Все следы теперь видны.

Здесь – олени к юртам шли,
Здесь – ребята их гоняли
И снежок, резвясь, примяли
И разрыли до земли.

Вот олени прилегли
Возле юрт под снегопадом,
А другие встали стадом
Возле сланника – вдали.

Разрывают снег копыта
И ветвистые рога.
Снег идет. Весна забыта,
Стали белыми луга.

Перевод А. Чивилихина

ДЫМОК

Горит у озера костер.
Таежный берег засыпает.
И искры пламенный узор
В вечернем небе вышивают.

Дымок белесый и сквозной
Ползет наверх и, с ветром споря,
Ведет неслышный разговор
И общий путь находит скоро.

Оленьей упряжью, уздой
То выпрямляется, то гнется,
То ящерицей молодой
В вечернем небе изовьется.

Куда же держит он свой путь?
И сам он этого не знает.
Чего он ищет наверху?
Куда полет свой направляет?

Дымок белесый с давних пор
Свою судьбу доверил ветру
И с ним шатается по свету...
...Молчит тайга. Горит костер.

Перевод И. Гессен

Эвены

Мария АМАМИЧ

Мария Николаевна Амамич (1930–1979) родилась в семье кочевого оленевода и охотника. Окончила Хабаровский педагогический ин-т. Почти 20 лет работала учителем в школах Магаданской обл. Создала детский эвенский ансамбль «Осикат». Писала на русском и эвенском языках. Сочиняла песни для национальных ансамблей, вошедшие в сб. «Поэт Мария Амамич» (1970).

ЗВЕЗДА ОЛЕНЕВОДА

Ивану Аренто

По Чукотке тоскует солнце,
по Чукотке стреляют выюги.

Кто звезду Полярную сыщет
в этой яростной кутерьме?

В чьей улыбке буйствует лето?
Кто надеждой зажжет любого?

Кто спасет тревожных оленей
в раскаленной морозом тьме?

В Канчалане живет Аренто,
вы слышали о нем, конечно.

Повелитель шалых оленей –
удивительный человек.

Эвены

Он надеждой зажжет любого,
улыбнется улыбкой летней.

Он звездой Полярной посветит
из-под добрых усталых век.

Озабоченный.
Популярный.

Заместитель звезды Полярной.

Перевод В. Першина

МАЛЬЧИШКИ МОИ

Я сижу перед вами,
вы склонились над книжками,
мне приятно – как маме
со своими мальчишками.
Годы быстро бегут,
быстро вы подрастаете,
скоро вас позовут –
кем вы, мальчики, станете?
Озорные мои,
не хватает вам неба,
все вам хочется в мир,
где никто еще не был.
Вы хотите пути
проложить межпланетные,
вы хотите уйти
на просторы всесветные.
Ах, мальчишки мои,
вы в мечтах еще бродите...
Кем ни стали бы вы –
будьте с матерью-Родиной!

Перевод С. Рыжова

Василий КЕЙМЕТИНОВ (БАРГАЧАН)

Василий Спиридонович Кейметинов (Баргачан) родился в 1941 г. в с. Себян-Кюэль (Якутия). Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена. Свыше двадцати лет проработал сельским учителем. Один из создателей детского фольклорно-этнографического ансамбля «Солинга» («Заря»). Пишет на эвенском языке. Первые стихи опубликовал в начале 1960-х гг. Автор кн. «След оленя» (1982), «Поздней стаи переклик» (1985, на эвенском языке), «Бубенчик» (1987, на якутском языке). В 1980-е гг. на основе фольклорных сюжетов написал поэму «Судный день», записал и литературно обработал эвенское сказание «Эле — хранитель эдека» (перевод на русский язык А. Преловского). Под названием «Эдек» сказание издано на эвенском и русском языках (1992), два года спустя вышла поэма «По неведомым следам предков». Живет в Якутске.

ПЕРЕПУТАЛ Я ВСЕ ЧИСЛА

Урезонивать
нет смысла,
если сердце полюбило.
Перепутал я все числа,
позабыл, когда что было.
Без тебя в душе
потемки.
А с тобой —
цветут сполохи.
Жду, как нерпу ждут у кромки,
слова,
жеста
или вдоха.
Счастья большего не надо —
удовольствуюсь простым:
под твоим
шаманским взглядом
оставаться молодым...

Перевод М. Эдидовича

Словно лебедей взметнулась стая
Над туманным озером в полет —
В плавном танце землю покрывая,
Снег пушистый медленно идет.

Луг и небо красит белым цветом,
Одевает в кружева леса,
И черней, чем ночь, на фоне этом
Темной водной глади полоса.

Лед затянет реки и озера,
Им потом привидится во сне
Небо, что откроется не скоро —
Синее и с солнцем в вышине!

Перевод А. Волобуева

Вертолет
взлетел с аэродрома,
Плавню в небо
устремился он.
И за ним
стремглав
раскаты грома,
Отставая, бросились вдогон.
Очутившись
с солнцем рядом скоро,
Я купаюсь
в синей глубине,
Погулять
в безоблачном
просторе
Ранее
не доводилось мне.
Не узнать
знакомые озера,
Пятнами они —
издалека.
Удивляя
солнечным узором,

Лентой
извивается
река.
Расступились
гор седые пики.
Лес,
встававший плотною стеной,
Стал похож
на кустики черники –
Густо зеленеет
подо мной.
Я луга листаю
и распадки:
То дороги редкие
мелькнут,
То стада оленей
в беспорядке,
Как леса ожившие,
бегут.
Вот и я олень, что устремился
К небу,
стал мне близким небосвод...
Медленно,
спокойно приземлился
У родного дома вертолет.

Перевод А. Волобуева

ХЭДЕ

Не могу я скрыть сомненья –
Неужели старики
Здесь танцуют? –
Их движенья,
Как у юношей,
легки.
Так легки,
как будто это
Вьются птицы в синеве,
Будто это
от рассвета
Блики света
на траве.

Будто первые снежинки
Заскользили поутру,
Будто легкие пушинки
Закружились на ветру!
А веселый запедала
Собирает весь народ
Поглядеть
на небывалый,
На чудесный
хоровод.
Пусть давно
танцоры седы –
Что минувшие года! –
Кто танцует
танец хэде –
Не стареет
никогда!

Перевод Г. Фролова

Люблю бродить я на опушке летом,
Особенно в рассветные часы,
Когда, проснувшись, солнце первым светом
Окрасит ветки, полные росы.

Как девушка,
Которая смеется,
Лес в эту пору смотрит веселей.
Смеются листья, хвоя. Отдается
Веселье леса и в душе моей.

Все больше звонких песен надо мною.
Росинки смех. Цветенья аромат.
Не умолкая, лес шумит листвою,
Хвоинки мне о чем-то говорят.

Я по траве нетронутой шагаю,
От охватившей радости смеюсь,
Ликует все, я песню запеваю
И чувствую – сам песней становлюсь.

Перевод А. Волобуева

Андрей КРИВОШАПКИН

Андрей Васильевич Кривошапкин родился в 1941 г. в с. Себян-Кюёль (Якутия) в семье оленевода. Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена. Пишет на эвенском языке. Первая кн. рассказов «Афоя» вышла в переводе на якутский язык в 1969 г. На эвенском языке изданы сб. стихов «Половодье», «Родной край», «Песни Севера», в русском переводе – «Земля предков» (1995), «Мир эвена» (2001) и др. Живет в Якутске.

ОЛЕНЕВОД

В долинах,
По отрогам гор
И в тундре бесконечной
Пасут оленей
С давних пор –
Пасти их будут вечно!

Не может быть,
Что в некий год
Такой настанет день –
По тундре нашей
Не пройдет,
Не пробежит олень.

Оленевод я
И пасу
Оленей круглый год,
Когда мороз трещит в лесу,
Когда пурга
Метет.

Туманы
Застылают путь...
Забота лишь о том,
Чтоб волка
Вовремя пугнуть,
Найти хороший корм.

Для парня
Велика ль беда –
Промокнуть под дождем:
Костер я разожгу
Тогда,
Согреюсь кипятком.

Нельзя оленей
Не любить,
Они – моя судьба,
За ними век готов
Ходить,
Чтоб только никогда

Не наступил бы
Тусклый год
И не пришел тот день,
Когда по тундре
Не пройдет,
Не пробежит олень.

Перевел Д. Руденко

СЕВЕРНАЯ ГОСТИНИЦА

Гостиница –
Скрещенье всех дорог.
Здесь летчики в унтах,
Оленеводы,
Охотники
С полярных островов...
Тут много
Интересного народа.

Всегда здесь
Экспедиции живут –
Одна уйдет,
Другая приезжает;
У них всегда –
Большие рюкзаки
И на гитаре
Кто-нибудь играет...

Недавно
Появился здесь моряк,
Отставший от родного
Парохода, —
Он все рассказывал
Про Кубу и Вьетнам.
Тут много
Интересного народа.

Здесь как-то быстро
Сходишься с людьми —
Еще вчера
О них ты и не слышал,
Ну а сегодня
Душу им открыл,
Они как будто
Всех родней и ближе.

Гостиница —
Особенный уют,
Тепло веселых,
Новых разговоров...
Уедешь —
Будни чередой пойдут,
Но о гостинице
Забудешь ты не скоро.

Перевод А. Руденко

БЫЛ БЫ РЯДОМ МОЙ ОЛЕНЬ

Дышит сыростью земля,
От реки туман ползет,
И опять лететь нельзя —
Ждет погоды самолет.
Что с него сегодня взять?
В пасмурный осенний день
Грустно мне сидеть и ждать.
Был бы рядом мой олень!
Ночь. Транзистор. Мир запел.
От звезды упала тень.
Я б умчал, куда хотел,

Был бы рядом мой олень.
Вспомню на снегу следы,
Быстрокрылые мгновенья,
Прав певец Кола Бельды,
Воспевающий оленя.
Наплывает новый день,
Я не улетаю снова.
Был бы рядом мой олень,
Птица Севера родного.

Перевод М. Новокрестьянских

БЕЛЫЙ ЯГЕЛЬ

Молочно-белый ягель
На склонах гор белеет,
Дождей хрустальных воды
Он все вобрал в себя.
И если жажда мучит,
Ты припади скорее
К его груди прохладной,
И он спасет тебя.

Как этот ягель снежный,
Я так хотел бы тоже
Все чистое, святое
До дна в себя впитать,
Чтоб знания и нежность,
Все самое родное
В минуты чьей-то жажды
Смог людям я отдать.

Перевод А. Федорова

МОЯ РОССИЯ

Мой олений аргиш заплутал,
Он от долгой кочевки устал.
Неужели устала и ты
И своей не возьмешь высоты?

Полноводная плещет река.
А насколько она глубока?

Есть ли путь на другом берегу?..
Перебраться туда я смогу?..

Но дороги назад не дано,
И осталось нам только одно:
Надо двигаться только вперед
И искать неотмеченный брод.

Как добрейшей души человек,
Ты другим помогала весь век
И склонилась под ношей такой.
Не пора ли поспорить с судьбой?

Ты стоишь на распутье дорог
Среди бед, неудач и тревог.
Так шагай же скорее вперед,
Пусть к победе твой путь приведет!

Перевод В. Федорова

ДВЕ КАРТИНЫ

Было время – мы слепыми были,
Было время – мы глухими были,
Было время – мы немymi были,
Восторгались всем и этим жили.

А сегодня – зрячими мы стали,
А сегодня – чуткими мы стали,
А сегодня – громкими мы стали,
Отвергаем, рушим, что создали.

В жизни одного лишь поколенья
Две таких картины непохожих.
Обе не достойны восхищенья,
Но из них какая лучше все же?

Жаль, не смогут на мои вопросы
Дать ответ ни люди, ни народы...
Но рассудят все довольно просто
Время и Эпоха – через годы.

Перевод В. Федорова

МИР ЭВЕНА

Глава из этнографической поэмы

Об огне

Эвен забудет о еде и сне,
но в жизни не забудет об огне:
великий друг эвенов – Дух Огня*.
Поверье говорит: когда идешь
охотиться, то поклонись огню –
удачи попроси, чтоб вывел он
на зверя, чтоб добычу даровал,
чтоб смог ты на стоянке развести
спасительный в больших снегах костер.
Огонь в домашнем очаге – колдун,
источник теплых и иных чудес,
а Дух Огня – как человек живой:
он – собеседник и товарищ всем,
кто с ним во тьме умеет говорить
с открытым сердцем, где местечко есть
надеждам и сомнениям земным.

Когда огонь спокоен в очаге
и ярким золотом сверкает он,
как бы танцуя, а потом начнет
жужжать и бормотать, то это знак,
которым Дух Огня дает понять,
что гость идет сюда издалека.

Эвены, изучив язык огня,
готовят к встрече лучшую еду
и шкуры для сидений гостевых.
И верно: вскоре, как подступит ночь,
послышатся за стенкой илumu**
собачий лай и перешелк копыт –
за ними не задержится и гость.

* Дух Огня (Хозяин Огня) – могущественное божество, охранитель жизни и благополучия.

** Илumu – конусообразное летнее жилище эвенов с ровдужным (замша из оленьей кожи) покрытием.

Когда огонь в уснувшем очаге
из-под золы вдруг с треском оживет,
и, словно выстрел, прозвучит «син-кэн!»*,
то это, знают все, что не к добру.
И ждут несчастья: может быть обвал
в горах, когда оленей занесет
в смертельные сугробы, и тогда
эвену без оленя прямо смерть;
а может набрести шатун-медведь
на человека, и тогда весь род
добытчика рискует потерять.

В тайге, в снегах несчастьям счету нет,
и над эвенами судьбина их
висит, как туча с громом и дождем,
и надо быть готовым ко всему.

Об удаче

Охотник, прежде чем идти в тайгу,
оленей с вечера привяжет там,
где ягельник и сочен, и богат,
чтоб утром их, готовых в путь, запрячь
и выехать бесшумно на тропу,
где бродит по своим законам зверь.

Эвен не суетлив и молчалив,
в движеньях сдержан – это потому,
что он повадки предков сохранил.

Он просит, чтобы Дух Земли к нему
был благосклонен, ведь тропа в тайге –
всегда опасность, словно тонкий лед,
который может треснуть под ногой.

И славно, если добрый Дух Земли
укажет след, на зверя наведет,
тогда эвен свою удачу сам

* «Син-кэн» – звукоподражание треску дров в костре.

возьмет – не пожалеет ног и рук,
чтоб от него добыча не ушла.

Но если зверь охотника хитрей,
и если сам охотник неуклюж,
и если вдруг осечку даст ружье,
то грустно возвращение домой.
Путь без удачи – вдвое долгий путь,
а дома ведь детишки ждут отца
с добычей и во все глаза глядят
в надежде: что он нынче принесет?

Тот, кто вернулся с промысла пустым,
оленя ставит где-нибудь в кустах
и виновато входит в илumu,
стараясь не дышать и не шуметь.
И все понятно родичам его.
И все молчат. А что там говорить?
Лишь встречный вздох раздастся в тишине,
и это значит: вновь удачи ждать,
когда она пожалует сама
или ее подарит Дух Земли.

О жилищах

Жилище у эвена таково,
что может чужестранец не понять,
природу ль продолжает илumu,
иль илumu – природу? Съемный кров
неприхотлив в кочевках. В нем легко
и просто жить, и чисто, как в лесу.

А если честно, то природа вся
эвену служит домом с малых лет.

Когда согжой* гонят, то порой
приходится эвену ночевать
там, где застанет ночь: в снегу, в дожде,
в буране снежном, на любом ветру

* Согжой – дикий лесной олень.

он может ловко развести костер
и согреться около него
на долготеплых углях до утра.

Эвен под чистым небом отдохнет,
очистит душу молодым дымком
и с проблесками утренней зари
готов до сумерек оленя гнать.
Лишь дом родной такие силы даст,
чтоб не сойти с охотничьей тропы,
а взять свою добычу у тайги.

Эвен с рожденья лесу друг и брат,
эвен горам с рожденья брат и друг,
а с речкой дальняя, но все ж родня, —
вот почему его все, все вокруг
питает, вдохновляет и хранит:
так дом оберегает своего
единственного сына и жильца.

И зверь, и птица, и тальник, и мох,
и небо, и светила в небесах,
и солнце, и луна — все, все вокруг
душой наделены, и на земле
со всеми, кто живет вокруг него,
эвен приучен как с живыми жить.

Дитя природы, сам эвен ее
своим дитя считает, — потому
ее он для потомков бережет,
она его для вечности хранит.

Вот что за дом, где обретает жизнь
и где и как стремится жить эвен.

Об игрищах и веселье

Умели веселиться в старину,
умели в игры увлекать людей.
Как наступала летняя пора,
искали место, объявляли сбор —
со всех сторон эвены шли туда.

Сноровку, ловкость, силу, красоту
здесь выказать стремились удалцы:
в прыжках они, в борьбе на кушаках,
в бросанье маутов в длину и в цель
друг с другом состязались, и олень
был победителю наградой там.

Но свадебные игры больше всех
влекли народ туда, где торжество
готово было пышно расцвести.
На свадьбу едет множество людей,
истосковавшихся в больших снегах,
в таежном одиночестве: нужда
в общении и в празднестве ведет
на игрища эвенские роды.
Невесту наряжают, как всегда,
подруги — улыбаясь и смеясь,
они ей лишь о счастье говорят,
и верят, что помогут их слова
невесте стать счастливою женой.

Суров эвенский свадебный обряд,
нацеленный на счастье молодых.

Прежде всего невесте подведут
оленья верхового. Усадив
ее учуху* на спину, велят
проехать до жилища жениха.
И даже если рядышком стоит
дом женихов с невестиным, нельзя
обычай нарушать, — пусть два шага,
но надо их верхом преодолеть
невесте. А обычай говорит,
что только так лишь можно предъявить
достаток свой, а также показать
характер, независимость свою.

Пока невеста едет к жениху,
оглядываться ей никак нельзя,

* Учух — хорошо выезженный верховой олень.

чтоб в душу не вселилась бы тоска
по отческому дому, и тогда
хорошею хозяйкой ей не стать.
Эвены веселятся день и ночь.
Поют, играют. Состязанья их
не знают ни начала, ни конца.
Венчает игры «хэде» — хоровод,
что пеньем и движеньем норовит
всех затянуть в круговорот, куда
и сами все спешат: и стар, и мал.
Он бесконечен, этот хоровод!
Под локти ухватив друг друга, круг
верша за кругом, люди в нем поют
и пляшут все. И плавны, как волна
большой реки, движения у них.
Здесь старики, что вспомнили свое
былое молодечество, поют
и пляшут, обгоняя пожилых.
Старухи здесь, лицом помолодев,
поют и пляшут шибче пожилых.
О молодых и слов-то нет сказать,
как здесь им — в ритме «хэде» — хорошо.
У всех от радости на лицах свет,
у всех от счастья светится душа.

На игрищах, как люди говорят,
родится песня на краю тайги,
чтоб до вершин далеких гор звучать.

Об олене

Эвенов от Ламу и до Ламу
на их нелегком жизненном пути
от всех напастей, бед и неудач
всегда спасал олень, как добрый дух.

Великому охотнику порой
являлся сам эвенский дух-олень.
Был светлый мех его слепяще бел —
белее снега свежего, а бег
не оставлял следов: как бы летал
дух-покровитель над землей людей.

Невидимый для жителей иных,
олень священный вел к удаче тех
таежников, которые могли
все стойбище охотой прокормить.

Случалось, что охотник мог добыть
священного оленя, и тогда
он кости зверя в сэруке* берег,
не измельчал — возил всегда с собой
на всех перекочевках, не давал
притронуться к святыне никому,
чтоб силу амулет не потерял.

И говорят, что с изначальных пор
с эвенами в кочевках их живет
священный дух-олень — хранитель их,
недаром и зовут его «несэн»**, —
вот чем еще силен мой небольшой,
но верящий в свою судьбу народ.

Перевод А. Преловского

* Сэрук (сээрук) — кожаный мешок, олений выюк.

** Несэн — чудный, несущий счастье.

Платон ЛАМУТСКИЙ

Платон Афанасьевич Ламутский (Степанов) (1920–1986) родился в пос. Себян-Кюэль (Якутия). Окончил Якутское педагогическое училище (1937), в конце 1950-х гг. — годичные курсы переподготовки учителей в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена. Большую часть жизни учительствовал в северных районах республики, собирал эвенский фольклор. Писал на эвенском и якутском языках. Литературный псевдоним — от самоназвания эвенков «ламуты». Первые поэтические публикации относятся к 1939 г., первая кн. — «Стихи для эвенских детей» вышла в 1960 г. Участник Первой Всероссийской конференции писателей народов Севера (1961). Автор поэтических сб. на эвенском и якутском языках «Олененок», «Дети старика», «Друзья-звезды», «Песни звена». При жизни на русский язык практически не переводился. Последнее произведение — исторический роман «Дух земли» (1987, в переводе на якутский язык), в 1993 г. вышел сб. «Путь в светлый мир».

ПОДАРОК МАТЕРИ

Из-под снега мама
достаёт траву,
маленькую, нежную траву сиибиктэ*.
Радостно сверкают
мамины глаза —
как прекрасна эта зелень на снегу!

Даже среди лютой стужи никогда,
никогда не вянет трава сиибиктэ.
И приносит мама эту зелень мне
и, как заклинанье, говорит она:

— Эту травку, сын мой,
бережно храни,
спрячь ее от ветра на своей груди.

* Сиибиктэ — хвощ.

Если одолеет
хворь тебя, тогда
ты ее понюхай и пройдет беда.
Если ты по дому
затоскуешь вдруг,
ты ее понюхай и пройдет недуг.
А когда печалью
тебе сдавит грудь —
оближи ту травку и исчезнет грусть.
Что бы ни случилось,
сын, с тобою, знай:
сиибиктэ поможет, о ней не забывай.
Вот такое чудо
на моей земле
зеленеет гордо стуже вопреки.
Сквозь ее бураны,
пурги и снега
дышит и смеется трава сиибиктэ.
Это — символ вечной
тяги к красоте,
стойкости живого пред безумством
зла.

Символ изобилия,
жизни на земле,
цвет непокоренной родины моей.
Для добра и счастья
ты сквозь снег растешь,
маленькая, нежная трава сиибиктэ.
Пронесу под сердцем
через всю судьбу
я тебя — бесценный материнский
дар!

Перевод М. Песина

МЕСЯЦ

Говорят, давным-давно то было.
В берестяной ковшике надоила
Тетушка парное молоко.
Остудить поставила на крышу
Да забыла. Так уж, видно, вышло.

И теперь мы видим:
далеко,
В толпах звезд остался одинокий
Месяц сторожить пути-дороги.
Это то парное молоко.

Перевод В. Чапыла

ШКУРА БАРАНА

Из рога горного барана
Что сделаю?

Большую ложку.
Из рога важенки барана –
Продолговатую застезку.

Захочу, скажу –
из бараньего рога сделано,
Захочу, скажу –
из рога важенки сделано.

Из шкуры горного барана
Мне выйдет шуба жарче ватной.
Из шкуры важенки барана
Доха получится нарядной.
Захочу, скажу –
из бараньей шкуры сделано.
Захочу, скажу –
из шкуры важенки сделано.

Перевод А. Кушнера

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Выглянуло солнце,
Осветив лесок.
Радуетя солнцу
Чей-то голосок.

Он высок и сбивчив:
Чипи-чипи-чив-чив!

Маленькие крылья,
Кругленький зрачок.
Не стоит на месте
Острый язычок.

В посветлевшем мире:
Чири-чири-чири!

Пробудился Север,
Больше нет зимы.
И, воспрянув духом,
Радуетя мы

Песне первых птичек:
Чиви-чиви-чик-чик!

Перевод А. Кушнера

О, ПРЕКРАСНАЯ ЧЭНМЕРИЧЭЭН!

Ты, прекрасная Чэнмеричээн!
Когда мы правим оленей бег
по слепящим снегам к становой, –
если ликом оленьим к тебе обернись
и по имени назову с любовью, –
оглянешься ли, улыбнешься ли
с возгласом «Э-э?..»

Ты, прекрасная Чэнмеричээн!
Когда ты на сход к четырем часам
пролетишь мимо речки небрежно, –
если льдом я примерзну тебе к торбасам,
прозвенев твое имя нежно, –
оглянешься ли, улыбнешься ли
с возгласом «Э-э?..»

Ты, прекрасная Чэнмеричээн!
Когда из ковша лучезарной порой
умоешься пригоршнями ледяными, –
если я растворюсь и прольюсь водой
и в ушко плесну твое имя, –
оглянешься ли, улыбнешься ли
с возгласом «Э-э?..»

Ты, прекрасная Чэнмеричээн!
 Когда ты ляжешь в кровать вечером
 и в руки возьмешь любимую книгу, —
 если стану я буквы черным зверьком
 и со страницы тебя окликну, —
 оглянешься ли, улыбнешься ли
 с возгласом «Э-э?...»

О, прекрасная Чэнмеричээн...

Перевод И. Колли

Василий ЛЕБЕДЕВ

Василий Дмитриевич Лебедев (1934–1982) родился на берегу р. Умбэ в Момском р-не Якутии в семье охотников-кочевников. Учился в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена (1954–1958), в 1960 г. закончил Якутский ун-т. Ученый-языковед, кандидат филологических наук. Писал на эвенском и русском языках. Первые стихи опубликовал в конце 1950-х гг. Первая книга на родном языке «Эмчэни» вышла в 1963 г., последняя книга «Сила песни» — в 1984 г.

ИНДИГИРКА

Лишь холодом небо
 Дохнет голубое —
 Лишается вновь
 Индигирка покоя.
 И дикие птицы,
 Предчувствуя вьюгу,
 Прощально крича,
 Устремляются к югу,
 Уносятся клин их,
 Вспоров облака.
 Но путь изменить свой
 Не хочет река.
 И катятся волны
 Лавиною серой
 К далекому морю —
 На север, на север!

Там ждут, карауля
 Речные стремнины,
 Огромные ели,
 Поднявши вершины,
 Там к вязким и низким
 Ее берегам
 Выходят олени,
 Вздыхая рога.
 Их тени на глади
 Рисуются четко,

И видно далеко
Рыбачьи лодки.
И нельму, и чира
Их невод выносит,
И яркие брызги
Слетают с их весел.

Но дальше и дальше
Стремится вода,
От устья до Момы*
Качая суда.
Взгляни с высоты —
Ответвления реки
Синеют, как жилы
Рабочей руки.
Себя забывая,
Не ведая сна,
На север свой путь
Продолжает она.
Торопится к морю,
Волною вскипая,
Прекрасная дочь
Полуночного края.

Перевод Г. Фролова

ГОРЫ

Погружая вершины в туман,
Одевая снегами отроги,
Бесконечных хребтов караван
Растянулся в нелегкой дороге.

Горы, горы! Куда же ваш путь
Вас ведет за столетьем столетье?
Бьют ветра в вашу крепкую грудь,
Хлещут грозы вас огненной плетью.

* Момы — приток Индигирки. После ее впадения Индигирка становится судоходной.

Вам забыться нельзя и на миг!
Пусть проносятся бури сердито,
Но за пиком вздымается пик
Обожженного солнцем гранита.

Ни один из бойцов не устал,
Ни один на ходу не задремлет.
Пусть крушит ваши скалы обвал —
Вы упрямо идете сквозь время!

День и ночь, день и ночь, день и ночь
Вам под ноги ложится пространство.
Велики ваша древняя мощь,
И терпение, и постоянство.

Сила вечная, вечная жизнь!
Сердцем с вами я, где бы я ни был!
Нет! Недаром вы тянетесь ввысь.
Нет, недаром стремитесь вы в небо!

Перевод Г. Фролова

ПРИЗНАНИЕ

Друзья мои,
Веселые друзья!
Что вам скажу,
Что вам отвечу я?
Есть девушка —
И только для нее
И жизнь моя,
И мужество мое!
Стекают с плеч
До ног ее почти
Тяжелых кос
Блестящие ручьи.
А как поет —
Сказать не в силах я —
Румяная красавица
Моя!
Пусть долго мы
Не видимся порой,

Пускай боюсь
В глаза ей посмотреть.
Но и в разлуке
Милая со мной,
Мне без нее
Ни жить, ни умереть!
Лишь для нее
Сокровища души!
Ах, где же ты, любимая.
Скорей!
Но только отчего-то
Не спешит
Она принять
Подаренное ей.
Когда в ветвях
Сверкает солнца свет,
Когда приходит
Ночь в мои края —
Всегда, везде
О ней мечтаю я,
О ней пою,
Идя за стадом вслед!..

Перевод Г. Фролова

ТОРДОХ

Давно уже всюду
Поднялись дома.
Давно в них уже
Перебрались эвены.
Теперь понапрасну
Лютует зима,
Пургой налетая
На крепкие стены.
И все-таки пусть
Этот древний тордох,
Хотя он уже
Никому и не нужен,
Стоит возле дома.
Ведь тоже, как мог,
Спасал он когда-то

Эвенов от стужи.
Пускай средь поселка
Останется он,
Омытый дождями,
Продутый ветрами,
Как память о том,
Кто во мраке времен
Умело связал
Эти жерди ремнями,
Оставил дыру,
Из которой, струясь,
Дымок поднимался
В далекие годы,
В которую солнце
Смотрело, смеясь,
В которой морозные
Виделись звезды.
Пускай он, как прежде,
Встречает меня.
Пускай избежит он
Поспешного слома —
Последний свидетель
Рожденья огня
И первый свидетель
Рождения дома.

Перевод Г. Фролова

БЕЛЫЙ ОЛЕНЬ

*По древнему эвенскому преданию,
белый олень считался священным
животным, приносящим счастье.*

В стаде оленем рождается редко
Олень белее снежной земли,
Священный олень.
Его мои предки
Как символ света берегли.

И никогда не обрубали
Ему ветвистые рога,

Чтоб светом солнечным сияли
Вокруг него снега.

Во мраке зимнем и глухом,
В полярной нашей ночи
Струятся от него кругом
Теплого света лучи.

Тронуть его – великий грех,
Нельзя его оскотплять,
Чтоб мог он белый солнечный мех
Потомству передать.

Верхом на него садиться не смей,
Не оскорбляй судьбу,
Иначе тебе до скончания дней
Беду таскать на горбу.

Долго живет белый олень
И умирает сам.
Счастье несет его смертный день
Невестам и женихам.

Если со свадьбой тот день совпадет, –
Будет счастливым брак,
Будет младенец от зла огражден
И не угаснет очаг.

Легенду, что слышал я в давние годы,
Мне не забыть и в последний день:
Ведь для поэта преданья народа –
Тоже белый олень!

Перевод А. Бутыринского и Р. Артамонова

МУЗЕЙ

В сумрачных залах музея
Половицы скрипят подо мной,
А воздух недвижно веет
Холодом и тишиной,
Духом забытым веет,

Мертвой давно стариной...
Тонкие лунные луки –
Чьи вас касались руки?
Скажите мне, древки стрел,
Кто, умирая, хрипел?
Вот на истлевших ровдугах
Выцветшие цветы.
Бисером тусклым по кругу
Вышитые унты...
И в них когда-то ходили,
Но памяти нет у вещей:
Хозяев они пережили,
Потомков их пережили,
А сами – немей камней;
Не скажут нам, кто их сделал,
Кто ими когда-то владел...
О полете забыли стрелы,
А луки не помнят стрел.
А вы, ровдуги, зачем вы?
О юртах забыли вы!
Забыв свое назначенье,
Вещи вдвойне мертвы.
Века пройдут за веками,
Станет земля иной,
И время в глубоком тумане
Облик утопит мой.
Но если бесследной тенью
Исчезну – как же тогда
Будущие поколенья
Увидят наши года?
Нет, мне не о славе стараться,
Но каждый,
Кто был рожден,
Должен хоть в чем-то остаться,
Чтоб не могла оборваться
Единая нить времен!

Перевод А. Бутыринского и Р. Артамонова

Николай ТАРАБУКИН

Николай Саввич Тарабукин (1910–1950) родился в Момском р-не Якутии в семье охотников-кочевников. Окончил Ленинградский ин-т народов Севера. Работал учителем, сотрудничал с Якутским НИИ языка, литературы и истории. Писал на эвенском языке. Выпустил сб. «Песни тайги. Индигирские стихи», «Полет золотой девушки. Эвенские песни», поэтический цикл «Серебряная девушка». После смерти поэта в Якутске был издан сб. «Люблю солнце» (на якутском языке).

ПОЛЕТ НА ПЛАНЁРЕ

*Как я впервые учился летать
на деревянном крылатом
младшем брате
самолета — планёре*

Оленя воздушного в поле ко мне подвели,
Чтоб я на олене крылатом поднялся с земли.
Сказали друзья: «За узду хорошенько держись!» —
И я за узду ухватился, и мы понеслись.

И вот, подымаясь к сияющей облачной выси,
Я вниз посмотрел, — и не знаю: земля — не земля.
Дома запестрели внизу, как рассыпанный бисер,
Одеяльцами стали поля.

Дорога железная ниткою, еле заметной,
Проходит вдоль них, — я едва разглядел на лету.
А я, словно птица, лечу против ветра,
И всё набирает олень высоту.

И вспомнился мне Котачан, верховой мой олень.
Напрасно бежал бы сейчас он за мною.
Не думал я раньше, на нём проносясь по земле,
Как медленно ходит он.
Ведь путь, что пройду я по воздуху в день,
Лишь в год пробежит Котачан, верховой мой олень.

Пасись, Котачан мой, навек оставляю тебя.
Теперь верховому другому доверюсь, любя.
Его научу подчиняться любому движенью руки
И в воздухе буду всегда неразлучен я с ним.
Едва захочу — к берегам Индигирки-реки
В три дня мы с ним долетим.

Орлом полечу я — как даль поднебесья чиста!
Я сверху привет посылаю земле.
Воздушный олень — верховой мой олень!
Я сыном облака стал!

Перевод В. Наумовой

ЛЮБЛЮ СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТ

Я долго ходил сегодня
Лесом и полем зеленым.
Вот так бы землю и обнял!
Так бы и умер влюбленным!

Солнечные лучи густо кругом раскиданы,
Между стволов и трав стрелами понатыканы:
Каждый указан шаг — ступай себе и молчи...
Путаются в ногах солнечные лучи.

Чудо! В лесу издревле,
Куда ни пойдет поэт, —
На травы и на деревья
Особый струится свет.

Вот и кожу-брожу зарослями, опушками —
Душа у меня поет, как пела она у Пушкина.
Думаю про себя: «Вдруг да и я поэт?»
Его ли, моя ли кровь — разницы вроде нет!»

О лес мой, простор мой, поля!
Что мне дороже вас?..
Стою посреди векового раздолья,
Как малый ребенок смеюсь.

Природа лежит, сверкая,
Прекрасно ее чело.
Скажи, отчего ты такая,
Земля мой дорогая?
Скажи — отчего?

Открой вечной молодости секрет!
...Тогда успокоится твой поэт.

Перевод Гл. Семенова

УЛЬЧИ

Мария ДЕЧУЛИ

Мария Петровна Дечули родилась в 1951 г. в с. Ухта Хабаровского края в семье сельского учителя. Окончила Иркутский медицинский ин-т. Работала фтизиатром в Иркутске, затем в с. Богородское Хабаровского края. Была корреспондентом районной газеты. В 1986 г. заочно окончила Литературный ин-т им. А.М. Горького. Пишет на русском языке. Автор изданных в Хабаровске поэтических сб. «Орнамент», «Багульник», «Зарубки».

Милый мой, кончается столетье.
Гвалт и вой сирен.
И куда корабль наш путь наметил,
Не исправив крен?

Ну, а нас-то не обманешь, знаем:
Вечен мир, но мы не вечны в нем.
И летит корабль, волной терзаем,
Адской ночью, райским днем...

СИЛУЭТ

Мы все отстаем от судьбы хоть немного:
То поздно проснулись, то в гору дорога.

И та, кем я быть бы могла, — далеко,
И будет догнать мне ее нелегко,

А то и похуже — совсем невозможно.
И сердце в груди затрепещет тревожно,

Когда я завижу ее силуэт,
Меня обогнавший на несколько лет.

Я слово, и дело, и жест повторяю,
Но вот догоню ли – не знаю, не знаю.

ЯНВАРЬ

Снежный сокол с плеча у него не взлетит.
Ясноглазый январь на меня не глядит.
Князь мой, светлый январь, ты меня не морозь.
Если можем не вместе – значит, надо поврозь.

Только мимо пройдем, только вслед поглядим.
Только снег упадет с потрясенных рябин.

ЗАКРЫТИЕ НАВИГАЦИИ НА АМУРЕ

И осень отпускает мир из плена
Ненужных, лишних, мелочных страстей.
Плывет с реки прощальная сирена –
Последний звук последних новостей.

И первый снег и падает и тает,
Как хитрого ребенка пробный плач.
И берегу чего-то не хватает:
Уводит пристань бережно толкач.

Ну что ж, усни, уставшая природа,
Покройся опереньем снеговым.
Ты так добра в любое время года
Ко всем, кто верен лощам твоим.

ОСЕНЬ

Обрывки лет, и зим, и весен,
Калейдоскоп прошедших дней.
И вдруг узором ярким осень
Засветит в памяти моей.

И все душе моей доступно,
И все вбирает жадный взгляд,

И надо мной бело и крупно
Не тучи – лебеди летят.

И сквозь рябиновый орнамент,
Сквозь леса призрачный огонь
Промчал стремительно и замер
Амура белогривый конь.

Не судите меня слишком строго,
Вам не трудно меня понять.
Русских песен люблюсь слогом –
Родила меня русская мать.

А отец мой – из племени ульчей,
Оттого я душой – тайга.
Я Амура не знаю лучше –
Всюду вижу его берега.

Оттого меня манят мари,
Где брусника в траве растет,
Где течет из земли из старой
Ключ заветный, холодный, как лед.

Но в душе моей нет раздвоенья:
Капли врозь – не вода, а туман.
Мне желают счастливого пеня
Мамин Бог и отцовский шаман.

ОРНАМЕНТ

Народным мастерам

Не имели
письменности
предки.
Оттого
в орнаменте
сплелось
Все, что разум
осеняло
крепкий:
Хитрость, красота и даже злость –

На непобежденного
медведя,
На стрелу,
что не попала
в цель...
Ты взглядишь:
узор тебе
поведает
О любви,
идущей сквозь метель.
И о том
охотнике отважном,
Что в голодный
невезучий год
Спас себя
и всех своих
сограждан,
То есть
всю родню свою,
весь род.
Вслушайся,
как будто
ветер стонет
И зовет
дремучая тайга.
Это плачет
тень ушедших
стойбищ
О родимых этих
берегах.
О цветенье
вербы
непокорной
На холодном
мартовском
снегу!
...Вырежь мне узор
рукой
проворной,
Я его на память
сберегу.

Александр ДЯТАЛА

Александр Николаевич Дятала (1933–1977), ульчский поэт и художник, вырос на Амуре. Рано остался без родителей, воспитывался в детском доме. Окончил Ленинградский ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Писал на ульчском и русском языках. Стихи публиковались в коллективном сб. «Север поет», в ж. «Дальний Восток», «Байкал», «Полярная звезда». В 1982 г. в Ленинграде по-смертно издана кн. стихов «Зарубка» (перевод А. Аквилева).

МАСТЕРИЦА

О ней веду я свой рассказ:
Ну как мне не гордиться
Тем, что живет в селе у нас
Ульчанка-мастерица!

Берет для вышивок она
У бабочек узоры,
Все краски дарит ей весна,
А глубину – озера.

Лишь глянет вдаль из-под руки –
И прочитает сразу
Седые письма тайги,
Невидимые глазу.

Сиянье северное спит
На корабельных росях,
На голубых ветвях горит
Поземки белый росчерк.

И девушка берет шитье –
И нитей паутины
Сплетаются в руках ее
В звучащие картины.

Я сразу же узнать могу,
Увидев те узоры,

Мое село, мою тайгу
И Родины просторы.

Как мастерица хороша!
И неспроста при этом
Озарена ее душа
Искусства добрым светом.

Едва в ее глаза взгляну –
И я у них во власти...
Ульчанка вышила весну
Мне в зимнее ненастье!

Перевод А. Аквилева

ПУРГА УЛЕГЛАСЬ

Люблю морозный, свежий, мгlistый
Небесный воздух над тайгой.
Как от берез светло и чисто
В душе, измученной пургой!

Вкруг солнца празднично и ясно
Сияют светлые круги.
Ветра лежат под свежим настом,
Как будто бы мои враги.

И прутья красные, как стрелы,
Им в горло намертво вошли...
И нет, поверь, на свете белом
Тогда спокойнее земли.

Перевод А. Аквилева

НЕРЕСТ

Идет,
Плавниками листая
Амурскую сонную тишь,
Лососся веселая стая –
И в заводях гнется камыш.

А стая – то гуще, то реже.
Кипит от движенья струя.
Сверкает на лапах медвежьих
Горячим огнем чешуя.

Как тысячи солнц,
Расплескалась
По травам и дюнам она,
И, преодолая усталость,
На берег вкатилась волна.

И только тугие икринки,
Пред тем как в протоках залечь,
Сверкнули,
Как будто искринки,
Чтоб новое пламя
Зажечь.

Перевод А. Аквилева

НЕВЕДОМАЯ КРАСОТА

Неведомая красота живет!
В глазах раскосых ласка затаилась.
А люлька белым бисером искрилась –
Мой первый,
Самый первый звездолет.

Мои ручонки маме не стянуть
Упругими тугими ремешками –
Как на волнах,
Я продолжаю путь,
Качая, словно нерпа, плавниками.

Ах, люлька, люлька.
Детство дней моих!
Ты – это взлет разгоряченной птицы.
Вокруг стоят веселые сестрицы,
А я лежу, любимый, среди них.

Ах, люлька, люлька,
Деревянный струг,

Красивые узоры по спирали!
Как тени золотистые играли
И солнечные зайчики
Вокруг!

Перевод А. Аквилева

ПРЕКРАСНАЯ ПТИЦА

*Памяти
знаменитой советской летчицы
Полины Осипенко, погибшей при
выполнении полета в 1939 году*

Крик одинокой выпы.
В рыжих разводах трава.
Клюкву кровавую сыплет
Осень в свои кузова.

Амгунь шевелит губами.
Снова я сквозь года
Чувствую,
Как под вами
Падает высота.

Как случилось все это,
Скрыли тайга и река.
Но память –
Небесного цвета,
Как небо, она высока.

Портрет.
На штурвале пальцы.
Мужеству нет границ.
Полина для негидальцев –
Прекраснейшая из птиц.

От лебединого крика
Стонут мои луга,
А над Амгунью
Тихо.
Грустит без нее тайга...

Перевод А. Аквилева

Прокопий ЛОНКИ

Прокопий Васильевич Лонки родился в 1926 г. в с. Верхняя Гавань Хабаровского края в семье рыбака. Со школьных лет занимался художественной самодеятельностью, после окончания школы работал в различных клубах Приамурья, создавал в Ульчском р-не национальный ансамбль и этнографический музей на общественных началах. Пишет на ульчском языке. Печатается с 1960 г. Участник Всероссийского семинара молодых писателей народов Севера (1980). В 1980-е гг. стихи (песни) публиковались (преимущественно в переводах Н. Грудининой) в ж. и коллективных сб. поэтов Севера.

ПЕСНЯ ЮНОШИ

Дэпси улыбнулась –
Пойма зацвела.
Дэпси хмурит брови –
Рушится скала.

Плачет ли, поет ли –
Копится добро.
Песни Дэпси – золото,
Слезы – серебро.

Я сложил хорошую
Песню про нее,
Я узнал-проведал,
Где ее жилье.

Поверху – пчелиный
Разнотравный луг,
Понизу – душистый
Поспевает лук.

Для хозяйства нашего
Заприметил я
Дерево – ольшину,
Ивы у ручья...

Перевод Н. Грудининой

я смотрела —
не видать ни слева,
ни справа,
не слышать ни справа,
ни слева.

О тебе спрошу
у березки —
та, качая кроной,
ответит,
что лишь ветра ведает
ласки,
только птичий слушает
лепет.

И летит над грустным
простором
песня невеселая
эта.
Где найти любимого,
кто он? —
помоги мне, гулкое
эхо!

Перевод А. Пчелкина

Удэгейцы

Джанси КИМОНКО

Джанси Батович Кимонко (1905–1949) родился на берегу р. Сукнай (Хабаровский край) в семье охотника. До 22 лет оставался неграмотным. В 1934–1936 гг. — студент Ин-та народов Севера (Ленинград). Писал на удэгейском языке. Автор немногочисленных стихов и песен.

ПЕСНЯ

От села до колхозного поля
Тропа ведет по тайге...
От села до колхозного поля
Ходят девушки-удэге.
Хани-на, хани-на, девушки-удэге,
Хани-на, хани-на, идут по тайге.

Над тропой наклоняются кедры,
Шумятверху тополя,
Далеко от села убежала
Ты, родная земля.

Смуглый парень из лесу выходит,
Ружье у него за спиной.
Этот парень ищет невесту
И торопится к ней одной.

У нее за плечами косы,
В глазах играют лучи.
У нее такая улыбка,
Что гляди, страдай и молчи.

Про нее говорят на собраниях
Хорошо всегда, как назло...
А вот парню беда: на охоте
Хоть бы раз повезло!

Он подходит к ней осторожно,
Берет ее за плечо,
Говорит, что давно искал ее
И что любит так горячо...

А она лукаво смеется:
– Не стой, – говорит, – не трещи,
Если любишь меня хоть немножко,
Лучше белок в лесу поищи.

От села до колхозного поля
Тропа ведет по тайге.
На работу с веселой песней
Ходят девушки-удэге...
Хани-на, хани-на, удэге,
Хани-на, хани-на, идут по тайге...

Перевод Ю. Шестаковой

ПЕСНЯ ОХОТНИКА

От высоких гор, с быстрой реки Сукпая
Гнал я сохатого далеко, далеко...
Подо мною снег поднимался, кружился, сверкая.
Надо мною зимние птицы проплывали легко.
Я бежал быстрее, чем бежит вода,
Я на лыжах шел по его следам.
С высоких гор, с холодной реки Сукпая
Гнал я сохатого, где утесы в ряд.
Только ветер свистел, мое цветное помпу развывая,
Только ветер срывал удэгейский красивый наряд.
Я летел быстрее, чем стрела летит,
Я послал ему пулю на пути.
Он упал на снег, откинув рога крутые,
Как теперь донесу я эту ношу домой?
Далеко от стойбища охотничьи тропы лесные,
Далеко мои нарты, а вечер идет над тайгой.

Я возьму свои нарты и примчусь сюда,
Я приеду вечером – не беда.
Хороша у сохатого шерсть, мягкая шкура, большая:
Выйдут нарядные, теплые унты из нее.
Удэгейские женщины узорами их вышивают,
Удэгейские люди особое знают шитье.
Я pošлю унты в подарок – если б знали куда,
Увезут его на фронт поезда.
Далеко отсюда, где-то за Днепром-рекою,
Раненный пулей немца брат мой в больнице лежит.
Русская девушка спасла удэгейского воина –
Девушка кровь свою отдала, чтоб он жил.

Я для этой девушки ходил по лесам,
Я на фронт поеду скоро сам.
Пусть стоит пока без меня тайга,
Я на фронте буду убивать врага.

Перевод Ю. Шестаковой

Нанайцы

Георгий БЕЛЬДЫ

Георгий Андреевич Бельды родился в 1930 г. в с. Курун Хабаровского края. Окончил техникум. Много лет заведовал отделением связи в пос. Лидона, позже работал в рыболовецком колхозе в нанайском с. Нижние Халбы. Пишет на нанайском языке. Печатался в коллективных сб. Первая поэтическая кн. «Человек Земли» на родном языке и в русском переводе А. Лозикова.

ЧЕЛОВЕК ЗЕМЛИ

Руки и ноги мои в пыли,
а голос чист и летит высоко.
Льется вдоль речки моя дорога —
здесь я рожден, человек Земли.

Весел и щедр человек Земли,
но в сердце моем за отца тревога —
стынет от древних могил вдали
пулей оборванная дорога.

Силой ума человек Земли
вырастил доброе дерево — атом,
но рядом с добрым созрел в тени
плод, угрожающий миру атом.

Песней голос свой окрылив,
я на земные просторы вышел
и голос отца своего услышал:
— Ты и есть человек Земли.

В космос стартуют мои корабли,
и на виду у родной планеты
пишут дымным хвостом ракеты:
«Это я — человек Земли!»

Ясные я зажигаю огни
в каждом доме и в каждом сердце,
и каждое сердце мне доверится,
если я человек Земли.

Перевод А. Лозикова

НИЗОВСКИЕ ЖЕНЩИНЫ

За голубикой-ягодой
уехать хочу,
вдоль берега вышагиваю,
оказию ищу.

Хэй, по речке лодка
летит быстрее волны.
— Далеко плывете?
— За ягодой мы!

Вдохнув поглубже,
кричу им я:
— Возьмите, подружки,
с собой меня!

Низовские женщины
с юморком:
— В лодке нет места —
так в сердце найдем.

Хэй, хэй, хэни-нэ,
как по речке,
хэй, да лодка летит.
Погляжу на низовских женщин,
душа горит.

Разливается сиянье
на полземли

от огня, который женщины
в сердце зажгли.

Перевод А. Лозикова

РАЗЛУКА

Когда о милой грущу, и еда на ум не идет,
и радость не в радость.
Одна в сердце заноза –
милая, когда ты вернешься?

Ясные глаза неба тучами затянуло,
вот-вот дождик полетит.
Только грусти моей
не выплакать и дождем.

Хэгэ-гей, ветер, ты что расшумелся,
деревья в лесу качаешь?
Неужели тоску о милой
можно развеять ветром?

Ну, а ты, Амур, что волнуешься,
волны к небу вздымаешь?
Неужели и ты, как сердце мое,
тоскуешь о милой?

Перевод А. Лозикова

ЧУДЕСА

Хэй, хэй, хэни-нэ, хэй!
Как поймал рыбак тайменя, хэй!
С лодки выпрыгнул, на спину ему стал
и, вороне подражая, закричал:
– Гоа, гак-гак!..

Глядь-поглядь – стоит олень на берегу,
раскорячась, щиплет сочную траву.
Его ноги, будто ножки у стола.

– Чоо-пок, – чавкает ногами. – Чоо-пок-чаа...
Хэй, хэй, хэни-нэ, хэй!
Глядь рыбак, а в оморочке у него
расправляет заяц уши-паруса.
– Хэни-нэ! – рыбак воскликнул. – Хорошо!
На таймене под оленя, как под стол,
он подплыл, поднял плечами и пошел.
Он к жене пошел и радостен, и зол.
– Пока смотришь, – закричал, – на чудеса,
убегут из оморочки паруса!

Перевод А. Лозикова

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕТЕР

Вслед за тревожным ветром
сердце мое рвется,
долго ли за своих деток
будем мы беспокоиться?

Можно ли счастливым
жить в ожидании взрыва?
Может, всем нам собраться
да на Луну податься?

Не потакаю капризам
сердца, не улетаю,
ведь ласточки под карнизом
дома гнездо свивают.

Мама мне говорила,
что ласточки улетают,
если их гнездам милым
что-нибудь угрожает.

Ласточки, вейте гнезда
мира по всей планете,
может, напрасно к звездам
рвется тревожный ветер?

Перевод А. Лозикова

СИЛА ЖИЗНИ

Дома и сопки греют,
и мороз кажется ароматным,
как мясо молодого оленя.
А в городе – стужа.
Не метель меня окружила,
а злые кусучие змеи.

Дома навстречу ветру
я грудь обнажаю.
Дышу воздухом стойбища,
пропахшим дымком
и шкурами
отцовского чума.

От молодой тайги,
от крепкого корня предков
приходит ко мне радость
и греет лучше любой
теплоэлектростанции.

Дома и сопки греют,
и дыхание Амура
волнует кровь,
как дыхание женщины.
Я люблю свой дом –
отчую землю свою,
силу жизни.

Перевод А. Лозикова

Константин БЕЛЬДЫ

Константин Мантович Бельды (1934 – год смерти неизвестен) родился в с. Дада Хабаровского края. Окончил техническое училище в Комсомольске-на-Амуре, учился в Ленинградском и Хабаровском педагогических ин-тах. Работал учителем в школах Ульчского р-на. Писал на нанайском языке. Печатался (в русских переводах) в периодике и антологиях, посвященных литературам Севера.

ВЫДЕЛКА РЫБЬЕЙ КОЖИ

Танге-тес! Танге-тес!..
Целый день одно и то же.
Танге-тес! Танге-тес!..
Колотушка бьет по коже.
Тяжела рука моя,
В рыбью грудь она стучится,
Облетает чешуя,
Серебрится и искрится.
Ох, не легок этот труд,
Нам доставшийся от дедов,
Рыбьи кожи мнут и бьют
От рассвета до рассвета.
– Бум, бум – танге-тес!
Повторяет дальний лес.
Пусть теперь иные ткани
И иные времена,
Я нанаец,
Нани, нани, –
Рыбья кожа мне нужна.
Эта древняя работа
Мне знакома назубок.
Я роняю капли пота
На прадедовский станок.
Танге-тес! Танге-тес!
Без работы – нет чудес!
Здесь, на солнечном Амуре,
У протоков и синих гор
На поделки рыбы шкуры
Мы пускаем с давних пор.

Колотушкой что есть мочи
Рыбью кожу быю и быю,
Я верхонку и олочи
К холодам себе сошью!
Танге-тес, танге-тес!..

Перевод В. Шultzжика

ОСЕНЬ

На поляне, по тропинке –
Золото рассыпал лес.
Паучок по паутинке
На зимовье в щель залез.

С каждым днем в лесу все глуше.
Безголосье. Тонет звук...
Только ветер травы сушит,
Только дятел – «тук» да «тук».

Чу!.. Порвав туман небесный,
Долетела до вершин
Расставанья птичья песня:
– Го-го-го! На юг спешим...

Рано утром выйдешь к речке,
Глядь... По ней уже плывет
В мельхиоровой насечке –
Голубой ноябрьский лед.

Перевод М. Шаповалова

ЗЛОБА

Не будите в сердце злобу –
Ни к чему.
Злоба – тропка по сугробу, –
И во тьму.

Злоба душу уничтожит.
А во мгле
Человек прожить не сможет
На земле.

Доброта, как свет – лучистый,
Огневой!
Доброта – источник чистый
И живой.

А для злобы ложь осталась
И позор,
Преждевременная старость,
Мутный взор...

Злоба – пепел леденящий
В очаге.
Злоба – ураган свистящий
По тайге.

Злоба – тропка по сугробу
И во мгле...
Не будите, люди, злобу
На земле!

Перевод Н. Никишина

ПЕТЛЯ

Однажды на север я шел по тайге.
И вдруг на звериной тропе обнаружил
Еловую палку и петлю на ней.
Вернее сказать, петлю ржавчина съела,
А палка от времени стала трухой...
Задумался я над случайной находкой.

Кто здесь промышлял, в этих диких местах?
Кто зверю ловушку поставил, надеясь
Добычу найти? Кем охотник тот был?
Откуда пришел, чтобы петлю расставить?
Прошло много лет, и ловушка давно
Безвредна для зверя – лежит, догнивая.

Быть может, охотник уже постарел
И сила покинула крепкие руки?
И этой тропы не отыщут глаза?
Быть может, он умер? Как ель, почернел

И в землю сородичами захоронен?..
Увы, неизвестна мне эта судьба!

Быть может, охотник все ж зверя убил.
Тогда почему не вернулся за петлей?
Иль наоборот: избежав западни,
Охотника выследил зверь кровожадный
И сзади напал... И пропал человек...
Увы, неизвестна мне эта судьба!

Однажды на север я шел по тайге.
И вдруг на звериной тропе обнаружил
Еловую палку и петлю на ней.
Нет! Если охотник здоров – никогда
Не бросит он промысел. Так не бывает.
Свое снаряжение не бросит в лесу.

Перевод М. Шаповалова

Владимир ЗАКСОР

Владимир Семенович Заксор (1931–1971) родился в с. Би-чи Хабаровского края в семье потомственного рыбака. После окончания начальной школы пять лет работал в рыболовецком колхозе. В 1948 г. поступил на подготовительное отделение факультета народов Севера Ленинградского педагогического ин-та им. А.И. Герцена, но по болезни вынужден был прервать учебу. Вернувшись, учительствовал, преподавал русский язык и литературу в с. Нижние Халбы. В 1965 г. закончил Педагогический ин-т в Комсомольске-на-Амуре.

Студентом в Ленинграде перевел на родной язык «Аленушкины сказки» Д. Мамина-Сибиряка, повесть «Тимур и его команда» А. Гайдара. С 1958 г. печатал стихи, рассказы, написал пьесу «Дарту», спектакль по которой обошел все национальные села Приамурья. Самое значительное произведение – поэма «Добрый свет», опубликована в 1983 г. посмертно (перевод Ю. Шестаковой).

Не тратьте попусту слова,
Когда к вам путник постучится.
В пургу он вас нашел едва,
Могло бы всякое случиться.

Он все расскажет вам потом...
Раздется только помогите,
И чай поставьте,
И за стол
С собою рядом посадите...

Перевод Ю. Шестаковой

УЗЕЛ

Бывает, ночью на худой рыбалке
Запутается сеть, узлом свернется...
Ну, кто же расплести ее возьмется,
Когда во тьме не видно даже палки?

Бывает, и в тайге запутаешься так,
Как будто сам попал ты в чьи-то сети.
И думаешь: а что, если в кустах
Залечь, как барсуку, и выйти на рассвете?

Но нет! – скажу себе: не прерывай пути!
Терпенье, друг! Все можно расплести.
Ты лучше пой. Тайга веселых любит.
А люди иногда узлы зачем-то рубят...

Перевод Ю. Шестаковой

МОЙ ВОСТОК

Командировка на восток
Кому-то подвигом зачтется...
Но дом мой здесь, тут мой исток,
Он малой родиной зовется.

Перевод Ю. Шестаковой

Андрей ПАССАР

Андрей Александрович Пассар родился в 1925 г. в стойбище Мухаз Хабаровского края в семье рыбака и охотника. Шесть лет учился в школе, затем занимался охотой и рыбной ловлей. В 1943 г. был призван в армию, служил в Манчжурии, охранял дальневосточную границу. После демобилизации заведовал клубом в нанайском с. Найхин, в 1948 г. сотрудничал с фольклорной экспедицией В.А. Аврорина, предложил ученому свою классификацию нанайского фольклора. Учился в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена, культпросветшколе, окончил Высшие литературные курсы в Москве (1960). Пишет на нанайском языке. Первый сб. стихов «Солнечный свет» вышел в 1952 г. (с приложением русских переводов). Автор нескольких поэтических сб., выходящих в Москве и Хабаровске в основном в переводах на русский язык Н. Старшинова, В. Шефнера, М. Асламова и др.: «Мокона», «Нанайские приметы», «Под стук бубна», «Мудрость тайги», «Приглашение» и др. Написал кн. прозы «Трехлапый волк», «Последнее камлание». В 1990 г. в Хабаровске издан сб. стихов «Голос сердца» – на русском и нанайском языках.

НОЧНАЯ ПЕСНЯ

Давно кого-то ночная птица
Протяжным криком в лесу зовет.
О берег ветер волной стучится,
Амур торопится вперед.

В далекий путь река стремится,
Волна несется за волной.
Пусть сон хороший любимой снится,
Шуми потише, Амур родной.

Я эту песню тебе, родная,
Пою, – пускай несет река.
И сердце бьется, как будто знает,
Что встреча наша недалека.

В далекий путь река стремится,
Волна несется за волной.

Пусть сон хороший любимой снится,
Шуми потише, Амур родной.

Как только солнце из тумана
Начнет над сопками всходить,
На оморочке утром рано
Приеду я тебя будить.

В далекий путь река стремится,
Волна несется за волной.
Пусть сон хороший любимой снится,
Шуми потише, Амур родной.

Перевод С. Бытового

ОМОРОЧКА

Где бы ни был я – мне ли забыть,
Как в тебе, оморочка, рос я?
Сколько рек мне пришлось переплыть
На тебе, остроносая!

Состязался я с рыбкой – меня
Ты вперед выносила.
С ветром силой мерялся я –
Ты давала мне силу.

В этом пути, что с тобою пройден,
Оморочка моя, –
Спел я первую песню о Родине,
О любимых краях.

На тебе я мчался по воде
Перекатами быстрых рек,
Чтоб узнать от учителя в школе,
Как свободен я – человек.

А теперь проношусь на глассере –
Зверь речной завидует мне;
С самолетом теперь сроднился я –
Стриж завидует мне!

Пусть за мною теперь не успеть
И тебе, моя оморочка, –
Как же песню тебе не спеть,
Колыбель моя, оморочка!

Перевод С. Смелякова

РОДНОМУ АМУРУ

Край родной,
Я не могу
Не любить твою природу:
Вечно буйную тайгу,
И Амур в большую воду.

Где бы ни был я, –
Всегда
Снится мне мой край любимый,
Сопок синяя гряда
И июньских палов дымы...

Край родной,
Тебе привет
Посылаю первомайский.
Жаль, меня сегодня нет
В стороне моей нанайской.

Я бы тоже поутру
На рыбалку с другом вышел
Или в утреннем бору
Рев сохатого услышал.

Я бы тропки все прошел,
Все холмы, поля и пади.
Оморочку бы повел
По речной зеркальной глади.

Где на милых берегах
Поднялись большие села.
В электрических огнях
Там дома, больница, школа...

Край родной,
Амур-река
Вьется лентой бесконечной...
От нанайца-рыбака
Ты прими привет сердечный.

Ты быстрее расцветай,
Будь страны моей опорой,
Мой родной амурский край,
Я домой приеду скоро...

Перевод С. Бытового

Аким САМАР

*Аким Дмитриевич Самар (1916–1943) родился в стойбище Кондон Хабаровского края. В школу пришел в 13 лет. После краткосрочных педагогических курсов в Хабаровске учительствовал в Найхине. Тогда же обратился к литературной деятельности. Писал на нанайском языке. Нарушив многовековой обычай, запрещающий нанайским женщинам петь, со-
здал специально для женщин множество песен, которые исполняли самодельные ансамбли Приамурья. В 1941 г. окончил Ленинградский ин-т народов Севера. В студенческие годы участвовал в переводах на родной язык русских классиков, составлении учебников. Первый сб. стихов – «Песни нанайца» (1938, на русском и нанайском языках), перед войной вышли также «Стихи» и повесть «Сын бедняка». В начале Великой Отечественной войны добровольцем ушел на фронт, был снайпером, погиб в боях за Сталинград. Автор посмертно изданных поэтических сб. «Песни нанайца» (на нанайском и русском языках), «Красный Октябрь» (на русском языке), «Песни Амура» (на русском и нанайском языках; 1979, совместно с А. Пассаром).*

ВЕСЕННИЙ АМУР

На Малмыжском утесе стою
И весеннюю песню пою.
Книгу Пушкина я принес
На кремнистый этот утес,
И читаю стихи...

и видны

Мне с утеса приметы весны.

Вижу я, как внизу вдалеке
По Амуру – широкой реке,
Словно горы плавучие, лед,
И гремя и ломаясь, идет;
И обрывов края, островов
Смяты, вырваны глыбами льдов.

Вышли рыбу ловить рыбаки
По заливам, протокам реки.

На больших они льдинах плывут,
Между льдинами лодки снуют.
В них в селение Бóлонь улов
Перевозит отряд рыбаков.

На леса, на долины гляжу
И колхозным богатством горжусь,
И началом весенних работ...
А тайга и просторы болот
Начинают уже зеленеть,
Свищут птицы, готовясь запеть.

Вверх на синее небо взгляну, —
Вижу стаю гусей не одну,
Утки с криком веселым летят;
Ярко-красного солнца закат
Освещает колхозный улов.

Я люблю эту пору стихов
Нашей радостной жизни — Весну.

Перевод Л. Поповой

НЕУЖЕЛИ Я ПТИЦЕЙ СТАЛ

Что случилось со мной?

Разгадать сумей-ка:

В светлом домике сижу,

подо мной скамейка.

Я сижу, не шевелясь,

но чудесной силой

Все быстрее несет меня,

будто я двукрылый.

Не поверит никто, этого не видя:

Лежа, быстро я иду

и лечу я, сидя!

В сказке слышать довелось

да в старинной песне,

Что дракон людей носил прямо в поднебесье.

И меня, быть может, он выше тучек носит,

Унесет невесть куда, на чужбине бросит?

Только это не дракон
И не чудо-птица,
Белокрылый самолет
В небеса стремится.
Он крылом не шевельнет,
Хвост недвижим белый,
А стремится его в полет
Человек умелый.

Вот какие чудеса —
В сказках не найдете:
Улетаю в небеса
Я на самолете!

Перевод А. Путинцевой

МОЙ КРАЙ

Выйди в верховья Амура, —
Сунгари устье сверкает,
Выйди в низовья Амура, —
Устье Амгунь открывает.

Здесь я родился и вырос,
Здесь мой любимый край,
В среднем теченье Амура
Родина всех нанай.

То поднимаются сопки,
То зеленеют луга,
Плещется море колосьев
Там, где шумела тайга.

Много еще богатства
В недрах народ добудет,
Ценных сокровищ края
Сколько ни трать — не убудет.

Кто сосчитает зверя
В наших дремучих лесах?
Кто уследит за птицей
Там, высоко в небесах?

Рыба гуляет в Амуре,
Сколько ее — угадай...
Синие сопки и реки —
Вот мой родимый край!

Здесь я родился и вырос,
В этом таежном краю.
Самую лучшую песню,
Край мой, тебе отдаю.

Перевод Ю. Шестаковой

ПЕРО

Скажи, ответь, мое перо,
Как, отчего так смело,
Так живо бегаешь порой
Ты по бумаге белой?

Как в те часы, когда молчу
И ты меня не слышишь,
Ты знаешь все, что я хочу,
Все понимая, пишешь?

Как это быстро так слова
Хорошие находишь?
Бумагу тронешь ты едва, —
Из слов узор выводешь?

Как тайны сердца знаешь ты
И в песни претворяешь?
Мои заветные мечты
Как людям поверяешь?

Сажусь к столу — и голоса
Моей души ты слышишь;
Мои смыкаются глаза,
А ты все пишешь, пишешь.

Когда ж в бессонный час ночной
Тебя беру я снова,
Еще охотней ты со мной
За словом ищешь слово.

Мой верный друг, перо мое,
Пока живем и дышим,
О нашем времени вдвоем
Мы многое напишем.

Перевод Л. Поповой

ОДНО СЛОВО

Почему ты молчишь, дорогая!
Руку на руку мне положи.
Сердцем сердце мое понимая,
Лишь одно только слово скажи!

Если грусть на глаза набежала, —
Быстро катится наземь слеза,
Если искра на хвост упала, —
Полыхают большие леса.

Это слово назвать я не смею
И не знаю, в чем сила его,
Только кровь от него горячее,
Только сердце смелей от него.

Это слово — на счастье дается,
Это слово — родилось давно,
Но во всех наших песнях поется,
И всегда молодое оно.

Чтобы стало мне радостно снова,
Чтобы сердце не смело тужить,
Дорогая, одно только слово,
Лишь одно только слово скажи!

Перевод А. Путинцевой

ЧТОБЫ ПОМНИЛА ТЫ...

Чтобы помнила ты обо мне
В нашей дальней, лесной стороне,
Я на память тебе отдаю
Эту песню мою..

Ты носи ее в сердце своем,
Береги до последних дней.
В ней – заветное слово мое,
Слово верное – в ней.

Знаю, годы пройдут над землей,
Я умру, смолкнет голос мой.
Ну, а песня моя будет жить,
Людам радость дарить.

Может, с песней ты встретишь зарю,
Молодую, как наши мечты.
Я тебе эту песню дарю,
Чтобы помнила ты...

Перевод Ю. Шестаковой

Анна ХОДЖЕР

Анна Петровна Ходжер родилась в 1936 г. на Амуре в семье рыбака и охотника. Со школьной семьи участвует в художественной самодеятельности. Много лет заведует краеведческим музеем в с. Троицкое Хабаровского края. Пишет на нанайском языке. Сочиняет для национальных ансамблей стихи и песни. Первая кн. – «Дученку поет» (1990, на нанайском и русском языках). Живет в с. Джари на Амуре.

МОЕ СЛОВО

Говорить мне хочется стихами
Нынче с молодыми земляками,
А сказать хочу не пустяки.
Древние нанайские узоры –
Это реки, и леса, и горы,
Вот о чем теперь мои стихи.
И, как горы, и леса, и реки,
Не исчезнет в мире никогда,
На земле останется навеки
Волшебство таланта и труда.
Вслушайтесь, друзья, в язык наная.
Древнему наречию внимая,
В нем вы различите плеск волны,
Поступь лося, дуновенье ветра –
Звуки новизны и старины.
И, как волны, и тайга, и ветер,
Как тугого лука тетива,
Наш язык прекрасен и бессмертен,
И во мне душа его жива.
Наш народ судьба не обманула.
Все мы – внуки дедушки Амура,
Все мы – дети матери-страны.
Думайте, мечтайте и дерзайте,
Только никогда не забывайте,
Где и кем вы к жизни рождены.

Перевод А. Черевченко

ЯОКО*

Острие воображенья –
 Мой волшебный яко.
 Мысль – до головокруженья
 Улетает далеко.
 И дыханья не хватает,
 И не знаю до сих пор,
 Как на шкурах проступает,
 Появляется узор.
 Силуэт дракона, тигра...
 Птицы, травы, дерева...
 Я пока что не постигла
 Эту силу волшебства.
 А пока я постигала,
 Очутился далеко,
 Сотворил чудес немало
 Мой волшебный яко.
 Вижу я на крепких шкурах
 Очертанья сопок хмурых,
 Уток, лебедей и плес.
 Рыба в озере играет,
 К Древу жизни подбегает
 С молодым лосенком лось...
 Я склонилась над узором,
 Занята извечным спором,
 И понять мне нелегко:
 Я ли это рисовала
 Или дремлющий устало
 Мой волшебный яко?

Перевод А. Черевченко

ЗИМНЕЙ НОЧЬЮ

Зимней ночью на окошко
 Подыши, мой сын, немножко
 И в протаянный глазок
 Посмотри на мир морозный,

* Яко – маленький женский ножичек, которым вырезают узоры.

На Луну, Амур, на сосны,
 На избушки огонек.
 Спят березки в белых шалах,
 Им тепло, и мне не жаль их,
 Ведь мороз совсем не злой,
 Как нанайская старушка,
 Вышивает завитушки
 Он серебряной иглой.
 Невидимкою-лисицей
 Ветерок по полю мчится,
 Подметает снег хвостом.
 Видишь, звездочка упала,
 Просверкала и пропала.
 Хочешь, мы ее найдем?
 А теперь ложись в кроватьку.
 Спи спокойной, сладко, сладко.
 Потускнел глазок в окне.
 Ты закроешь тоже глазки
 И во сне увидишь сказку,
 А потом расскажешь мне.

Перевод В. Копалыгина

ПЕСНЯ ВЫШИВАЛЬЩИЦЫ

Если хочешь меня найти,
 За моей иглой проследи,
 Чтоб не сбиться тебе с пути,
 По узорам моим иди.
 Если хочешь узнать, где я,
 Рукоделье мое бери
 И по ниткам цветного шитья
 На рисунки мои смотри.
 Может, уткой взлечу над водой,
 Ты по небу тогда летай.
 Стану рыбкой я золотой,
 Из воды меня доставай.
 К Древу жизни потом придешь,
 Взглядом ветки его разомкни.
 Если там меня не найдешь,
 В корни дерева загляни.

А захочешь понять, отчего
Сердце радостно бьется в груди,
Не скажу тебе ничего...
Ты по красным нитям иди.

Перевод Ю. Шестаковой

ЧИКЧЕНКУ*

Я возьму доску-чиэнку**, чикченку,
Тихо-тихо стукну в стенку, чикченку,
Мамин свадебный подарок, чикченку,
Где резной рисунок яркок, чикченку,
Прошепчу всего три слова, чикченку,
Унеси с крыльца родного, чикченку,
На тебе, волшебной птице, чикченку,
Мне б хотелось прокатиться, чикченку,
Полететь за Мангбо***-реку, чикченку,

К дорогому человеку, чикченку,
Через горы, через скалы, чикченку,
Сквозь заторы и завалы, чикченку,
Через все водовороты, чикченку,
Бездорожье, повороты, чикченку,
Проторит нам лось дорогу, чикченку,
Белка выйдет на подмогу, чикченку,
Принеси на бережочек, чикченку,
На зелененький лужочек, чикченку,
Опусти во двор широкий, чикченку,
Где живет мой друг далекий, чикченку,
Опусти и стукни в двери, чикченку,
Пусть глазам он не поверит, чикченку,
Как сумела прибежать я, чикченку,
Прямо к милому в объятья, чикченку!

Перевод Л. Кондрашенко

* Чикченку – фольклорный запев в радостной песне.

** Чиэнка – доска для разделки рыбы, обычно украшенная резьбой.

*** Мангбо – Амур.

Я – ЗЕМЛИ НАНАЙСКОЙ ДОЧЬ

Мой отец – нанайский клен,
Подарил мне верность он.
Мать – нанайская береза –
От нее глаза и косы.
Величав, могуч и мудр,
Дед, любимый мой Амур,
Подарил мне, словно перстни,
Все свои легенды, песни.
Ну, а бабушка тайга,
Хоть сурова и строга,
Научила быть умелой,
Терпеливой, стойкой, смелой.
Разве я забыть смогу
Приамурскую тайгу?
Разве в жизни разлюблю я
Ширь амурскую родную?
Здесь мои в краю лесном
Птицы все и звери,
Здесь любой откроет дом
Предо мною двери.
Славлю я Амура мощь,
Новь родного края.
Я – земли нанайской дочь.
Дом мой – дом наная.

Перевод В. Копалыгина

Нивхи

Владимир САНГИ

Владимир Михайлович Санги родился в 1935 г. на восточном побережье Сахалина в стойбище Набиль. Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена (1959) и Высшие литературные курсы в Москве (1965). В 1973 г. поступил в аспирантуру Ин-та мировой литературы им. Горького (Москва). Пишет на русском языке. Первая кн. — «Нивхские легенды» (1961). Автор многих книг стихов и прозы, в том числе сб. стихов и поэм «Соленые брызги», «Здравствуй, край мой», «Легенда о тополе», поэтической версии нивхского фольклора «Человек Ых-мифа», позднее переросшей в кн. «Песнь о нивхах», «Неслышная любовь», «Сын рыбы Тылмак». Президент Ассоциации малочисленных народов Севера (1990–1993). Лауреат Государственной премии России.

МОЕ ЗИМОВЬЕ

Навстречу метели идет человек,
И ветер кнутом по лицу его бьет.
И чудится путнику, будто сквозь снег
Кто-то его, окликаая, зовет.

Ни следа вокруг, ни жилья, ни огня,
Он силы теряет,
 пугаясь того,
Что запросто может средь морока дня
Стать куст заметенный надгробьем его.

Зато я заранее подумал о нем,
Оставив открытым зимовье свое,

Нивахи

В котором согреется он над огнем
И, лежа на шкуре, впадет в забытье.

Эй, путник,
метель чей завьюжила путь,
Не я ль, твой предвидя погибельный час,
В зимовье, где ты, брат, хозяйном будь,
Дрова, и юколу, и спички припас?

Ты двинешься дальше, лишь стихнет буря,
И знаю, что сможешь добраться вполне
По этой дороге до сказочных стран,
Которых не видел я даже во сне.

И если признательным быть мне готов,
То Севера древний исполни завет:
Зимовье с запасом ююлы и дров
Оставь для того, кто шагает вослед.

Перевод Я. Козловского

МОНОЛОГ ОРОКА

Мой оронский взгляд –
 стрелю из-под век.
Смотрите на меня –
 я гордый человек!
И духа древнего
 знаменем много лет
Меж сопок дымкой
 стелется мой след.
В согласье с очагом
 мой бубен прогремит.
Развернется земля
 и нечисть поглотит...
И в зыбкой тишине
 на склоне долгих лет
Я, одинок,
 торю последний след...

Перевод автора

ТОПОЛИНЫЙ СНЕГ

Снег...

снег...

снег...

С неба валит снег.
Заметают улицы
На глазах у всех.

Мчит Земля
и крутится.
Шалью облака.
Зорьку выпь с выпятами
Выпьют до глотка.

Снег...

снег...

снег...

С неба валит снег.
Лось у речки радостно
Остановит бег.

Мчит Земля
и крутится.
Шалью облака.
Вороненок учится
Крыльями махать.

Снег...

снег...

снег...

Завалил весь свет.
Во Вселенной кружится
Тополиный цвет.

Перевод автора

ЗА КУРОПАТКАМИ

Белый снег непорочно гладок,
Ни изъяна на нем не видать,
И охотиться на куропаток
Вдоль реки я пустился опять.

Сам себе я успеха желаю,
Про себя и пою и свищу.
След комусовых лыж оставляя,
Куропаток наброды ищу.

Знаю, знаю я ваши повадки:
Под наплывом густой синевы,
Может, почки луща, куропатки,
Власть на иве жируете вы?

С вами встречи желать мне не внове,
Древней страстью наполнена грудь,
И, с взведенным ружьем наготове,
Я в ольховник спешу заглянуть.

И глаза ослепляют мне почки
Посреди лучезарного дня,
Что в хрустальной горят оболочке,
Еле слышно на ветках звеня.

Перевод Я. Козловского

НЕРПЕНОК

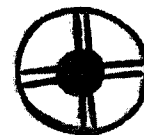
В шубу мягкую,
Белую-белую,
Ты еще до рожденья
Одет.
Жизнь встречая
Ликующим бляньем,
В феврале
Появился на свет.

А буран,
Вечной злобой охваченный,
Над тобой
Крылья смерти простер.
Но глазами,
Еще полузрячими,
Видел ты:
Голубеет простор.
Не согреешься

Ни на мгновение:
Снизу – лед,
Сверху – лютый мороз.
Плавать?
Надо на это умение,
А ходить –
Ты еще не дорос.
Ну и пусть от дыханья
Студеного
Льды растрескались,
Будто стекло.
Спит малыш.
В эту ночь
Его, сонного,
Материнское
Греет тепло.

Перевод Н. Старшинова

Ительмены

Нэля СУЗДАЛОВА

Нэля Дмитриевна Суздадова родилась в 1937 г. в с. Верхнее Хайрюзово на Камчатке. Окончила Биробиджанское культ-просветучилище и Ин-т культуры в Улан-Удэ. Работала штукатуром-маляром, библиотекарем, руководила Домом культуры и красной ярангой. Организатор и руководитель семейного фольклорного ансамбля «Пимчах» («Оюнек»). Пишет на русском языке. Живет в Петропавловске-Камчатском.

ИТЕЛЬМЕН

Вас наша радость не излечит,
Вас не затронет наша боль,
И та стрела, что в сердце метит,
Давно исполнила ту роль.

Теперь не возродить народа,
Того, кто здесь веками жил,
Сказания другого рода,
Увы, в несчастье заслужил.

Тут нет угодий для охоты,
И с песней в тундру не ходи,
Здесь можно жить как бы по нотам
И новшества не заводить.

О! Ительмен – дитя Камчатки,
Где твоя радость, счастье, свет?
И где упряжки твои мчатся,
В каком созвездье, дай ответ?

Вулкан простуженно молчит,
Луна так призрачна и зыбка.
На синей скатерти ночи
Звезды сияющей улыбка.

Но как сберечь земли дыхание?
И зелень трав, и взгляд весны?
И солнца луч, его сиянье?
Людей предутренние сны?
Как для красы придумать щит?
Вулкан простуженно молчит...

СТРАШНЫЙ ХОЗЯИН

Если лететь все на север, в снега,
Сопки, вулканы, долины,
Там, где свирепствует с воем пурга, —
Летник увидишь старинный.

Древняя юрта желтеет соломой,
Крыша на ножках — то наш балаган,
Все здесь из прошлого, очень знакомо,
А на костре обгоревший таган.
Дедушка, бабушка, мама и папа —
Где вы, куда от меня вы ушли?
Там, где мы жили, — теперь косолапый
Страшным хозяином в речках шалит.

ТВАЯН

Посвящается Т. Тылкановой

Там запустенье и бурьян,
И нет домов — одни развалы,
Родной мой, милый мой Тваян,
Тебя на части разорвали.

Куда ушли твои сыны?
И дочери твои, и внуки?
Остались о тебе лишь сны,
Надежды, и мечты, и муки.

Но, может быть, еще не поздно
Бессмертный ход работе дать,
Земля чиста, и небо звездно —
Тебя из пепла воссоздать.

Куда, куда оно ушло —
Не мной закрытое село?

Георгий ПОРОТОВ

Георгий Германович Поротов (1929–1985). Вырос на берегу р. Камчатки, в с. Мильково, в крестьянской семье. Работал в колхозе, учился в Хабаровской культпросветшколе. Возглавлял дома народного творчества, готовил репертуар для первого профессионального корякского ансамбля «Мэнго». Писал на русском языке. Печатался с 1959 г. Первый поэтический сб. «Ое» (1967) основан на фольклорных мотивах. Автор поэтических сб. «Песни страны Уйкоаль» (1975), «Ветер жизни», «Стихотворения и поэмы». Писал также прозу. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

ЖИЛ ВЕСЕЛЫЙ ПАРНИШКА В ДОЛИНЕ

*Памяти гвардии сержанта
Иннокентия Плотникова,
уроженца села Мильково*

Жил веселый парнишка в долине,
Он играл на своей мандолине.
На околице под тополями
Его голос гулял вечерами:
– Ой вы, звезды, манящие звезды,
Поднимусь я к вам рано иль поздно.
Распроведаю даль голубую
Да спою про девчонку чудную...
В сорок первом бои загремели,
И ребята надели шинели.
Обнял парень девчонку неловко,
Мандолину сменил на винтовку.
Огневые дороги солдата...
В ярых битвах мужали ребята.
Там, у Курска, в неистовой схватке
Пал веселый гвардеец с Камчатки.
Над землей промелькнула комета,
Но осталась тропинка из света,
И тревожит мне душу поныне
Тополиная песня в долине:
«Ой вы, звезды, манящие звезды,

Поднимусь я к вам рано иль поздно.
Распроведаю даль голубую
Да спою про девчонку чудную»...

*Участнику Сталинградской, Курской,
Корсунь-Шевченковской битв А. Мерлину*

Гроза отмыла небеса.
Ядреный день. И воздух чист.
Пойдем в прибрежные леса,
Мой старый друг, Анемподист.

Давно с тобою не бродил
Под шаловливый птичий свист.
Ты черный волос убелил,
Мой старый друг, Анемподист.

Я помню: в гулкий день весны,
Когда тальник раскинул лист,
На костылях пришел с войны
Мой старый друг, Анемподист.

И, заглушив назавтра боли,
На трактор сел артиллерист,
Пахал и ночевал на поле
Мой старый друг, Анемподист.

Пойдем по рощам молодым,
Там ручеек звенит речист...
Болит нога? Ну, посидим,
Мой старый друг, Анемподист.

ГОЛОС ЗЕМЛИ

О скалы тихо плещется
Великий океан.
Под непоседой-месяцем
Задумался вулкан.
Вздыхнул Толбачик в полночи,
Страхнул с долины сон

И песнь метнул в заоблачье,
В высокий небосклон.
Он силу взял у матери,
У матери-земли.
Грохочет лава в кратере,
Рождая гул вдали.
О ночь, ты незабвенная:
Огнем цветет гранит...
И слушает Вселенная:
Толбачик говорит!

ТАГАНОК

Я –
Камчадал закоренелый,
К дорогам торным так и не привык,
И мой таганчик обгорелый
Стоит среди нетоптанной травы.
Когда-нибудь
Мелькнет моя зарница,
Здесь кто-нибудь причалит свой ковчег,
Увидит таганок и удивится:
– Тут был Огонь и Человек!

БАКИЮ

Развеселый был мой дед,
Знал он танец – лучше нет,
Бакию, Бакию.
Чтоб веселья больше было,
Бабка песню сочинила,
Бакию, Бакию.
А мы хлопали в ладоши:
– Не жалея, наш дед, подошвы,
Бакию, Бакию.
Гость сидел – не утерпел,
Топнул оземь и запел,
Бакию, Бакию.
И сосед назавтра тоже
Оттанцовывал, дай боже,
Бакию, Бакию.
Тот веселый дедев пляс

Мы танцуем и сейчас,
Бакию, Бакию.
– Узнаю по пляске Ое! –
Крикнул дедушка Авай.
– Эх, трякну-ка стариною,
Бабка, музыку давай!
Бакию, Бакию.

В. Михайлову

Надо мной тополя
Чуть листвою шевелят,
И повисли созвездия
Гроздьями.
Полной грудью дыша,
Я шепчу:
– Хороша, –
До чего ж хороша
Ты, камчатская ночь,
Под звездами!
У ночного костра
Разговор до утра
Завели земляки
Милюковчане.
У ночного костра
Будет петь до утра
Прокопченный
Прадедушкин чайник!

Гляжу, люблю со скалы
Суровой красотой Камчатки.
Кружаверху, парят орлы,
К подножью жмутся куропатки.
В распадах гордые березы
Корнями встали на гранит.
Здесь коронуются морозы,
Здесь песня Севера звенит.
Кедрач венком вечнозеленым
Украсил голову горы.

Я не бывал таким влюбленным
В родимый край до сей поры.
Вперед, мой друг, моя палатка,
Нам снова в даль, нам снова в путь!
Я чувствую: опять Камчатка
Волной вливается мне в грудь!

КАМИН

В доме грустная тишь. Я один.
Где-то кличет гармошка меня.
Растопил я холодный камин
И присел у ночного огня.
Звезды свет за окном погасили,
Погрузилось в потемки село.
Вдруг ударил смычком Паганини,
Кампанеллою ночь обожгло!
С Кампанеллой, безудержно страстной.
Из огня, сотворенного мной,
Ты явилась богинею в красном,
Как когда-то являлась весной.
Не смолкай же, волшебная скрипка,
В этот грустный и радостный миг...
Поцелуй, нежный взгляд и улыбка –
Первой встречи пронзительный крик.

Переводы автора

Коряки

Юрий АЛОТОВ

Юрий Александрович Алотов родился в 1955 г. на Камчатке. Мать его – из рода чавчуменов (оленьих коряков), отец – украинец. Много лет прожил среди кочевых оленеводов на р. Воймполка. Пишет на русском языке. Автор музыкально-поэтического сб. «Слеги чавчуменов», кн. стихов «Жертва вождя» (1994), «Огненная шаманка» (1997).

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Шуршала трава.
Ветер округу ласкал.
Летувье молчал,
За гладью реки наблюдал.

А день – на закат.
И красился дальний увал
Вечерним костром.
Остывшее блюдо светила
Увал ублажал.

Скучающий пес
Лениво смахнул комара
Линялым хвостом.

Стекала дневная жара,
Дневная пора –
С листвы и стволов тальника
В ложбину ручья-родника
И дальше, сюда, где жила
Прохладой немою река.

Суетным был
Гагары сварливой полет.
Кедровка орет
На чей-то незванный приход.

ОБИДА

На своей земле,
У своей реки
Сидел абориген
И плакал.
У камня на песок
Он горечь дум ронял
И слезы от чужих глаз
Прятал.

Ни ропот чистых вод,
Ни ветра вольный дух
Не охладят обиды
Рану.
Он у своей реки
И на своей земле
С некоторых пор
Незванный.

От века, от корней,
От пращуров он знал:
Река его принадлежала
Роду;
Ее крутой извив,
Проток прохладных тишь,
И все, что в ней живет
И ро́дит.

Но вот пришел собрат,
Герой иных долин,
Сбратались: – Будем ладить
Миром!

– Зачем же ты, мой гость,
Хозяину жилья

Вменил своих запретов
Милость?

Быть может, идол мой
И бог души твоей,
Однако, где-то
Не сроднились?
Коль скоро твой Талмуд
И Мудрость здешних гор
В стезе добра и зла
Не согласились!

Я знаю, твой народ
Судит свое дитя
По правилам твоих
Законов.
Но я же – род не ваш,
Я – тундры здешней плод
И жить научен по ее
Канонам.

Ни разу из реки
Я лишнего не взял.
За лишнее в убытке мое
Племя!
Откуда ты решил,
Что я закон презрел
И взял я много
И не в свое
Время?

Мой идол, дух речной,
Смеется надо мной:
– Ты рыбы хочешь?
Кланяйся «шерифам»!
Теперь даров моих
На сытость зимних дней
Щедрее справка
«Льготного тарифа»!

Ни солнце в вышине,
Ни стаи гордых туч

Утешить не хотят
Обиды рану.
Мой идол слишком прост.
Собрата бог – не прав.
И принялись судить меня
Напрасно...

На своей земле,
У своей реки
Сидел абориген
И плакал...

ДУМА МЕТИСА

Над горою, над долиной
Кружит ворон, кружит долго.

Он ли нам там свил гнездовье?
Он ли холит Камень рода?

Волей чуждой, людом разным
Истрепало силу корня.

На треноге из березы
В древнем ложе треснул Камень*.

Помесь крови чавчувенской
И пришельца здесь виною?

Нет и веры быть шаманом
Иль посредником Иисуса.

Кабы мне, да одному лишь,
Участь умного калеки.

Девка-тундра юной, в муках,
Народила странный корень.

* Камень рода – родовой амулет, оберег. По поверью, если этот Камень пошел трещинами, то на род вскорости обрушатся беды.

Племя, племя! Я – твой воин!
Я с тобой умом и сердцем?

Бубен – в ноги! Руки – к небу!
Танец, клич того ли деда?

Тем ли словом, той ли песней
Тешу слух, пронзенный ложью?

Ворон, ворон! Ты – мой предок!
Коли так, верни мне веру

В добродетель со слезою,
В крепость Камня родового.

Быть у тундры и у неба
В услуженье нелегко мне.

Но тяжеле в каждом ближнем,
Пусть в калеке, видеть
Солнце-э-э-э!

Нет, не совесть, не обиду
Напоил я думой-брагой.

На треноге из березы
В древнем ложе треснул Камень!

Аа-ай!..

КАМЛАНИЕ НА СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

На сопке Игровой земляк танцевал.
Для утра дорогу умело камлал*.

Айа-айа-гой!
Айа-айа-гым!
От птицы, целующей облака пыль.

* Камлать, камлание – молитвенное действие, прошение, заговор, колдовство.

Во травы крестом пала
 тень-полубыль.

Я волен однажды с прохладой
 речной
Отпить красоты из криницы
 земной.

Айа-айа-гой!
Айа-айа-гым!
Я чашу сложу из мозолистых рук,
И прежнего дня в ней уймется
 испуг.

А новой зари за горой исполнил
Богатству ладоней моих –
 Господин!

– Айа-айа-гой!
Айа-айа-гым!

На сопке Игровой земляк танцевал.
Для утра дорогу умело камлал.

ЖИТЬ БЫ И ЖИТЬ

Жить бы и жить
Где-то у скромной реки,
Чистой, застенчиво-светлой,
Суетной лишь по весне.
Быть бы и быть
Сладкой неубылью, всем вопреки,
Долгой звездой неприметной,
Как бы светящей извне.

Словом ли встречу
Гнусной продажности душ?
Или играть молчуна
Против распознанной лжи?
Мукой истечь –
Грустный итог или чушь,
Чушь неизбывности сна?
Вера иссохшей межи?

Долгий расклад
Символов, грез, прочих дел.
Вот уж мерило-пасьянс:
«БЫЛО – ДАНО – ДАЛЕ ЖДЕТ!»
Жил наугад.
Большого ждать не умел.
Будни – аванса альянс
С блудной мечтой, под расчет.
Тронутый мозг
Вечной идеей о днях
Всечеловечьей весны,
Странно картину низвел
В образный воск.
Но для души «на парах»
Вехи достаточны.
Благо, поэт – не осёл!

Вот и живу
Где-то у скромной реки,
Чистой, застенчиво-светлой,
Суетной лишь по весне.
Тешу молву
Сладкой не убылью, всем вопреки,
Долгой звездой неприметной,
Как бы светящей извне.

Владимир КОЯНТО

Владимир Владимирович Колянто (Косыгин) родился в 1933 г. в с. Ивашка на Камчатке в семье охотника и рыбака. Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена. Пишет на русском языке. Автор сб. стихов «Оленьими тропами» (1970), «Родник» (1980), «Посох» (1993). Живет в пос. Палана на Камчатке.

АЯНКА

Мне знакома
Всякая езда,
И привычны
Разные стоянки...
Небо, как шатер,
Полярная Звезда
Села на вершины
Лиственниц Аянки.
Засияла и сказала
По-девичьи громко:
— Словно в зеркале
Себя здесь вижу я...
И с тех пор
Прекрасную сторонку
По-эвенски называют
Здесь Айя.
В переводе:
Хорошо! Красиво!
Лучших слов не надо,
Не ищите.
С дедовских времен
Село носило
Имя звездное,
И так его зовите!
Мне привычна
Каждая езда,
И знакомы
Разные стоянки...
Светит мне
Полярная Звезда.

И красивей нет
Села Аянки!

РОДНИК

Родниковой воды
Напьюсь,
Освежу и лицо и грудь.
Если в сердце проникнет
Грусть,
И туда не забуду
Плеснуть.
В роднике
Вода-бирюза:
Как хрусталь,
И звонка и чиста.
Это Родины милой
Глаза.
Это матери нежной
Уста!

В ПУТИ

Плотный ветер,
Хоть грудью ложись,
Такой любого удержит.
Пляшет поземка
И рвется ввысь...
Трудно в пучине
Снежной!
Двое в тундре —
Собака и я.
От рук застывших
Струной поводок.
Ищет пути
До любого жилья
Четвероногий
Мой друг Волчок.
Прости, дорогой,
Я очень устал,
Давай присядем,
Соснем немного...

Жесткий ветер
В лицо хлестал,
Поземка сбивала с дороги.
Одно хотелось:
Привала, прилечь
Под куст любой
В снегу.
Сбросить котомку
С уставших плеч,
Не слушать
Злую пургу.
Ты брел, ты полз
И ты не скулил,
Мы были с тобой
Не равны...
Ты вел сквозь смерть,
И ты победил...
И нет тебе, друг,
Цены.

ОККЭНЭЛЁ

Корякский бубен,
Как тундра, чист.
Звучен,
Как в бурю тайга.
Если поет
Гавриил-бубнист –
Слушает
Вся Карага.

Смотрю я,
Не отрывая глаз,
На девушку стройную
Оккэнэлё!
Я танец корякский
Видел не раз,
Впервые вижу
Танец ее!
В мелодию песни
Себя вложив,
Она – не она уже,

А танец сам.
Вот превратил ее в чайку
Мотив –
И я, и сосед
Приросли к местам!
А чайка
Как будто
Пошла на взлет,
Едва
Коснувшись земли.
Взмах крыльев-рук,
Головы поворот...
Казалось, и мы
С ней взлететь бы могли!
А бубен пел...
Его волшебство
Заполнило
Клубный зал.
Коряки любят
Дарить мастерство –
Об этом
Дед мне сказал.
Плясунья дарила
Свое мастерство,
Был танец тот –
Как полет.
И все мы
Без слов понимали его.
Оккэнэлё!
Оккэнэлё!

ТУНДРА НЕ ЛЮБИТ СЛАБЫХ

Говоришь:
«Все видела,
Испытала»...
А такие дороги
Снились?
После третьего
Перевала
От усталости
Люди валились.

Набирали силу
Чаем.
Цвета, подобного
Смоли,
Пили чай,
По хлебу скучая.
На ногах
Считали мозоли.
Отдохнув,
Уходили снова.
К перевалу шли,
В хребты.
И тебя
Человеком новым
Называл
Проводник Юльты.
Угощал
Медвежьим пловом,
Удивлялся:
— Смелая баба!
И твердил лишь
Четыре слова:
— Тундра не любит
Слабых!

Переводы автора

МИВИТ

О Мивите, авторе единственного опубликованного стихотворения, нет никаких биографических сведений. Известно лишь, что «Песня оленьего пастуха», переведенная и опубликованная в 1939 г. исследователем корякского языка С.Н. Стебницким, положила начало современной корякской поэзии.

ПЕСНЯ ОЛЕНЬЕГО ПАСТУХА

При первом хорканье телят оленьих,
Чуть пробужденный, в полусне еще,
Пою, прищурясь на рассвет весенний,
Скалой от злого ветра защищен.

При самых первых проблесках рассвета,
Чуть пробужденный, петь я начинаю.
Смотрю на важенок и на телят оленьих,
И песнею моей я их оберегаю.

На хорканье телят я отзываюсь песней,
При утренней звезде телята бродят,
И важенки тропой скалистой, тесной
К вершине сопки неспеша уходят.

Я песнею своей оберегаю стадо:
Хвостатые гуляют по округе,
Но только к стаду подползут украдкой,
Услышат голос мой и убегут в испуге.

Перевод С. Стебницкого

Чукчи

Александр АТАУКАЙ

Александр Атаукай (1932–1974) родился в с. Аלקатваам Беринговского р-на Чукотки. Учился в Анадырской школе колхозных кадров. Работал пастухом в колхозе. Писал на чукотском языке. Первые стихи опубликованы в альманахе «На Севере Дальнем» (1970). Печатался в русских переводах во многих сб. писателей Севера, в том числе в сб. «Пою тебя, Чукотка» (1983).

ЛЕТОВКА

Иду на разведку – никто не стреляет.
Газеты мой фронт трудовым называют.
Кружу по кустарнику.

Солнце.

Не верится,
что ноги состарятся раньше,
чем сердце.

Плохо без крыльев –
ворона летает,

гуси поднялись,
а я все шагаю

с сопки на сопку.
Низины.

Подъемы.

Знаю все тропки:
в тундре я дома.

След – чуть примятый копытами ягель.
Может быть, спряталось стадо в овраге?

Чукчи

Дернулся в сторону темный кустарник,
Странно он смотрится сквозь накомарник.
Ка!

Разбежались кусты, как телята...
Олени...

Олешки мои виновато
назад повернули,
бегут сквозь ивняк.

Узнали?
Конечно, узнали меня.

Перевод М. Эдидовича

ИЮЛЬ

Утром спится как поется –
только песня коротка.
Пламя рыжее пасется,
лижет чайнику бока.

Дым ярангу надувает,
и чумазый дымоход
кольца синие пускает,
как на рейде пароход.

Хорошо под одеялом,
но хозяйшкa хитрит:
– Стадо в гости прибежало,
а пастух, наверно, спит...

Я ныряю в клубы пара.
Пахнет чаем и едой.
И светло в яранге старой
от чукчанки молодой.

Перевод М. Эдидовича

ПАСТУХ

Взошла луна.
 Над тундрой,
 как сагуяк*, дрожит.
 Дежурить мне не трудно,
 хотя слегка пуржит.
 Плетет поземка косы,
 с горы летит снежок.
 Мороз мне нос щекочет,
 а ветер щеки жжет.
 Мигают в небе звезды,
 толкуют меж собой –
 понять хотелось мне бы
 и радость их,
 и боль.
 Шагать всю ночь не лень мне,
 иду себе, пою –
 про тундру,
 про оленей,
 про Родину мою.

Перевод С. Дорохова

* Сагуяк (эским.) – бубен.

Михаил ВАЛЬГИРГИН

Михаил Васильевич Вальгиргин (1939–1978) родился на берегу залива Креста в чукотском с. Уэлькаль. Учился в торговой школе в Анадыре. Работал заготовителем пушнины, продавцом. В 1958 г. обморозился в Иультинской тундре, лишился ног и пальцев на руке. Интерес к фольклору пробудила в нем мать, поэт стал записывать и публиковать в газетах материнские рассказы. Писал на чукотском языке. Первые стихи увидели свет в сб. «Поем о Чукотке» (1959). В разные годы на чукотском языке и в русских переводах А. Пчелкина изданы поэтические сб. «Здравствуй, светлая жизнь», «Вельботы уходят в море», «Веселое лежбище», «Хорошо родиться на этой земле».

ЗЕМЛЯ МОЯ

Горячее сердце мое
 к этой земле студеной,
 как море к песчаному берегу, –
 намертво
 прикипело.

Сменяются волны –
 мои года –
 и тают,
 как чайки в седом поднебесье.
 Старею ли я?
 О, да.
 Вот стану как тундра
 и как вода.
 Но пусть и умру я –
 будут всегда
 жить моей молодостью
 мои песни.

И верю я:
 будут
 дети мои горды
 не только дарами
 земли и воды.

Дорогами неба
навстречу грядущим векам
лететь-пролетать еще
юным моим
землякам!

Какое великое счастье
родиться на этой земле,
откуда

до чуда —
полшага.
Откуда,
словно

в оленном разгоне,
завтрашний день человечества —
как на ладони!

Перевод А. Пчелкина

О ЧЕМ ПОЮТ ПОЛОЗЬЯ

Тихо в тундре.
Утро. Снег.
Ни следа на свете. Значит,
я сегодня раньше всех
разбудил своих собачек.

Путь-дорога далека.
Даль тиха, как на картинке.
Отряхают облака
с плеч пушистые снежинки.

Искры снега — там и тут.
А вдоль берега, под ручки
взяв друг друга,
как подружки, —
горы к северу идут.

Жарко озеро блестит,
но мороз — колюч до звона! —
отчего и лед сегодня
совершенно не скользит.

И полозья потому
недоверчиво и тонко
то поют по одному,
то пошепчутся тихонько.

Надоело ль им идти,
то ли с инеем бранятся
или, стертые почти,
воспевают те пути,
что не раз еще приснятся,
когда будут позади?..

Перевод А. Пчелкина

КИТ

То ли дым на горизонте,
то ли гейзер,
то ли кит?
Вот фонтан его
на солнце
все отчетливей кипит.

Ближе, ближе.
Из тумана
вырастает,
как земля,
черный остов великана,
бок
живого
корабля.

Но у линии отлива,
выгнувшись
по всей длине,
кит хвостом
взмахнет лениво
и исчезнет
в глубине.

Перевод А. Пчелкина

КОСАТКИ ИГРАЮТ

Они –
как вельботы
на синей волне.
То ветру
навстречу,
то с ним –
наравне.
То нежатся скоростью
и красотой,
то вдруг

 рикошетом
 летят
 над водой –

как пули,
как дети
в веселой игре,
как вольные ветры
на дальней горе.

Перевод А. Пчелкина

ШУМ ВОЛН

В годы радости и горя,
в дни прилива
и в отлив
шум натруженного моря
от меня
неотделим.

И отныне,
где б я ни был, –
память выплеснет на свет
волны – синие, как небо,
пену – белую, как снег.

За дощатыми стенами
дни и ночи напролет
песни старые, как память,
море

медленно
поет.

А с рассветом,
без укора,
все обиды хороня,
море маминой рукою
будит
ласково
меня.

Перевод А. Пчелкина

ЧАЙКА

Берег мой все чаще
навещает – гляньте –
маленькая чайка
в серенькой
кухлянке.

Прилетит,
покружит:
ни души вокруг.
Нет у ней подружек.
Только я –
друг.

Что ее тревожит?
Вот сидит у ног,
а сказать не может, –
крохотный щенок.

И не понимает,
что среди камней
крик ее стихает
с каждым днем
больней.

Перевод А. Пчелкина

ЖУРАВЛИ

Дымятся бурые проталины,
 снег смешан с солнцем пополам.
 Ох, как устали,
 как устали мы, —
 чем дальше,
 тем труднее нам.

Уже десятая чаевка,
 уже в ногах ни капли сил.
 Свою недавнюю обновку
 до пят, пожалуй, износил.

И, лежа на груженной нарте,
 гляжу, как в облачной дали
 по неизвестной в мире карте
 свой дом находят журавли.

Они летят из дальних далей.
 А кто их в стаи сколотил!
 И где такие силы взяли —
 сильнее журавлиных сил!

Они летят.
 Им тоже трудно.
 Но строй — уверенность сама.
 Мы шли.
 Везли продукты в тундру,
 а сзади нас плелась зима.

Перевод В. Бударнова

ОЛЕНЕНОК

Рад и взрослый,
 и ребенок,
 когда беленький
 как снег
 в стаде
 первый
 олененок

появляется
 на свет.
 Вот лежит он,
 еле дышит,
 озирается кругом.
 Ничего еще
 не слышит,
 только

думает
 бегом:

«Это — небо.
 Это — снег.
 Кустики.
 Полянки.
 Во-он

оленный
 человек

в меховой
 кухлянке.
 А в стороночке,
 у пня, —
 дерево живое.
 Это —

мама,
 что меня
 родила
 сегодня.
 А за нею —
 бугорок.

Там яранга,
 костерок,
 чай
 и разговоры.
 За ярангой —

горы.
 А за ними?..
 Колесо! —

по небу
 крадется!..
 Осмотреть,
 однако,
 все

самому
придется...
Встал.
А прутики дрожат.
Длинные. Худые.
Робко сделал
 первый
 шаг.
И – пошел.
 Впервые!

Перевод А. Пчелкина

МАМИНЫ РУКИ

Ушла моя мама...
И лишь в разлуке,
в сутолоке быстротекущих дней
все чаще теперь вспоминаю руки,
рабочие руки мамы моей.

Что слабы они –
эти руки не знали.
Незаменимы, кругом одни,
скольких детей на себе держали,
скольких вынянчили они!

Мягкие, ласковые, родные,
под грустную песенку у огня
в ночи морозные,
в дни пурговые
они убаюкивали меня.

О крепкие,
сильные руки мамы!
Когда болел ее слабый сын,
они его на ноги поднимали.
Они из сынов растили мужчин.

Еще эти руки
красивыми были!
Иглой костяною, за нитью нить,

они из шкур нам одежды шили,
каких мне уже
никогда не носить.

Всю жизнь
не знали иной науки,
кроме труда во имя детей,
шершавые,
 добрые,
 теплые руки –
рабочие руки мамы моей!

Перевод А. Пчелкина

С КАЖДЫМ ДНЕМ СИЛЬНЕЙ МОРОЗ

Все сильней мороз.
Метели
расходились, замели.
Гуси к югу улетели.
Спать медведи залегли.

Под холодным синим небом
стынет лезвие реки.
Хорошо, должно быть,
нерпам
слушать музыку пурги!

Наготове зверобои,
но проверят лишний раз
снаряжение,
обоймы,
продовольственный запас.

Провода оледенели.
Тяжко им,
а не сдают.
По ночам на них метели
песни холода поют.

А под утро,
вспомнив лето,

мерзлоту пошевели,
грустно лопается где-то
напряженная земля.

Перевод А. Пчелкина

ПЕРЕДОВИК

Молодой передовик
у меня в упряжке.
Пес как пес. Других на вид
далеко не краше.

Толстонос да длинноух,
но зато в дороге,
я тебе скажу, мой друг, —
молодой — он стоит двух
опытных в итоге.

Трудный, скажем, перегон:
падь, гора, другая, —
в струнку вытянется он,
силы напрягая,

лишь дыхание слышней...
Или: едем много дней,
груз все тяжелее,
с каждым часом путь сложней,
он же — уши лишь плотней
прижимает к шее.

Знать,
затем и длинноух,
чтоб иметь
отменный
слух!

До жилища далеко.
Лица режет сйверко.
Кровь густеет в жилах.
А вожак бежит легко,
словно на пружинах.

К вожакам — какой ни вид —
всяким привыкаешь.
Но уж мой передовик —
истинно передовик,
ничего не скажешь!

Перевод А. Пчелкина

Над тундрой яркие лучи
все радостней, все выше,
теперь поселок и в ночи
теплом надежным дышит.

А тундра косы заплела,
забыв про все худое,
и вдруг под солнцем расцвела
чукчанкой молодою.

И речка, что до этих пор
в снегу дремала тихо,
упряжкой во весь опор
с горы спустилась лихо.

И солнце, растопивши лед,
покрыв травой кочки,
улыбки сверху тундре шлет —
своей любимой дочке.

Бураны больше не метут,
конец зиме капризной —
ну как не радоваться тут
природе, солнцу, жизни!

Перевод В. Сергеева

БУДЬ СПОКОЙНА

Будь спокойна, дорогая,
не томи тревогой взгляд.
Ты же знаешь —

северяне
зря словами не сорят.

Пусть пурга снегами крутит
и рычит, медведя злей, —
беспокойству,
даже в грусти,
поддаваться ты не смей.

Ночь пройдет. Снега растают.
Зазвенит весна вокруг.
День твой солнечный
настанет,
и вернется милый друг.

Самый близкий, самый лучший...
Но! —

пока душа чадит,
беспокойства черный лучик
затолкай скорей
в теюгчин*, —
взаперти
пускай
сидит!

Перевод А. Пчелкина

ДЕДУШКИНА ШКОЛА

Я моржа от лахтака
отличу издалека.

Над землей туман сгустится,
сумрак ляжет — и тогда
в небе я узнаю птицу
по полету без труда.

Что за травка, что за рыба — знаю.
Дедушке спасибо!

* Теюгчин (чукот.) — мешок.

В час прогулки, в дни охоты,
вечерами у огня
книгу северной природы
он читать учил меня.

Чтобы мог я сильным быть,
травку каждую любить,
чтобы малую зверюшку
не осмелился сгубить.

Мудрым был мой старый дед.
Но его сегодня нет.

И теперь его науку
своему дарю я внуку!

Перевод А. Пчелкина

Валентина ВЭКЭТ

Валентина Кагьевна Вэкэт родилась в 1934 г. в пос. Уэлен на Чукотке в семье охотника-зверобоя. С 14 лет ходила на морскую охоту вместе со взрослыми. Во время войны работала швеей. Пишет на чукотском языке. Первые стихи опубликовала в середине 1970-х гг. Автор кн. «Рассказы моей матери», предания «Увэлекин» (в переводах В. Леонтьева), повести «Спящие на пертичьих шкурах» (1989). Живет в Анадыре.

СЛУШАЙ МЕНЯ, ДОЧУРКА

В тундре завьюженной,
в зимнем пологе, —
древнего жирника
яркие всполохи.

Это —
чтоб ярче гореть он мог —
девушка в жирник
(время от времени)
подкладывает сухой мох.

Нитки из жил оленьих,
костяной наперсток, иглу
рядом с жирником — ближе к свету —
мастерица кладет в углу.

Вот шкуры для кройки
под колени швея расстилает,
влюбленной ладошкой
легко их и нежно гладит —

от яркой расцветки
в глазах рябит.
Пальцами девушка мерит,
острым ножом — кроит.

Сшила кухлянку девушка.
На сельскую улицу вышла,

ног под собой не чуя,
завистливых вздохов не слыша.

Увидел швею-красавицу
лучший из всех парней —
сон потерял, а вскоре
женился на ней.

Сделал подругой жизни
до последнего дня...
Слушай меня, дочурка,
слушай меня.

Вырастешь — испытасешь
томление огня в крови.
Учись красоте у жизни,
а у людей — любви.

Шить научись красиво,
чтоб тот, кто тобой любим,
был горд и красой твоею,
и мастерством твоим.

Перевод А. Пчелкина

РАЗГОВОР С МОРЕМ

С берегом ты
так ладишь,
берег ладонью гладишь.
Вот и со мной бы ладить,
сердце волною гладить.

На берег выйду.
Пусто...
Выброси хоть капусту,
звездочку
иль рыбешку —
вспомни меня, ребенка.
Я — как дитя с тобою...

Но полоса прибоя
галечный берег режет.
Где же подарки, где же?
Каюсь: с тобой рассталась.
Но без тебя устала,
затосковала очень.
А возвратилась –
осень!

Волны твои зеленые,
ветры твои соленые.
Зябнущее, осеннее,
здравствуй, мое спасение!..

Скоро и ты устанешь:
тише,
добрее станешь.

Перевод В. Першина

Клавдия ГЕУТВАЛЬ

Клавдия Ивановна Геутваль родилась в 1930 г. в Усть-Чаунской тундре. Окончила среднюю школу в Певеке и советско-партийную – в Анадыре. Много лет занималась партийной и советской работой. Позднее работала в агиткультбригадах, собирала чукотский фольклор, руководила национальным ансамблем «Иннетет» («Северное сияние»). Пишет на чукотском языке. Стихи печатает с 1982 г. Автор сб. «Песни тундры» и «Пуночка» (1985, в русском переводе). Живет на Чукотке.

РЕЧКА

Тундровая речка,
чистая водица,

словно память мамы –
не могу напиться.

Зеленеют кустики
и забот не ведают.

Весело по берегу
оленьята бегают.

Сереблятся рыбицы.
Небо в речке видится.

Выскочит олешек,
ущипнет листочек.

Ты ему – прохладный
подари глоточек:

пусть растет везучим,
смелым и могучим.

По тебе грушу я,
и на век ропщу я,

будто твой рыбенок
это мой ребенок,

будто твой олешек —
хрупкий, как орешек.

Видимся все реже.
Что с тобою будет?

Поклонитесь речке,
поклонитесь, люди...

Перевод В. Першина

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Пропало солнце.
А луну
украли тучи.

Тугое время
Землю мчит,
куда — не знаю.

А ночь полярная молчит.
И нет ей края.

О, как ты спишь,
земля моя,
как сон твой крепок!

Заснули реки и моря,
заснули сопки.

Под тяжким снегом
тундра спит —
когда-а-а проснется?

И дремлет
в пологе своем
Сиянье даже.
Сиянье Севера,

проснись,
проспишь всю зиму!

В ночи полярной
ты для нас —
дороже солнца.

В кухлянке праздничной своей
явись народу
так, чтобы оторопь взяла
детей мороза.

Станцуй,
Сиянье,
в небесах.
Ты так танцуешь!

Подолом радужным
смахни
густые тучи.

Тоску
надеждой
озари,
улыбкой детской,

и день
от ночи
отдели.
Ты это можешь!

Перевод В. Першина

МАТЬ И СЫН

Под белым небом
по белому снегу
землячка
ведет
аргиш.

Раскосая.
Смугло-матовая.

Стройная.
Залюбуешься!

Глаза ее,
не мигая,
смотрят

на Солнце встающее.
Следом –
Олень
снежайший
тянет большой кааран*.
А в нем
из-под
малахая –
две любопытные щелки:

Первенец.
Сын.
Любимец.
Хозяин древней земли.

Следом –
оленье стадо.
Нету нигде такого:
хватит стране
и мне,
хватит и тем,
кто вне.

Землячка моя
довольна,
а сын –
аж в ладони бьет.

А солнца громада красная
встает,
плывет
и поет...

Перевод В. Першина

* Кааран – нарта с кибиткой (для перевозки детей).

РУСОГОЛОВЫЕ МУЖЧИНЫ

От чаевки грей,
мой стих,
до чаевки
сотоварищей моих
по кочевке.

Меховщица на плечах,
ноги в камусе,
смуглолицы,
но в очах –
Волга с Камою.

Малахаи – с головы:
лица русские,
цвета тундровой травы
челки русые.

Цвета колоса и льна
ваши волосы.
Говорит со мной весна
русским голосом.

Встречи с вами горячи.
Чем вас потчевать,
зоотехники,
врачи,
вездеходчики?

В стороне, где нет путей,
нелегко лечить людей,
вместе с ними кочевать,
в белых пургах ночевать,
вместе с солнцем новостей
пастухам вручать детей...

Любо с вами у костра
в тундре встретиться:
наши души от добра
так и светятся.

Люди колоса и льна!
Средь оленей
та – родная сторона
вам милее.

Но, наверное,
с т р а н а,
где б ни жил,
у всех одна,

и, наверное,
земля –
ягель,
лен,
во ржи поля –
одинакова, как люди.

И так было,
и так будет.

И шумит на радость нам
спелым колосом
вся оленья сторона.

Говорит со мной
страна
вашим голосом.

Перевод В. Першина

КОСТЕРОК

Костерок –
собеседник усталого путника –
это запах отца,
берущего на руки дочь.

Костерок –
свет надежды летящей и тающей –
это запах Оленя,
трубящего в белую ночь.

Костерок –
сердце мамы моей беспокойное –
это запах тех песен,
что слышит дитя в шуме зим.

Костерок –
друг, со мною печаль коротающий, –
это запах веков,
исчезающих вместе с ним.

Перевод В. Першина

ПУНОЧКА

Амын ётти*,
тундровичка-пуночка!

Протяну к тебе
ладонь-луночку:

ты садись,
теплее будет,
милая,

ведь пора у нас пока
стылая.

За метелями весна
жгучими,

за снегами,
за горами дремучими.

Скок-поскок! –
ты в торбасочках из ровдуги

вслед за мной
по-над крутыми сугробами

в керкере** пестром
на морозе остром.

* Амын ётти – так приветствуют на Чукотке желанного человека.

** Керкер – женский комбинезон.

Ах, певунья,
ах, невеста-красавица!

Твои песни
неспроста
людям нравятся,

а особенно – когда
не везет:

непогода, писем нет,
день – как год.

Ты запела –
запоет вертолет

и любимого сюда
принесет

или строчку от него
обо мне.

Значит, пуночка
запела
к весне!

Амын ётти,
тундровичка-пуночка!

...Я тяну ладони к ней
луночкой.

И дрожит моя сестра
малая.

А на лапках –
серебро талое...

Перевод В. Першина

ПРИВЕЗИ СВОИ ГЛАЗА

На оленях быстроногих
привези
свои глаза.

Пусть печаль в них
и тревога.
И усмешка.
И гроза.

Если даже
будут слезы –
привези,
не вытирай:

вдруг
они – не от мороза,
вдруг
пролились
через край...

Перевод В. Першина

ОВОД

Овод-Овод-Оводище
по жаре июльской рыщет,
сердится, гундосит,
свежей крови просит.

Важенку заметил –
перестал сердиться.
Шепчет:
– Амын ётти!..
Можно приважнётся?

Ну, а наша Важенка
с ним... не разговаривает.
Выступает важненько,
зелень переваривает.

Он над ней кружится:
– Нам бы подружиться...
Вы, меня простите, –
в доноры хотите?

И сказала Важенка:
– Не таких отваживала!
Вон – хозяин идет.
Улетай, идиот!
...Товарищ зоотехник,
ну-ка угостите этого нахала
вашим ядом!

Перевод В. Першина

АВАВ

Дело было так.
Маленький олешек,
маму потеряв,
задремал на солнце.

Девочка моя
тихо-осторожно –
палец на губах! –
к малышу подходит.

Вот уж рядом с ним.
Наклонилась, шепчет
прямо на ушко
ласково: «Ава́в...»

Ка-ак он стреканул! –
аж присела дочка.
В несколько минут
стал вдали он точкой.

Фыркнул. Постоял.
Долго-долго думал.
Потрусил назад:
надо объясниться!

Боком подошел,
девочка плачет.
Оком покосил:
«Что это значит?»
Ткнулся ей в плечо,
дышит горячо.

Мол, откуда мне знать,
да еще спросонок,
что по-детски «авав» –
это – «олененок».
Так собаки лают,
это все знают.

Т а к
почти что
сказал,
щеку ей
облизал.

Ведь они,
олешки, –
все солеежки...

Перевод В. Першина

МАЛЬЧИШКЕ

Земля чукотская протяжна,
бела,
скудна
и холодна.
Но ты по ней
иди отважно,
крепьш, –
она тебе дана.

Она оленями богата,
работы хватит на века.
Пружинь свой шаг:
она поката,
как спелой важенки бока.

Сера земля.
Но сколько света
от земляков,
зверей
и птиц!
Продли ее скупое лето,
добавь тепла
из-под ресниц.

Шагай, крепыш.
Все так, как надо.
Прожить –
не тундру перейти,
а тундра
будет очень рада
помочь тебе
в твоём пути.

Перевод В. Першина

Виктор КЕУЛЬКУТ

*Виктор Григорьевич Кеулькут (1929–1963) родился в с. Ту-
манная Анадырского р-на Чукотки в семье охотника-олене-
вода. Пяти лет принес домой первую добычу.
Окончил Анадырскую школу колхозных кадров. Работал
зоотехником, служил в армии, был корреспондентом ок-
ружной газеты, редактором национальной литературы в
Магаданском издательстве. Писал на чукотском языке.
Составил русско-чукотский разговорник, перевел на чу-
котский язык рассказы А.П. Чехова и современных писа-
телей России. В 1962 г. поступил на Высшие литератур-
ные курсы в Москве. В 1958 г. вышли первые поэтические
кн.: «Про Чукотку» (Магадан), «Пусть стоит мороз»
(Москва, перевод Н. Старшинова). В переводах на русский
язык изданы сб. «Солнце над Чукоткой» и «Слышу твой
голос».*

В ОЖИДАНИИ

В облака укрылись кручи,
затопил снега туман.
Спит товарищ, мой попутчик.
Я сижу как истукан.

Все ужасно надоело:
есть, курить, курить и есть,
ждать и думать...
То ли дело
на оленьи нарты сесть.
Не найдешь экспресса лучше,
а на крыльях – нет, не то...
Просыпается попутчик,
озирается:
– Ну что?

– Можешь спать до завтра смело:
небо запер на засов
бог погоды...
То ли дело
взять упряжку крепких псов.

На таких ракетой вжаришь,
только крикни: хак-хак-хак!..

Просыпается товарищ,
на окно глядит:
– Ну как?
– Спи, пурге конца не будет.
Нет ни неба, ни земли...
И зачем, скажите, люди
самолет изобрели!..

Перевод В. Сергеева

СЫПЛЕТ СНЕГ

Сыплет снег, пушистый снег,
белым бисером искрится.
Только солнца он боится,
только ветра он боится.
Белым бисером искрится,
сыплет снег, пушистый снег...

Не растопит солнце снег:
нет у солнца сил зимою.
Скоро тундру снег укроет,
сопки, реки он укроет...
Нет у солнца сил зимою,
не растопит солнце снег.

Гонит, гонит ветер снег.
В тундре мечется поземка,
завихряется воронкой.
Вот узор богатый скомкан.
В страхе мечется поземка,
гонит, гонит ветер снег...

Нет, сильнее ветра – снег.
Ветер вечно дуть не может,
устает и ветер тоже.
Снег овраги позаложит.
Ветер вечно дуть не может.
Нет, сильнее ветра – снег.

Тихо. Сыплет легкий снег.
Белым бисером искрится.
Он и солнца не боится,
он и ветра не боится, –
белым бисером искрится.
Сыплет снег, пушистый снег...

Перевод с чукотского

ЧАЕЧКА

Чаячка...
Ей всего-то,
видно, недели нет.
Бродит она по болоту,
смотрит на белый свет.
Крыльями что есть силы
машет – большим под стать...
Чаячке слабокрылой
рано еще летать.
Вот она и решила:
плохи ее дела.
Перышки распушила,
крылья подобрала.
Может, озябла?
Или,
может, она голодна?
Ноги завязли в иле,
вот и кричит она.
Что же еще ей делать?
Пусть она погрустит...
Вот подрастет
и смело
за облака взлетит!

Перевод Н. Старишинова

ВПЕРЕДСМОТЯЩИЙ

И снова налетел норд-ост,
пронзительный, свистящий,
но, не сгибаясь, в полный рост,
стоит впередсмотрящий.

Привык на море с давних пор
смотреть по-деловому,
он верный путь в туман и в шторм
укажет рулевому.

Где острый камень под водой,
где зверь, на льдине спящий, —
все замечать перед собой
привык вперёдсмотрящий.

Взмахнул рукой он — и в тиши
уверенно и ходко,
мотор трескучий заглушив,
скользит на веслах лодка.

Оружье меткое держа,
как снайпер настоящий,
он бьёт без промаха моржа, —
ведь он — вперёдсмотрящий.

Перевод В. Сергеева

ШТОРМ

Большие волны в скалы бьют,
плюются пеной,
упрямо на дыбы встают
попеременно.

Свирепо в берег бьют валы,
с истошным визгом,
и отползают от скалы,
разбившись в брызги.

То все, что есть на дне морском,
на отмель катят,
швыряют камнями, песком,
то вновь их схватят.

А рыба испокон веков
штормов не любит,

она от наших берегов
уходит в глубины...

Но утихает ветра свист,
и шторм стихает.
И волны в море унеслись
и там играют.

А после шторма хороша
всегда охота, —
крепят охотники, спеша,
мотор вельбота.

На полный ход вельбот летит —
таков обычай —
ведь смелых море наградит
большой добычей!

Перевод В. Португалова

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Антонина Александровна Кымытваль родилась в 1938 г. в с. Мухоморное на Чукотке. При рождении получила имя Руль-тынэ. Но заболел и умер брат, родившийся вместе с ней. Бо-ясь, видимо, разгневать «духов болезни», мать отказалась кормить ребенка. Только бабушка рискнула перешагнуть через поверья, вскормила девочку оленьим молоком. Чтобы сбить ду-хов со следа, дала внучке новое имя — Кымытваль — червячок. Окончила Анадырское педагогическое училище и Хабаровскую высшую партийную школу. Работала учительницей в крас-ной яранге, ездила в дальние стойбища, учила детей и взрос-лых; занималась журналистикой в окружной газете, была методистом по народному творчеству, организовывала фольклорные экспедиции по Чукотке. Пишет на чукотском языке. Автор поэтических сб. «Песня сердца», «Тебе», «Слу-шай музыку», «Мой любимый цветок», «Под крылом моей яранги», «Голоса тундры» и др., выходявших также и в рус-ских переводах.

Как красива земля моя, посмотри,
Озаренная розовым светом зари.
Вечный зов ее слышу: «Я жду! Не забудь!»
Так давайте к ней в гости отправимся в путь.
«Ночь, — земля говорит, — потому и черна,
Что влюбленных надежно упрятать должна».
«День, — земля говорит, — для труда и забот,
Счастлив тот, кто всегда созиданьем живет.
Вот он, мой человек, ищет клады мои.
И как друг меня просит: «Открой, не таи!»
Он пасет в моей тундре оленьи стада —
Он себя не жалеет, коль в стаде беда...
Как он нежно ведет олененка к воде —
Нет, наверно, нежнее на свете людей!»
Как прекрасен земли моей смуглый народ:
Вдохновенным трудом радость он создает!
И горячее сердце холодной земли
Согревает меня и вблизи, и вдали.

Перевод Л. Миланич

РАЗГОВОР С ТУНДРОЙ

Может быть, меня ты не признаешь
и смотреть не станешь на меня,
не поверишь мне, что ты одна лишь —
мать моя,

сестра,
моя родня.

Вдруг во мне — меня и не найдешь ты,
на одежду глянув невзначай.
Ты меня встречай не по одежке,
по душе, пожалуйста, встречай.

Правда, я считаю носом кочки:
торбаса на мне с чужой ноги.
Только ты, как нерадивой дочке,
не сердясь,

мне снова помоги.

Я натосковалась, наревелась.
Мне с тобой разлука —
острый нож,
посмотри в глаза мне:
слово «верность»,
только это слово и прочтешь.

Перевод Р. Добровенского

Л. Тынель

Птицей конверт мой — вот он —
взмост над сеткой широт.
Как твои дети? Как Роль?
Здесь хорошо. Но чего-то
главного недостает.

Видятся мне ваши лица,
долго смотрю в темноту.
...Ночью мне снова приснится,
как выбирают кету...

Видятся – ведь не смешно вам? –
ночи Чукотки вдали:
тьма, словно в пологе новом,
если там свет не зажгли.

Родина неповторима.
Ночь, как века, глубока.
И, как олени, незримы,
ходят вверх облака.

В стаде такими ночами
и тишина и покой.
Жизнь твоя – словно в начале.
Ветер струится рекой.

И – обещаньем удачи,
и – указанием дорог
издали, яркий, горячий,
в душу блеснет костерок...

Сколько поэзии в прозе
дней ваших и вечеров!
Швеи готовят к морозам
множество теплых обнов.

Быстрой упряжкой оленьей
грезит хороший ездок.
Снега он ждет в нетерпенье,
искристых белых дорог.

...Вот ведь как я разболталась, –
верно, наскучила вам?
Правда, и места осталось
лишь на поклоны друзьям.

Сопке, что смотрит на город,
окнам, роняющим свет,
тундре,
родному простору –
низкий поклон и привет!

Перевод Р. Добровенского

ВМЕСТО КОЛЫБЕЛЬНОЙ

Не шумите, люди, прошу вас, пожалуйста!
Погодите, молнии, в небе блистать,
да и ты, старый гром, оставь свои шалости,
помолчи, пока мои дочери спят!

Ах, как громко далекие хлопают выстрелы!
Прекратите стрелять в беззащитных людей!
Все равно они правы и, значит, – выстоят, –
так зачем же пугать моих спящих детей?!

Я бы вынесла беды любые, не жалуясь,
но уймите же грохот своих батарей!
Не шумите, люди, прошу вас, пожалуйста,
не тревожьте сон моих дочерей...

Перевод Р. Добровенского

ПЕЛИКЕН

М. А.

Вот пеликен. Вот наш чукотский бог.
Ему молились родичи мои.
А ты его –

не надо, не моли.

Но посреди невзгод или забот
возьми его в горячую ладонь,
не постесняйся, не забудь – **возьми!**
Когда-то с ним на празднике весны
мы добывали золотой огонь.

Костер, язычник, – в небо языки!
(Не знаю, искры, звезды ль в вышине?)
...Коснулось ли сейчас твоей руки
воспоминание о том огне?

Вот пеликен. Тебя, твоих родных
и тех, что далеки и что близки,
пусть он хранит от хвори и тоски,
от неудач (и от удач иных!).

Когда тебя сомнение посетит,
спроси его совета:

как, мол, быть?

Когда продрогнешь посреди пути,
скажи ему: «Согреешь, может быть?»

Признаться, он не слишком-то силен
сам по себе, божок земли моей.
Ведь низведен он (или возведен?)
из божества —

в подарок от друзей.

Да, сознаюсь тебе, куда ни шло:
мы вдунули в него

свое тепло.

В нем будет наша тундра,
будем мы,
когда о нас ты вспомнишь вдалеке.

В нем — дружбу нашу
ты с собой возьми:
вот — пеликен.

Перевод Р. Добровенского

РАДОСТИ ИСТОК

Любимый,
я — жена,
но я и мать
и силою такой наделена,
что крыльями
могу сейчас обнять
всю Землю,
на которой рождена.

Я — Женщина.
Я — радости исток.
Улыбка неба.
Солнце.
И цветы.
Но ради жизни
я сложу у ног

все,
что во мне
сумел увидеть ты.

Не знаю я,
как долог путь
к добру.
Я знаю,
как тернист он
и как крут.
Но если я
когда-нибудь умру,
тугие зерна
в детях прорастут.

У дочерей
прорежутся крыла,
подняв их
над домашним очагом,
чтоб прожили,
как мать их прожила,
всю Землю завещав беречь,
как дом.

Перевод М. Эдидовича

ВОСПОМИНАНИЙ РЕЗВАЯ ИГЛА

Спасибо Вам за встречу,
земляки,
посередине жизни
быстротечной.
Не написала я бы ни строки
без Вашей сопричастности
сердечной.

Пусть годы намели меж нами
снег —
с Усть-Белой
ни на день я не рассталась:
село мое
я видела во сне

и Ваших рук с волнением
касалась.

– О, етти, ты пришла?!
И каждый дом
распахивает двери
как объятья.
В селе
и незнакомый мне знаком:
мы – земляки,
а это значит – братья.

Воспоминаний резвая игла
за чаем
дни соединит умело –
не понимаю,
как я жить могла
без Вас, друзья,
и без улыбки Белой...

Перевод М. Эдидовича

ПОЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ РЫРКАЙПИЯ

Их свет рассыпан на десятки верст.
Их песни тундра слышит каждый вечер.
Внимая зову рукотворных звезд,
пойдем и мы с тобою им навстречу.
Земные звезды не стремятся ввысь –
хватает им полярного простора.
И бьется человеческая мысль
в глазах машин, в мелодии мотора.
И человек в пути не одинок –
пронзая мрак и занавес тумана,
к нему спешит на берег океана
поющий путеводный огонек.
Как эстафету веры и добра,
его друг другу у костров походных
передавать привыкли до утра
оленовод, геолог и охотник.
И в песнях этих звезд,
в сиянье их лучей

объединила общая забота
поэзию арктических ночей
с конкретной прозой грузооборота.
Рыркайпий спит...
Но вновь в ночной глуши
стремятся в путь бессонные машины,
и зажигают смелые мужчины
негаснущие звездные лучи.
Звучат их песни в тундре неустанно.
Пойдем и мы на берег океана.

Перевод А. Пчелкина

ПЛЯСКА ЛИСТВЕННИЦ

Встречался ли тебе
хотя бы раз
на склонах гор
деревьев перепляс?
Хотя бы раз
ты ночью попадал
на бесподобный
лиственничный бал?
Оркестр ветров
в ночи не устает
дуть в бешеные трубы
круглый год.
Подобны людям
сутью естества
охваченные

пляской

деревя.
Вот, задыхаясь,
под покровом мглы
трясут старухи
дряхлые стволы.
Вот юноша,
что вымахал с версту,
лохматой кроной
машет на ветру.
Спешит девица
вывихнуть скорей

суставы
тазобедренных ветвей.
Смешно на них
смотреть со стороны.
Но ведь и мы
со стороны смешны.
Куда спокойней
вовсе не плясать –
забиться в середину
и стоять.
Таким теплей,
им ветры не страшны.
Но нам такие
больше чем смешны.
Так лиственницы
пляшут на ветру,
с испугом замирая
поутру
от суеты извечной
вдалеке
в нелепом
танцевальном столбняке...
От каждодневных,
от пустых словес
уйди на сопку,
в лиственничный лес.
Деревья пляшут
молча
 круглый год –
они смешной,
но истинный народ.

Они – как люди.
Эти вот вдвоем
над затаенным шепчутся ручьем.
Им важно
 отражение свое,
а вовсе
 не явление твое.
А эти, чтобы
облегчить
 твой путь,

тебе готовы
руку протянуть.
А те вот
песни шелестят свои
о проходящей жизни,
о любви...
Встречался ли тебе
хотя бы раз
на склонах гор
деревьев перепляс?
На Ольском перевале
ветра вой,
не затихает
танец вековой.

Туда я
потихоньку побреду,
чтобы развеять
давнюю беду.
Коль грустно и тебе,
иди ко мне –
мы на ветру
попляшем
в тишине.

Перевод А. Черевченко

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЧАЮ

Чукчи недаром слынут
 гостеприимным народом.
Может быть, в тундру и вас
вдруг занесет невзначай.
Вот как встречают гостей
 в краях, откуда я родом...
Итак,
 я вас приглашаю на чай.
Но прежде, конечно же, мы
 о том о сем побеседуем,
не спеша пообедаем
 и строганинки отведаем.
Знаете ли, что это за блюдо?
Запоминайте – а я показывать буду.

Мускул оленьей ноги
каждый — к себе — строгают,
а после — в рот.
Ну и как? Тает?
Конечно, тает!

Горячее мясо
всего быстрее —
ломтиками на костре.
Можно поджарить легкие,
почки
и что-нибудь кроме.

Вам предложу с дороги я
кашу из свежей крови.
Чукотская колбаса,
конечно же, на любителя.

Готовится полчаса.
Попробовать не хотите ли?

Вяленое мясо
с салом из толченых костей...
У нас до последнего часа
ждут дорогих гостей.

На днях оленя забили.
Чукотский народ не скуп —
для вас побережь не забыли
жаркое из оленьих губ.

И я отведаю тоже
с вами — теснее круг! —
блюдо из дикой чукотской картошки,
из сладких корней — пьупук.

Лето не зря аукало
удачу для рыбаков:
попробуйте нашу юколу —
пищу речных богов.

Жаль, что лето сейчас
кончилось — делать нечего, —
я угостила бы вас
голубикой с толченой печенью.

Кстати, есть и «прерэм» —
толченное мясо
с костным салом.

Сколько его ни ем —
все почему-то мало!

Чаюйте, как полагается,
 хоть десять часов подряд.
 У нас в гостях не ломаются,
 что подают – едят.
 В тундрах наших просторных
 еще немало окрест
 богатых оленьим кормом
 таких заповедных мест.
 Как предками нам завещано,
 по несколько дней тут
 чают чукотские женщины,
 мужчины – не отстают.
 Давайте-ка напоследок
 все доедим,
 допьем,
 к одной из моих соседок
 опять чаевать пойдем.
 Вам блюда ее понравятся –
 умеет гостей встречать...
 Пока еще отдыхается –
 надобно отдыхать.
 Лету мы тоже рады,
 но дела хватает всем.
 Выделывать шкуры надо,
 надо пошить рэтэм.
 Праздники летом редки,
 но нынче свое возьмем:
 пошли-ка к моей соседке –
 чайку у нее попьем!

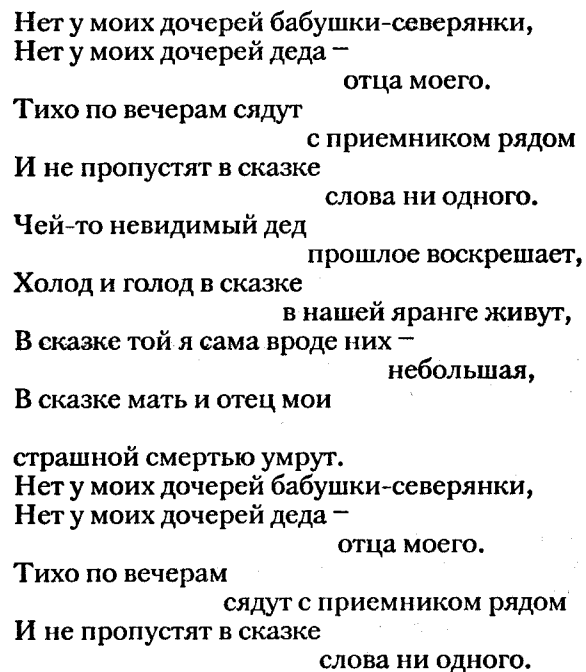
Перевод А. Червченко

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

Сколько жизни и водицы утекло.
Позамыло имена да и следы.
Незнакомое, родное мне село
у знакомой, но седой уже гряды.

Школу – домик
с покосившимся крыльцом
материнской обогрела теплотой,
и остался домик в памяти дворцом,
и осталась
в нем ты
феей молодой.
Как рыдала я тогда
в ночном лесу...
Ты нашла меня:
«Ну, полно горевать...»

Перевод М. Эдидовича

Перевод Р. Добровенского

Иван ОМРУВЬЕ

Иван Васильевич Омрувье родился в 1940 г. в хаттырско-важской тундре на Чукотке в семье оленевода. Окончил Анадырское педагогическое училище и Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена. Служил в армии. Был учителем и оленеводом, вел журналистскую работу в газетах. Пишет на чукотском и русском языках. Первые стихи опубликованы в 1970 г. В разные годы печатал стихи в коллективных сборниках. Живет в Анадыре.

КАК МНОГО Я НА ЗЕМЛЕ ХОЧУ

Как много я
на земле хочу!
Солнца
самых ярких лучей,
в весенней тундре
припасть к ручью,
к земле моей
прикипеть прочней...

Как много я
на земле хочу!
Чтоб небо ясным
было всегда.
И в буйстве красок,
и в буйстве чувств
сияла вечно
моя звезда...

Как много я
на земле хочу!

Но если
придется
однажды
в бою
драться за землю
родную мою,

я самой высшей ценой
заплачу.
И, падая в травы,
в последний миг,
я не заплачу,
а прошепчу:
«Как много я
на земле хочу!»
Чтоб знал мой враг,
что я
не погиб.

Перевод А. Гажи

Елена ОМРЫНА

Елена Евгеньевна Омрына (1951–1989) родилась в с. Усть-Белая на Чукотке. Рано осталась сиротой. Работала поваром и швеей в оленеводческой бригаде совхоза. Участница чукотского ансамбля «Поющая тундра». Первые стихи (в русском переводе) опубликованы в конце 1970-х гг. Печаталась в сб. «Пою тебя, Чукотка» (1983), «Сплохи» (1987) и др. Автор сб. «Любовь провинциалки» (1991).

ГОД ПАСТУХА

Остановись, присядь, пастух,
и покури немного,
переведи за чаем дух:
вся жизнь твоя – дорога.
По кочкам – летом, в снег – зимой
да в гололед осенний,
весною – в слякоть, но домой
свернуть нельзя – о л е н и.
Чуть рассвело – ты на ногах,
кривых, как ствол березы,
за стадом с горловым «кхах-кхах»
в жару, в дожди, в морозы.
Лишь стадо уложил, достал
брусок и ножик, стружишь
копылья нарте...
– Не устал?
Смеешься:
– Отдых хуже.
И ловко шкуру лахтака
на чаат режешь тонко.
Глаз точен и верна рука.
– А ну, держи, девчонка!
Сейчас поймаем ездовых...
– И в путь?..
Он мне кивает.
Наверно, в тундре выходных,
как в море, не бывает.

Перевод М. Эдидовича

СОЛЕЕДЫ

Есть среди людей, скажем, сладкоежки –
дня прожить не могут иные без конфет.
Вот на них, наверно, похожи и олешки –
олени-солееды.
Но в тундре соли нет.

И они сбегают с пастбища, в палатку
тычутся губами –
как тут отказать.
Кажется, готовы танцевать вприсядку,
только дай им соли снова полизать.

И пастух выходит,
треплет их за холку,
в кожаную кружку насыпает соль.
Не шерстит животных он за самоволку, –
сам подносит лакомство,
раз хотят – изволь.

Любят их, прощают,
надо ли – не надо.
Да и как им слабость не простить – вопрос...
С детства солееды,
как собачки, рядом.
И куда не надо могут сунуть нос.

Заигрался мальчик,
намочил штанишки.
Мать еще не видит.
Солеед – бегом.
Опрокинет в травы мокрого мальчишку,
сушит мех соленый длинным языком.

Отжелтеет лето,
забелеет осень,
откочует в школу шустрый оголец,
но, едва вернувшись,
первым делом спросит:
– Мэй, а солееды, где они, отец?
– Ноонко, там.

Забьется сердце непоседы,
и, взлетев на горку,
 различит внизу,
как трусят навстречу гостю солееды,
чтоб, едва касаясь щек, слизнуть слезу.

Перевод М. Эдидовича

ДОЖДИСЬ НАС, МАМА

Пора и о себе подумать, мама,
почти всю жизнь ты детям отдала.
Но мать опять шитье с утра взяла,
и потекли домашние дела,
которым, лишь начини их, суток мало.

Открыла двери настежь – даль пуста.
Но в сердце боль – оно не опустело.
И если б не согнули годы тело,
снялась бы хоть сейчас и полетела
за нами в незнакомые места.

А мы – ни строчки, некогда писать.
Спешим, оленей гоним что есть мочи.
Зачем писать – вот свидимся воочью.
Но ты приходишь к изголовью ночью,
как совесть наша:
«Сколько можно ждать...»

Увы, у юных память коротка:
нам кажется, что на земле мы вечно,
прости детей за то, что мы беспечно
забыли – время слишком быстротечно,
и старость у последнего витка.

Прозрело сердце, вызрело чутье –
летят птенцы к осевшему зимовью,
к гнезду, в котором
вскормлены любовью.
Дождись нас, мама,
не роняй шитье!

Перевод М. Эдидовича

Сергей ТИРКЫГИН

Сергей Александрович Тиркыгин родился в 1949 г. на Чукотке. Учился в Благовещенском художественном училище, занимался акварелью и гравировкой. Около 20 лет работал на родине оленеводом. Пишет на чукотском языке. Первый стихотворный сб. «Лети, мой день» издан в Магадане на чукотском и русском языках (1980, перевод А. Пчелкина). Собирает, обрабатывает и публикует в периодике чукотский фольклор. Живет в пос. Конертино.

РАССВЕТ

В. Христофорову

В бреду, наяву, во сне ли? –
тундра без берегов.
От инея сопки серы.
Тревожно щекочет нервы
шорох своих же шагов.

Влево ли мне?
Направо?
Но всюду лишь тишь, тишь.
Спрятался ветер в травах,
как полевая мышь.

Присяду на камень. Вздрогну,
подняться себе велю.
Руки держать подолгу
за пазухой не люблю.

Озяб? – шагай веселее,
согреешься на ходу...
По тропам моих оленей
которую ночь иду.

Рассвет озарит округу,
и на виду у гор
себе – уставшему путнику –
я разведу костер.

Перевод А. Пчелкина

В МОРЕ

День
завершает путь.
Словно пастух усталый,
солнце на сопке дальней
присело передохнуть.

Море передо мной.
Волны – обрывки дня, –
музыкой неземной
волнуя, зовут меня.

И я уплываю в ночь.
Музыка – рулевой.
В полную светят мощь
звезды над головой.

А ветер свежей, свежей.
Плыву я, куда – невесть.
Но нету душе моей
покоя ни там, ни здесь.

А я – не ищу его.
Вся жизнь моя, каждый стих –
волнение
морских волн
и – музыка их.

Перевод А. Пчелкина

Я НЕ ОДИН...

Зима.
В северо-западной части неба
одинокая светит звезда.

Я лежу на склоне горы.
И безмолвие ночи
проникает в самое мое сердце
и, порою, приводит с собой
одинокую гостью – грусть.

Но сейчас мне не до нее.
Я полон мыслей о лучших друзьях,
я не один,
и мне от этого легче.

А по склону поземка стелется.
Эти шорохи, этот свист –
природы ли беспечальный мотив?
Или сон земли о весне? –
прекраснейший из земных снов.

Перевод А. Пчелкина

АМГУЭМА

Мимо былых кочевий,
открытая всем ветрам,
на север спешит, на север
красавица Омваам.

Катит тугие волны
неукротимой воды.
И доли к ней благосклонны.
И горы ею горды.

И воды ее красивы
тем еще, что весной
они набирают силы
у шири этой земной.

Длинна, как аргиш оленный,
бурлива и глубока,
вот так и вплыла в легенды
древняя эта река.

Подспудной полна работы,
она все сильнее, синей,
пока несут ее воды
сияние летних дней.

Перевод А. Пчелкина

ГЛАЗА ОЛЕНЯ

О чем говорят олени глаза?
Теплые — не они ли
от века отогревали
дыхание зимнего ветра,
душу чукотского пастуха?

Как много их —
ясных и грустных глаз! —
доверчивых к доброму,
чутких к злему.

Они многое видели,
много знают.
По ночам они смотрят в меня,
я ощущаю их
и просыпаюсь.

И вижу в них море
человеческой доброты.

Перевод А. Пчелкина

В ПЕВЕКЕ

Город Певек —
словно корвет,
парусами белыми зданий
устремленный в открытое море.

Тучи над ним
все темней и круче.
Сердитые волны
мечут в борта корвета
гарпуны брызг
и снова откатываются
для замаха.

А город плывет без страха,
в окружении моря и тундры,
в которой,
как загулявший матрос,
буйствует красная осень.

Осень торопится.
Ей не терпится
промотать все богатство красок,
одарить нас своими дарами.
Время отплытия в зиму
не за горами.

Вот почему
прощально мигает маяк,
звонят порталные краны,
и тоскливо гудят корабли.
Дивные запахи,
гулкие звоны,
трубные стоны
словно вдыхают в себя
вечереющие просторы.

Сумерки пали. Погасла заря.
Рукотворное зарево вспыхнуло
над Певеком.

И одновременно с ним
отраженным светом,
как парус, наполнился
и побежал по черному небу
занавес северного сияния...

Сил природы
и сил человеческих
поэтическое слияние.

Перевод А. Пчелкина

УХОДИТ ЛЕТО

Уносят солнце
на тонких крыльях,
уносят птицы.

Сентябрь
багровый ковер на травы
устало стелет.

А тундре зелень,
а тундре лето
все чаще снится.

А небо дождик,
а небо морось
на землю сеет.
Погасли лета
огни и краски.
Запахло снегом.
С унылым кличем
за горизонтом
исчезли гуси.
Белы, как старцы,
стоят озера
пред стылым небом,
полны холодной
и величавой
осенней грусти.
Уходит лето.
Уводит лето
мои печали.
Я снова в тундре.
Я снова дома.
И – будь что будет!
А то, что в прошлом,
за перевалом,
что за плечами, –
уже не ранит,
уже не мучит
и не волнует.
Зима все ближе.
Набрякли снегом
сырые тучи.
А я спокоен.
Мои раздумья
просты. Я знаю,
я понимаю,
что есть на свете
края и лучше,
но нет на свете
любви сильнее, чем
к родному краю!

Перевод А. Пчелкина

Владимир ТЫНЕСКИН

Владимир Васильевич ТЫНЕСКИН (1946–1979) родился на Чукотке. Учился в Анадырском педагогическом училище и Магаданском педагогическом ин-те. Работал учителем в сельской школе, геологом в полевой партии, оленеводом на о-ве Врангеля. Писал на чукотском языке. Автор вышедших (в том числе в русских переводах А. Пчелкина) поэм «Солнце на ладони», «Ярар» и поэтического сб. «Олени ждали меня» (1978).

РОДНОМУ КРАЮ

Не хочу тобой гордиться
дни и ночи напролет.
Кто желает – сам примчится
поглядит
и убедится
и любовь мою поймет.

Лично я
без гор лиловых,
тундры в розовом снегу
посреди пейзажей новых,
все равно: степных, сосновых, –
долго выжить
не смогу.

Без отцовского привета
от тебя, любимый край,
загрустит душа поэта.
Так что,
если буду где-то,
ты рассвет мне
присылай.

Чтобы, солнышко встречая
от снегов твоих вдали,
для людей иного края
сам я вспыхнул, излучая
теплоту родной земли.

Перевод А. Пчелкина

НОЧНОЕ НЕБО

Край по́лога тихонько приподняв,
совсем еще малыш и несмышленыш,
часами я разглядывал рэтэм*.

«Вот небо, — думал я, —
а вон — звезда...»

И крохотная дырочка в рэтэме,
на огонек похожая далекий,
во мне будила
первую мечту.

Все засыпали.

Я не мог уснуть.

Мой сон
бежал из полога, как ветер.

А я лежал
и все искал, искал
в потертой шкуре древнего рэтэма
летающую,
быть может, к нам, на землю,
светившуюся радостью
звезду.

Еще мой взгляд
искал звезду Унпэнэр**.

Она подруга путника, я слышал,
и многим людям,
в тундре заплутавшим,
в горах, торосах, в море незнакомом, —
не раз найти дорогу помогла.

...Взгляд мальчика

притягивает высь.

Он вдумчиво рассматривает небо.

Но ветер налетит —

рэтэм ослабнет,

и «звездочка»,

как льдинка на волнах,

* Рэтэм (чукот.) — наружное покрытие яранги.

** Унпэнэр (чукот.) — Полярная звезда.

тревожно закачается.

И он

подумает привычно, не впервые:

«Рэтэм, ты — небо,

чоттагын* — земля...»

Но мальчик мал.

Он многого не знает.

А главное,

не знает он того,

что скрыто по ту сторону рэтэма,

к ногам какой горы

летит звезда...

Сегодня этот мальчик
стал взрослей.

Из чоттагына вышел,

и давно уж

рэтэм ему

не застит белый свет.

А все-таки

порою, в темноте,

среди ночи звездной

в городе и в тундре

притягивает взгляд его и мысль

к себе ночное небо.

Небо.

Звезды...

Перевод А. Пчелкина

УТРО

Весна пришла.

Луга пестры.

Рассвет и ал и желт,

как будто в сопках кто

костры

* Чоттагын (чукот.) — передняя, холодная часть яранги.

под облака разжег.
И тот невиданный костер,
простерший вдаль лучи,
поглаживает
плечи гор
и серебрит ручьи.

Разбужен мир.
Мир пьян весной,
а даль тиха, тиха,
как бы задумалась со мной
над песней
пастуха...

Перевод А. Пчелкина

ДАЛЬ

Куда стремится даль тугая?
Что там, куда течет река?
Не отвечают облака,
а может, ничего не знают.

И человек, собрав рюкзак,
уходит слушать дождь и травы,
не ради мимолетной славы —
чтоб солнце принести в глазах.

Перевод М. Эдидовича

РЕКА КОЛЫМА

В. Леонтьеву

Колыма летит оленем лютым
среди тайги,
и тундры,
и годов.

Ледовитый этого не любит:
Колыма умрет у серых льдов.

Кто же мы —
несущиеся с нею?
Просто ноша? Вряд ли.

Знаешь сам,
что рассветы смутные яснеют,
отражаясь в наших парусах.

Мы с тобою вовсе не матросы,
нам иной секрет природы дан:
просто мы
сквозь мертвые торосы
все-таки
у х о д и м
в океан.

Перевод В. Першина

НАЧАЛО

Где журавли мечты моей?
...В ярангу темную вхожу,
чтоб сердцу стало потеплей.
Лежу.

А солнце летнее лютует,
сквозь прохуdivшийся рэтэм
мне небо синью салютует.
Но в сердце — тень.

И повторяют мои губы
слова, которые поют
те, кто меня пока не любят,
а просто — ждут.

Мои весенние истоки
уходят в наводнение лет.
У жизни жесткие итоги:
да или нет.

Ну, вот! — и слезы...
Где причина?
Кого, зачем и в чем корить?

— Так начинаются мужчины, —
мне мама тихо говорит.

Перевод В. Першина

ЧЕГО СЕЙЧАС Я ЖДУ?..

Чего я жду?
Куда спешу?
Зачем я время подгоняю?
Жду дня, когда,
уйду туда,
где грусть и горе – не беда?
Не знаю.

И что так мучит
разум мой
день ото дня и год от года,
как бы пургу
перед весной
угроза близкого ухода?

Но я,
родившийся в пургу,
обретший в тундре
жизнь большую, –
куда,
куда уйти могу?
Куда
спешу я?..

Перевод А. Пчелкина

НАША ЗВЕЗДА

«Встречай меня у скал
на берегу,
когда звезда взойдет на небосклоне...»
Я фразу эту
в сердце берегу,
так много счастья
было в каждом слове!

А может,
я услышал их во сне?
Но почему, скажи мне,
каждый вечер

звезда восходит в той же стороне,
как будто мы
условились о встрече?

Я помню дни счастливые,
когда
все между нами было по-другому.
Лишь поднималась на небо звезда –
как мы спускались
к берегу морскому.

Чтоб слушать волн
таинственную речь,
сливаться с нею
думами своими
и до утра
свою Звезду
стеречь,
чтоб вдруг не затерялась
меж другими.

Мы верили,
что дальняя звезда
горит для нас
и охранять нас будет,
пока она над нами –
никогда
случайный снег
нам чувства не остудит...

Где ты сейчас?
Какой простор открыт
глазам твоим?
Что полнит их печалью?..
А та звезда –
она горит. Горит!
Но я теперь
один ее
встречаю...

Перевод А. Пчелкина

ПОЭТ

Кто ты, поэт?
И где границы мира,
в котором ты живешь?
Где остров
твоих надежд,
земля твоей любви?

Пастух,
окарауливая стадо,
взволнованно следит за ним.
И ночью
глаз не сомкнет он.
Любит он
олений.

Иные же —
всегда открытой душу
хранят для моря,
и оно из них
уходит шумно
лишь с последним вздохом.

Геолог любит камни. И во сне
он неустанно ищет их. А утром
все тело его
каменно
гудит.

А ты, поэт,
чем жив, скажи?
Что любишь?
Быть может, все —
и камни, и цветы,
моря и земли?..
Может быть. Не знаю.

Я мыслью не постиг еще
тот мир,
ту землю, где с рожденья человека
живет народ поэтов.

Что ж, наверно,
путь в ту страну
пока мне не под силу.
Там ярок свет,
но там на стенах
иней.

Но если бы
я все же стал поэтом —
и в той стране я бы остался сыном
своей земли,
певцом твоих свершений,
достойный песен,
брат мой,
Человек!

Перевод А. Пчелкина

Юкагиры

Геннадий ДЬЯЧКОВ

Геннадий Алексеевич Дьячков (1946–1983) родился в с. Нелёмное в Якутии. Служил на Тихоокеанском флоте, учился в Красноярском политехническом ин-те и Московском государственном ун-те. Писал на русском языке. Стихотворения публиковались в 1980–1990-х гг.

Это что здесь за следы
От кусточка до кусточка?
Бороздки, точки, точки
Аккуратны и просты.

Вот и тех следов хозяин,
В серой шубке вышла мышь.
А в зубах несет камыш,
Утеплять детишкам спальню.

Тут явился к ним сосед.
Он приносит горсть брусники,
Детям хвостик воробыхи,
Что валялся много лет
По кладовкам и амбарам.
И обычный разговор,
Что сова – разбойник, вор,
По ночам на ели старой
Загулявших стережет
И ни старым, и ни малым,
Попадись лишь ей ты в лапы,
Всем пощады не дает.

Кот болен – в квартире никто не проказит,
И в блюдечке киснет его молоко,
Цветы неизмятые высохли в вазе,
И с желтым мячом не играет никто.

Не просится больше он к нам на колени
И нас не встречает обычным мур-мур,
Он ходит, сидит молчаливее тени
И полные граций не ставит фигур.

В болезни своей он похож на ребенка,
Не скажет, где больно, потухли глаза,
Лишь только порою мяукнет тихонько,
И смотрит в окно на застуженный сад.

Но сам Айболит постучался к нам в двери,
Пропахший микстурой, аптечка при нем.
Ощупал, послушал послушного зверя,
Рецепт на латыни вручил нам потом.

Мы с ложки лекарством поили больного,
И вот на неделе приходим мы в дом –
Измяты цветы, пол у блюдечка мокрый,
В квартире бедлам.
Мы довольны котом!

Раздавил на дороге жука.
Он бродил, мохноногий и важный,
А теперь он подобьем плевка
По асфальту сырому размазан.
Воронное крыло летуна
Шелухой лежит в сторонке.
Наклонилась сама тишина
Над погубленным звуком тонким.
Был я дурно настроен и зол,
А жучок мне попался под руку.
Под ботинком он только щелк –
Вот и нету жучиного духа.

Безрассудная ярость слепа,
Жаль, всегда за нее в ответе
Не источники бедствий и зла,
А невинные дети планеты.

Когда над сонностью реки
Зари вечерней лягут блики,
Засяду я у лампы тихой
Писать осенние стихи.
Вновь уведет меня строка
От огоньков деревни мирной.
И лишь слышны издалика
Собачий лай и выстрел сильный.
В моей печи трещат дрова,
И чайник словно кот мурлычит.
Полна дурмана голова —
Мир осени, как мир открытий.
А за окном пустеет двор.
Окутан синею прохладой.
И вновь горит небес простор,
Рассыпав звезд далеких стадо.
Где ты, услышишь ли меня,
Меня, склоненного у лампы?
Лучи зари на склоне дня,
Как кошек ласковые лапы.
И кажется, в неясный мрак
Ты в темно-синем одеянье,
Как тени ветреной игра,
Ко мне приходишь на свиданье.
Идешь пустым уже двором,
Большая, словно тень от крыши,
Иходишь в мой забытый дом,
Как все желанные, неслышно.

Я к тебе возвращусь после ветра и поля,
После пыльных дорог по суровой земле.
Как прирученный ворон снова хочет неволи
Так мечтаю и я о любви и тепле.

Я к тебе возвращусь, нет преград кроме смерти.
Все подвластно любви на планете людей.
Если я не вернусь, возвратится мой ветер,
Чтоб коснуться тебя посреди площадей.

Целый мир обойду, чтоб к тебе возвратиться.
Этот мир без тебя, словно небо без звезд.
Даже если умру, я надеюсь присниться.
Я в окно постучусь канонадою гроз.

Что ж ты, береза, раньше пожелтела,
Над рекой холодной гнешься белым телом.
Листья-запятые, листья-многоточья
Медленно роняешь днем и тихой ночью.

Медленно роняешь в зеркала раздумий,
Словно доверяешь речке тихой думы.

Загадаю втайне мысль о скорой встрече,
Как сгоришь, береза, над холодной речкой.

Мой опустевший старый дом,
Где стены бьют земле поклон,
А крыша латаная сплошь,
Все ж протекает в сильный дождь.

Нет сил вернуться мне к тебе,
Припасть к твоей сырой земле
И спать в знакомой мне тиши,
Где лишь огонь в печи трещит.

Мне тесен стал твой малый быт,
И мной покой давно забыт.
Когда усну навеки я,
Навек свезут к тебе меня.

Николай КУРИЛОВ

Николай Николаевич Курилов (Окат Бэй) родился в 1949 г. в с. Андрушкино (Якутия). Окончил Красноярское художественно-графическое училище им. В.И. Сурикова. Работал учителем рисования в школе, фотокорреспондентом. Пишет на юкагирском языке. Первый поэтический сб. «Цветы тундры» вышел в переводе на якутский язык в 1982 г. В переводе на русский язык изданы поэтические кн. «Снега... Снега...», «Морошка и солнце». Живет в Якутии.

Юкагирский язык мой,
Какой же ты сильный и древний!
Не смогли погresti тебя
Тысячелетий пласты:
Прорастали слова твои,
Словно большие деревья,
Из-под стонов ушедших веков,
Из глухой мерзлоты.

Это ты был опорой
Народу в те давние годы,
Когда нас изнуряли
Болезни и голод, невзгоды.
И когда юкагир умирал,
То в предсмертной тоске
Он последнее слово
Шептал на родном языке.

Юкагирский язык мой,
Какой же ты древний и гордый!
Мы не знаем теперь,
Что такое голодные годы...
Но хотелось бы мне,
Чтоб и внуки гордились тобой
И свой мир красоты
Сотворяли твоей красотой.

Как боюсь я.
Что смогут потом не простить нас потомки,

Если мы позабудем тебя
И уйдешь ты в потемки,
Если мы не сумеем
Для правнуков наших сберечь
Наше счастье, наследье –
Тебя, юкагирская речь.

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Наверно, так возлюбленную ждем...
Ждал таянья снегов я как влюбленный,
Казалось мне – весенним ясным днем
Прольется дождь, весною окрыленный.

Но незаметно дождь пришел ко мне,
Когда весенний сон сморил округу.
Я встретил первый дождик в тишине,
Идя неспешно по ночному лугу.

И хоть я вымок, под дождем бредя,
Но как прекрасно было это пенье –
Приветливое пение дождя.
К плечам и волосам прикосновение.

Слова –
Олени мыслей, –
Это чудо,
Когда, через язык другой пройдя,
Они к нам возвращаются оттуда,
С собой оленей новых
Приведя.
Слова-олени
В жизни много значат,
Чем больше их,
Тем радостней идти.
Я становлюсь мудрее
И богаче,
Олени
Помогают мне в пути!

Снег скрипит, пробегает поземка,
Хорошо, что пришли холода!
В небесах промороженных звонко
Зазвенела звезда.

Посмотри, как олени резвятся,
Словно в бубен —

удары копыт,
И земля, чтоб за ними угнаться,
В синей бездне быстрее летит.

Жутко в тундре долгою зимою,
Страшно в зоне вечной мерзлоты...
Мчатся нарты снежной целиною —
Лишь темнеют кое-где кусты...
Стынет в сердце смутная тревога.
Высоко Полярная звезда.
Бесконечна темная дорога —
Словно убегает в никуда...

Это было...
Нынче перед нами
Распахнулся солнечный простор.
Птицы бьют окрепшими крылами.
И цветы — как праздничный ковер.

Зимний холод тундру не погубит,
Не убьет весенние мечты!
Все поет,

все светится,
все любит
В этой зоне вечной мерзлоты!

ИСТОКИ ПЕСЕН

Под полозья быстрых нарт
Снега легли,
Отдается перезвон копыт
Вдали.
Для меня прекрасней в мире
Песни нет,

Пусть летят олени тундрой
Сотни лет!
Из чащобы тальниковой —
Сторонись! —
Куропатки вылетают —
Только свист!
Прозвеневшей песни крыльев
Лучше нет,
Вы взлетайте, куропатки,
Сотни лет!
Как пойдет, пойдет снежок
Наискосок
Да ударит шалый ветер
Мне в висок!
Песен снега, песен ветра
Слаще нет,
Вы вихритесь, снег и ветер,
Сотни лет!
Что же спрашивать-то, люди,
Где я взял
Песни тундры,
Что привольно распевал!

ЖИВУ В ЧЕРСКОМ*

На вершине планеты Земля
Я вдыхаю
Тундровый воздух.
Вечереют у неба края,
Загораются
Синие звезды...
«Эй, охотник космических трасс,
Навести нас,
Откликнись,
Где ты?..»
Но все тихо в полночный час,
Лишь плывут по орбитам планеты.
...Все же верую я живу,
Что мы встретимся непременно,

* Черский — поселок на севере Якутии.

Трубку выкурим на ветру.
Подивимся,
Что все наяву,
Что близки пути
Во Вселенной!

ХРАНИТЕ СЛОВО

Среди травы густой, зеленой
Я не спеша по тундре шел.
И вдруг легендой отдаленной
Передо мной – лачидэдол*.
Уже не петь мне песен древних,
Склонясь над этим очагом,
И с наконечником из кремня
Мне не размахивать копьем.
Не зачищать олени шкуры
Осколком камня, что остер,
Не раздувать мне утром хмурым
Для рода моего костер.
Ах, память, память. Может, снова
Меня вернешь через века,
Чтоб воскресил я предков слово!..
Но больно память коротка.
Лачидэдол, что разжигали,
Хранит виденья древних снов,
А тайну слов уже едва ли
Поведать людям он готов.
Ведь время – главная преграда,
Наперекор ему – не быть...

Жалеть умерших слов не надо,
Нам бы живые – сохранить!

ГОНКА

В просторах перевьюженных
Трещит мороз сердито...
Как в бубен колотушкой,

* Лачидэдол – древний юкагирский очаг.

По насту бьют копыта!
Дороге не кончаться,
Вдоль берега реки
Мои олени мчатся
С землей вперегонки!

ВРЕМЯ ВОСХОДА

Лодка послушна, и весла легки,
Плавню скольжу я по глади реки!
А подо мною – иные миры,
Дремлют в них шуки, таятся чирьи.
Тишь нарушают лишь всплески весла,
Близится чуткое время восхода...
Облака тень, что, как рыба, бела,
Плавню уходит в глубокую воду.

ЕЗДОВЫЕ СОБАКИ

Я б поставил памятник собакам
Всюду, где они торили след...
Но планета велика, однако,
Да и камня столько в мире нет!

Люди тундрю спешат
И лесными тропами,
Тридцать шесть когтистых лап*
По планете топают.

В век ракет и реактивных сопел
Все куда-то ввысь людей несет.
Лишь собака путь проложит в сопках,
Лишь она осилит топь болот.

Снег и дождь собак сечет,
Обдувают ветры,
Продолжается отсчет
Тысяч километров.

* В юкагирской упряжке обычно девять собак.

Люди тундрою спешат
И лесными тропами.
Тридцать шесть когтистых лап
По планете топают.

РАССТАВАНИЕ

Последние уходят корабли,
Отфыркиваясь, будто бы олени...
И заштрихован небосвод вдали
То ль дождевой, то ль снеговою тенью.
Но курс проложен все-таки туда,
Иных путей к материку не сыщешь...
Хотя, быть может, там и глыбы льда,
И штормовой метелящий ветрище.
Для кораблей не строят автострад,
Им от волны к волне торить дорогу...
На пирсе молча докеры стоят,
Пытаясь скрыть о морях тревогу.
И я печалюсь — до весны ушли
Мои друзья.
Пусть будет путь их светел!
Быстрее бы вернулись корабли,
Чтоб я друзей
Приветным криком встретил!

Улуру АДО

Улуру Адо — «Сын Озера» (Гавриил Николаевич Курилов) родился в 1938 г. Окончил Ленинградский педагогический ин-т им. А.И. Герцена и аспирантуру Ин-та языкознания АН СССР, кандидат филологических наук. Сотрудник Ин-та языка, литературы и истории Якутского НЦ СО РАН. Разработал проект юкагирского алфавита, создал первый юкагирский букварь, русско-юкагирский словарь на 20 тыс. слов. Пишет на юкагирском и русском языках. Стихи и рассказы публикует с 1961 г. Автор многих поэтических сб., в том числе таких, как «Песня звонких копыт», «Проталины», «Гул полярного сияния», «Милая Лабунмэдэну». Живет в Якутске.

Посмотрите, люди Земли:
юкагиры костер развели.

Пусть он жалок еще и мал,
но ведь жарок уже и ал!

Приходите, братья, к костру —
наших песен вкусить простоту.

Принесите, подкиньте дровец
в наш огонь, в наш пожар сердец —

чтобы он веселей запел,
чтобы звезды крылом задел,

чтоб увидел огромный мир
огонек, что зажег юкагир!

Перевод Г. Плисецкого

Сопка спит, под снегом дышит,
как медведь в берлоге спит,
и, наверное, не слышит,
как пурга скулит.

Или, может, сон ей снится:
лето у реки,
и над нею — пенье птицы,
а не вой пурги?

Или под навалом снега
просто ждет, когда сама
от себя укроет эта
бесконечная зима?

Спи, гора, и не печалься,
в солнце верь во мгле ночей,
верь: еще оттают пальцы
обмороженных лучей.

Жди, пока земля проснется,
зиму проклинай, гора...
Ну, а я навстречу солнцу
собираюсь. Мне пора.

Перевод Г. Плисецкого

СКАЧКИ

Свист вожжей на ветру:
ну-ка, друг!
Снег пуржит на ветру:
ну-ка, друг!

Мне кричат: «Ну-ка, друг,
не споткнись!
Ты ногой от заструг
оттолкнись!»

Порезвись, мой хорей,
порезвись!
Вдохновись, мой олень,
вдохновись!

Ты по наледи мчись,
не сверни!

Ой, сугроб, раздробись
на огни!

Ой, туман, расцветись
как дуга!
И быку опустишь
на рога!..

Разлетись в пух и прах,
лед и снег!
Ни грустинки в глазах —
только смех.

Перевод Н. Грудининой

ОЗЕРО

Озеро не пело, не кричало —
камышы прибрежные качало.
Камышам прибрежным и осоке
озеро чуть слышно говорило:
«Я умру — а вы еще постоите
в карауле у моей могилы...»
Так шептало озеро пустое
камышам и травам, спящим стоя.

И смотрело, грустное, на зиму,
что спускалась медленно в низину
и шагами принималась мерить
опустевший, онемевший берег.
Солнце неуклюжею улиткой
еле выползло на дальний гребень,
задержалось ненадолго в небе,
улыбаясь грустной улыбкой.

Засияла в озере водица...
чтобы вскоре до весны забыться.

Перевод Г. Плисецкого

СЕТЬ

Над землею весна
сети ставит.
Кого ловит она —
каждый знает.
Как поймает беглеца —
над землей повесит:
чтоб ударил в сердца
запах весен,
чтоб журчали ручьи
из-под снега,
чтоб сияли лучи
среди неба...

Перевод Г. Плисецкого

Очи девушек моей холодной родины
черные, как черные смородины.
Не полярной чернотой ночей
черен взгляд девических очей.
Душу вам они не холодят —
с ласковой улыбкою глядят.

*

Речь красавиц наших не густа.
Не откроют попусту уста
для обмена сплетнями досужими.
Вынимают изо рта жемчужины,
нижут на невидимые нити.
Не нанижут лишнюю — не ждите!

*

Гибче тальника
у северянки талия,
тальника, что на ветру качается...
А походкой легкою —
с красавицей
соревнуясь, горностаи отчаются!

Перевод Г. Плисецкого

Мечтаю написать строку,
чтобы звучала на бегу,
словно полозья на снегу.
Мечтаю.

Чтоб сердце, слыша этот звук,
усталость забывало вдруг,
воспрянув, ускоряло стук —
мечтаю.

Чтоб, как полозья, стих скользил
и, прибавляя людям сил,
к мечте далекой уносил —
мечтаю.

Перевод Г. Плисецкого

Что для Солнца
Земля наша?
Точка!

Это точно.

Ну, а Солнце —
что без Земли?
Просто шар
раскаленный
вдали...

Мал мой мир.
Не для всех интересен.
И тесна колыбель моих песен.
И не каждый поймет их.

Я пою об оленьих помётах!

Ведь если их видеть не буду,
их запахи позабуду —

разве буду я Севера сыном?
Разве буду я юкагиром?

Перевод Г. Плисецкого

ИДИЛВЕЙ

*Фольклорная поэма
Фрагменты*

День испытанья настал, и люди
взяли с собой Идилвея, чтобы
в деле охоты его проверить,
может ли быть он «эвьё ерүчэ».
С маньщиками ловцы оленей
к северу тронулись, Идилвея
и Чайлэру у реки оставив,
где начинался их путь к оленям –
жизни охотничьей трудный путь.

За Чайлэру Идилвей по тундре,
не отставая, бежал и вскоре
стадо оленей диких увидел.
Стадо паслось на краю долины
так далеко, что заметно было
только по-птичьи острому глазу.
«Может быть, мы остальных дождемся,
маньщиков пусть приведут для ловли», –
так Чайлэру сказал Идилвею.
«Э, неизвестно, когда придут, –
так Чайлэру Идилвей ответил. –
Я за оленем сбегаю сам».

Он побежал, за холмами прячась,
скрытно ложбинами пробираясь,
за тальником кудрявым скрываясь.
Был там недолго – и вот уж гонит
друхоговалого, тальниковой
веткой его по бокам стегая.
Пред Чайлэру повалил оленя,
ножиком острым проткнул затылок –
и, отворив убитому горло,
руки в крови омыл Идилвей.

В сторону, где поднималось солнце,
кровью пробрызгав, охотник начал
песню, как это велит обычай:

«Бабушка-Земля, отведай крови!
И спасибо, что ты мне даешь
счастье в поисках, удачу в ловле –
я иду, куда меня ведешь!
Помогай и впредь, когда на ловлю
мне еще придется выходить!
Я тебя за это свежей кровью
буду чаще радовать – кормить!»

В сторону, где опускалось солнце,
кровью побрызгал охотник тоже,
чтобы и ту половину тундры
не обойти благодарной жертвой.
И Чайлэру, увидав все это,
только сказал: «Хорошо!» – а больше
не говорил он: не полагалось.
В тундре закон охоты суров.

А Идилвей уж с горячей туши
шкуру снимал, потрошил желудок,
жир вынимал межсуставный, печень,
чтобы обжечь на костре, готовил.
Тушу разделав, накрыл он шкурой,
для перевозки мясо сложивши.
Тут подросли и остальные,
видят: и маньщиков-то не надо,
да и к разделке-то опоздали.
Родичи радовались, что племя
обогадилось ловцом умелым,
и, восхищаясь, лишь головами
дружно качали, но молча, молча:
слов говорить им не полагалось.
В тундре закон охоты суров.

Быстро расцвел костер под рукою
неутомимого Идилвея,
сам же он песню завел, бросая
мясо в огонь, как велит обычай:

«Дедушка-Огонь, вкушай досыта
запах мяса свежего! Прими
всё, что мною для тебя добыто,
и добычей поделись с людьми.

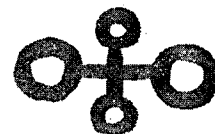
**Бабушка-Земля, поешь досыта
свежанины, чем богаты мы!
Мир людей умерших и убитых,
эту жертву от живых прими!
Все, кто помогает мне в охоте,
будьте сыты и довольны мной.
Я живу, покада вы живете,
охраняя путь по тундре мой!»**

Все после этого ели мясо — неторопливо, чтоб сытость дольше в мышцах и внутренностях держалась. Ну, а потом все домой вернулись. Лишь Идилвей оставался в тундре, мясо для родичей добывая, как полноправный охотник, впрок.

С этой поры вся округа стала звать Идилвея «эвье еручэ», ведь настоящим ловцом он вырос, сделался настоящим кормильцем.

Перевод А. Преловского

Эскимосы

Юрий АНКО

Юрий Михайлович Анко (1930–1960) родился в с. Чаплино на Чукотке в семье зверобоя. Учился в Ленинградском педагогическом ин-те им. А.И. Герцена. Стал заниматься в аэроклубе, уйдя из ин-та, поступил в военно-летное училище. В 1954 г. вернулся на Чукотку, работал помощником капитана зверобойного судна, пилотом анадьрского авиаподразделения. В 1958 г. окончил Анадырское педагогическое училище. Писал на эскимосском языке. Первые стихи появились в студенческом рукописном журнале. В 1957 г. в Москве на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов исполнил свои стихи и песни. Первая кн. «Малыши» вышла в 1959 г. (русский перевод В. Португалова). В Магадане на эскимосском языке изданы сб. «Эскимосские этюды», «Всегда в полете», «Яку», «Чайка».

ОХОТНИК НА МОРЗВЕРЯ

Бухта замерзла –
 время охоты пришло.
Осеннее утро –
 самое лучшее время.
Выныривает морзверь,
 на льдине лежит тяжело,
надо нам снять с нее
 это тяжкое бремя.
В утренней тишине
 заманчив выход на кромку.
К лежбищу – напрямик –
 ближе шагами быстрыми.

Под торбасами снег
 поскрипывает негромко,
 и гулко во все концы
 эхо разносит выстрелы.
 В ясный солнечный день
 и в штилевую погоду
 охота в прибрежных льдах
 большую добычу сулит.
 А на вечерней заре
 надо кончать охоту
 и возвращаться домой —
 так обычай велит.
 Обычай велит: детям —
 лакомые кусочки,
 пусть наедятся влать,
 не надо их торопить.
 Женщинам — туши зверей
 разделить без проволочки.
 Охотникам у костров —
 чай ароматный пить.

Перевод А. Черевченко

УНАЗИКСКИЕ ДЕВУШКИ

Насмешки и подначки,
 девичий каприз...
 Идет игра в пятнашки,
 ка-а, ки-ис!
 — Ах, девушки, ведь с песней
 играть наверняка
 нам будет интересней,
 ки-ис, ка-а!
 Они поют и спорят,
 игрою увлеклись.
 Байдары вышли в море,
 ка-а, ки-ис!
 В свою удачу веря,
 умея рисковать,
 там парни бьют морзверя,
 ки-ис, ка-а!
 Они вернутся с песней,

с добычей
 в свой черед.
 И встретит их беспечный
 девичий
 хоровод:
 — Красивые невесты
 вас ждали-заждались.
 Давайте будем вместе,
 ка-а, ки-ис,
 отважные вы наши,
 литые, как скала,
 петь и играть в пятнашки,
 ки-ис, ка-а!

Перевод А. Черевченко

УНАЗИК

В пожарище заката, напрямик,
 впервые мы летим
 на материк.
 Уже почти не виден под крылом
 Уназик —
 родительский наш дом.
 Там, древними метелями звеня,
 простилась с нами
 вечно молодая,
 исхоженная дедами земля,
 отважными отцами обжитая.
 И утреннее солнце,
 и мираж
 над сонной тундрой,
 и ее сугробы —
 все это нашей юности багаж
 на долгий срок
 разлуки и учебы.
 Не забывай
 и сохрани как дар
 гудок сирены маяка в тумане
 и пенный след охотничьих байдар,
 тяжелых от добычи в океане.
 И рокот руль-мотора в тишине,

и цепкую посадку рулевого,
и оперенье чайк на волне,
горячий чай, напутственное слово.
И как потом

на взлетной полосе
в ушах твоих
не молкнул звук ярара,
глазам твоим
все чудилась байдара,
застывшая на галечной косе...

Проходят годы – время быстро мчится.
Сегодня уезжаем мы учиться,
и долгая разлука настает.
Жди, Уназик!

Твой летчик приземлится,
твой врач откроет
новую больницу,
учитель в школу новую войдет.

Перевод А. Червченко

Татьяна АЧИРГИНА

Татьяна Юрьевна Ачиргина родилась в 1944 г. в с. Марково на Чукотке в семье первого эскимосского юриста. Мать происходила из известного чуванского рода Дьячковых. Окончила факультет журналистики Уральского ун-та (1965). Была на комсомольской и партийной работе. Стихи пишет на русском языке. В 1982 г. в Магадане вышла первая книга «Белоночь». Живет в Анадыре.

В БУХТЕ ПРОВИДЕНИЯ

Отцу

Глядел на эти скалы
мой молодой отец –
на гордый многоглавый,
на каменный венец.

Прародичи вот этого
морского попугая,
франтами одетые,
носились дружной стаей!

Братался дождик весело
с брызгами волны –
и вкусным было месиво
моря и – весны!

Смерть была не явлена,
не явлена пока,
и всю румянилась
смуглая щека!

И все было обещано –
и слава, и венец,
и с сероглазой женщиной
скрепление колец!

...Он умер в двадцать восемь лет,
да, в двадцать восемь лет,

и я теперь везде ловлю
его далекий свет,

Столб воздуха — он держит
все те же небеса,
я смотрю под ними
отцу глаза в глаза.

И ветер треплет бешено
черные вихры,
и радуга — над ними
от моря
до горы!..

Мне счастья
известны приметы,
знакомы
и радость и грусть.
Почти на макушке планеты
я в синее море смотрюсь.
Прозрачна от солнца
байдара,
и ветер
поет в вышине,
и в этой байдаре янтарной
скольжу я
по синей волне!

И с этой
байдары упругой
я руку
спускаю к воде
и имя далекого друга
пишу, как на белом листе.
И радостно мне
и тревожно:
ведь в сердце
рождается вновь,
вынынчиваясь осторожно,
забытое чувство —
любовь...

ПЕСНИ ХОЗЯЙКИ

Е.М. Воронцовой

1

Схожу накопаю кореньев,
тузлук заварю для икры,
душистым наполню вареньем
все банки —

до зимней поры.

Разделаю рыбу проворно,
что сетью в реке наловлю,
и в бочке
дубовой, просторной
пластами ее засолю.

Пусть славится дом
хлебосольством,
весельем друзей и родни,
пусть служат
добру и довольству
мои хлопотливые дни!

2

Ну, иди!
И пусть будет удача!
Заскрипит под полозьями снег,
как и ты, нетерпеньем охвачен,
твой вожак
начинает разбег.

— Хак-хак-хак! —
и упряжка умчится.
Заметает поземка твой след,
позолоченный солнцем,
искрится
от мороза колючий рассвет.

Терпелив будь, хитер и отважен!
Возвращайся с добычей,
и мне
каждый встречный на улице скажет:

вот я стою —
и нет во мне бравады!

Дай, тундра, силы вновь
и докажи
в который раз, что есть на свете чудо,
и острые травники покажи,
под толщей снега скрытой до минуты,
той самой, долгожданной и родной,
которая из века в век приходит,
хозяйкою

в твои просторы входит,
сулит тепло и дождик проливной.

Оттаиваю лунку на снегу,
с надеждой приникаю к толще белой
и оторваться взглядом не могу
от веточки ольхи заиндевелой.
И чистый запах снега и земли,
так схожий с ароматом зрелой груши,
полнит не только легкие,
но душу

и, очищая,
снова жить велит.
Спасибо, тундра, я приду опять,
приду как дочь —
всплакнуть иль рассмеяться,
приду опять полынь твою размять,
все передумать, всю тебя обнять
и в сотый раз
в любви к тебе
признаться!

Да, влюбчива!
Влюбляюсь сразу.
Достаточно
пяти минут.
Лишь малозначащие фразы
произнесу,
уж тут как тут —

зависимость и беззащитность,
застенчивость и немота,
отчаянье, надежда, скрытность,
бессонница и маета...
Да, влюбчива.

Но перед этим
и год, и три,
а то и пять
к необитаемой планете
себя могла бы

приравнять.
Так холодна и неудобна,
так неприкаянно ничья!
В любые, кажется, края
я сгнула бы
безрассудно!
Напрасно хочется влюбиться.
Не то... не этот... нет, не тот!..
А может, сдаться и польститься?
Предать себя, забыть? Забыться?
Но сердце

рвется ввысь, как птица,
и забываться не дает.
Я избирательности этой
уже не рада и сама,
у сердца
требую ответа,
а в сердце —

горе от ума.
И в задушевном разговоре
клянусь
сердечный уют!
А в общем, влюбчива...
не спорю...

Достаточно
пяти минут!

В Сирениках такой простор!
В Сирениках такие дали!
Они мне ягельный ковер
под ноги щедро расстлали.

Взобравшись на вершину сопки,
я видела:

 кругла Земля,
был нежен контур корабля,
возникший вдруг на горизонте.

На месте древних поселений
я коротала вечера,
и пролетали как мгновенья
часы у древнего костра.

Здесь вновь,
 как много лет назад,
байдары уходили в море,
и женщины влюбленный взгляд
терял их на морском просторе.

Земля и деда, и отца!
Тебя, как тайну, открываю,
и, не стирая слез с лица,
себя —

 иную — обретаю!..

БАБУШКЕ МОЕЙ АГРАФЕНЕ ДАНИЛОВНЕ

Отжила свое.

 Отработала.

 Откормила.

Восьмерых

 в нелегкую пору растила.

Оплетен был узлом

 каждый палец

 смуглой ее ладони —

от шитья, постирушек,

 вязанья сеток

 да едкой соли.

Стрекотала машинка —

год с годочком

 сшивала вместе:

горе — с радостью,

зиму — с веснами,

 песню — с песней!

Притачала к судьбе своей

 судьбы наши —

и будет вечно!

Неразрывна нить.

Бесконечна Жизнь.

Бесконечна!

Я вышла к морю. Вечерело.
Прибой бил у скалистых стен,
и сопка рядышком темнела,
как крепко спящий пеликен.

Горбатился здесь на помосте
уставшего вельбота киль —
пробороздил он на охоте
все шестьдесят соленых миль.

— Мать-море, — морю я сказала, —
скажи: я правильно жила? —
А море мне в ответ пригнало
обломок старого весла.

И я встревожилась, ведь это —
далекого крушенья знак.
Быть может, я кому-то где-то
по жизни сделала не так?..

— Брат-ветер, — я затем спросила, —
ответь: что станет со мной? —
Но ветер, дувший с ровной силой,
затих. И только, холодна,
морскою горькою слезою
омыла ноги мне волна...

— О, небо, — небу я сказала, —
ты выше наших горных круч!
Мне долго ль жить еще пристало?
В щель между вод и между туч

вдруг небо мне в ответ послало
сияющий зеленый луч!..

Так говорила я с природой,
осмысливала цвет и звук,
движения, излом и круг,
и сумеречный свет, и воду.

Разгадывала их язык,
их знаки – радостны ль, печальны ль?
Я посвященной в этот миг
себя почувствовала в тайны
родной земли, родных пространств,
где я когда-то народилась,
и это чудо длилось, длилось!..
И – без затейливых лекарств –
душа сама собой лечилась!..

Зоя НЕНЛЮМКИНА

Зоя Николаевна Ненлюмкина родилась в 1950 г. в с. Наукан на Чукотке. Окончила Анадырское педагогическое училище. Студенткой вела передачи на родном языке по чукотскому радио. Пишет на эскимосском языке. Участвовала в первом Всероссийском семинаре молодых писателей Севера (1977). Первый сб. стихов «Птицы Наукана» (получивший премию Магаданского комсомола) вышел на эскимосском и русском языках в 1979 г. Лучшие стихи поэтессы составили сб. «Идти за солнцем» (1988, перевод А. Черевченко). В 1990 г. в Магадане на эскимосском языке вышла кн. стихов «Весна счастья». Живет в пос. Провидения на Чукотке.

ПЕРВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Емрону

Бесконечный снежинок полет...
Милый снег, ты надежный посредник!
Все впервые на свете, и вот
надеваю я белый передник.
А дорога моя коротка,
я ведь в школу шагаю торопко,
а дорога моя коротка,
потому что и счастье коротко!
И в начале счастливого дня,
у истоков огромной дороги,
вновь с улыбкой встречает меня
мой учитель на школьном пороге.
Бесконечный снежинок полет...
Милый снег, не снижайся, не падай!
Все впервые на свете, и вот
первый раз я за школьную партой.
И мой первый учитель опять,
забывая, что все это пройдено,
на доске начинает писать
изначальное: «мама» и «Родина».
Я слова эти следом шепчу,
их опять по слогам повторяю,
у него поучиться хочу

я любви к материнскому краю.
Хлопья снега кружат и кружат...
Милый снег – старый друг,
утешитель,
первоклассники в школу спешат –
их встречает мой первый учитель...

Перевод А. Червченко

ТЫ НЕ ОБМАНУЛСЯ

Черпая богатства у природы —
чистоту озер ее и рек,
добрые плоды ее и всходы,
ты не обманулся,

человек!

Ожидая от любимой ласки,
в странствиях надеясь
на ночлег,
доверяя другу без опаски,
ты не обманулся

человек!

В нашей светлой молодой Отчизне
все тебе принадлежит навек,
и, мечтая о счастливой жизни,
ты не обманулся,

человек!

Ты сегодня, как всегда, проснулся,
только лучик утренний коснулся
радостно

ТВОИХ СМЕЖЕННЫХ ВЕК.

Так давай же вместе,
человек,
поступать по чести,
человек,
чтобы в нас

никто не обманулся!

Перевод А. Червченко

МЕСЯЦ БЕЛЬКОВ*

Вы спросите меня:

Зоя,

где на земле
есть длинней, чем в Наукане, весна?
Я отвечу:

НЕ ТАМ,

где проводят в тепле

люди жизнь,

там весна не нужна...

В Наукане,

где солнце проснулось давно,

а земля досыпает

в снегах,

лишь лицо, может, руки коричневые,

HO

ОСТАЛЬНОЕ ТОМИТСЯ В МЕХАХ.

На Чукотке – весна,

светлый Месяц Бельков,

не сидится в домах ребятне,

и негромкая радость в глазах стариков:

дождались, —

вам понятна и мне.

Вы спросите меня:

где еще на земле

ждут весну так сердца и умы?

Я отвечаю:

не там, где живется в тепле

и не знают чукотской зимы...

Перевод А. Червченко

ПЕСНЯ СТАРОГО ОХОТНИКА

Годы лицо несмываемо метят,
жаль мне, что сделать всего не успел,
но еще долго на этой планете
жить будет та, для которой я пел.

* Белек — детеныш тюленя.

Песня – это ты.
Танец – это я.
Айи-я-н'ы.
Айи-а-йя.

Помню, что пережил я
и что прожил.
Встречи с тобой были радостью сплошь.
Ты и сейчас всех красивей,
моложе,
пляшешь всех лучше
и лучше поешь.

Песня – это ты.
Танец – это я.
Айи-я-н'ы.
Айи-а-йя.

Разве мне думалось, что постарею.
Ближе холодное небытие.
Но улыбаюсь тебе
как умею,
счастье мое.

Песня – это ты.
Танец – это я.
Айи-я-н'ы.

Перевод А. Червченко

ТАУГАЛЪУ?*

Одиночество
так начинается:
пурги метут без конца,
белая стужа врывается
в улицы и сердца.
В ночь одиночества
я не умею молчать –

* Таугалъу? (эским.) – Что случилось?

хочется, хочется
в ваши дома и сердца
постучать:
чем вам помочь
у беды на краю –
таугалъу?
Вам хорошо? Вам тепло?
Не скучаете? Сытно едите?
Через двойное стекло
изумленно глядите?
Знать вам не хочется,
что дуновением стужи
ночь одиночества
чьи-то коверкает души?
Встаньте, спасите
того, кто живет по соседству!
Просто спросите
его одинокое сердце:
что же настигло
печальную душу твою –
таугалъу?
Я к вам пришла,
потому что и мне одиноко.
Долгой была
по глубокому снегу дорога.
Вас потревожила я,
замечаю, –
простите,
не прогоняйте,
налейте мне чаю,
спросите,
о чем я пою, –
таугалъу?

Перевод А. Червченко

Давно уж хотела спросить,
как по-вашему будет –
я люблю тебя.
Ты молчишь –
видно, мысли на солнце растаяли.

Я отвечу сама:
 все равно, на каком языке это сказано,
 но любовь – не слова.
 Здесь она –
 в моем сердце.
 Разве скажешь словами о ней...
 Говоришь ты – притворство она.
 Нет!
 Любовь – сирота.
 Дорогая.
 Большая.
 Бесценная наша любовь.

Перевод С. Дорохова

ЗАКЛИНАНИЕ

Зачем осенним небесам
 нужна голубизна?
 Она нужна твоим глазам –
 воистину нужна!
 Быть может, небо до сих пор
 у глаз твоих в долгу,
 коль в голубой его костер
 взглянуть я не могу?
 Ведь в том костре
 дотла, дотла
 твой самолет сгорел.
 Но я смогла,
 смогла,
 смогла!
 А ты бы посмотрел?
 Зачем осенним небесам
 такая синева?
 Она нужна твоим глазам,
 а мне нужны слова,
 чтоб рассказать тебе о том,
 как я одна, одна
 вхожу в пустой постылый дом
 и маюсь дотемна.
 Мне плакать хочется – смеюсь,
 но горек смех, увы.

Мне в тундру хочется – боюсь
 высокой синевы!..
 Я ни за что и никогда
 ей грусти не прощу.
 «Анук'ысе, кина к'агна!»* –
 я порчу напущу
 на эту ясную лазурь,
 на синий небосвод:
 «Очнитесь, ветры зимних бурь!
 Спешите, метель, в полет!
 Чтоб с этого лихого дня
 на много-много лет
 исчез в природе для меня
 проклятый синий цвет!
 И чтобы много дней подряд,
 как в глубине веков,
 искать голубоглазый взгляд
 в разрывах облаков...»

Перевод А. Черевченко

МОЛОДОЙ МАТЕРИ

Пусть не умеешь, но должна сама –
 сшить первенцу ты первую одежду,
 чтоб над шитьем задуматься впервые
 о том, каким он станет человеком.
 Ты – женщина, и с молоком твоим
 войдет в него не только сила жизни,
 но путь, которым он по ней пройдет,
 чтоб делом оправдать свое рождение...
 Его глаза глядят лишь на тебя,
 в тебе одной вселенная младенца,
 и ротик крошечный
 теряет и находит
 грудь материнскую –
 источник животворный.
 Еще не научившись улыбаться,

* Анук'ысе, кина к'агна! (эским.) – заклинание, с помощью которого науканские женщины якобы напускают порчу на погоду.

он плачет —
 ни минуты не печалась,
 он плачет —
 самый крошечный в яранге —
 и заполняет целый мир собой!
 Пусть не умеешь, но должна сама
 сшить первенцу ты первую одежду,
 чтоб над шитьем отчетливо представить
 его счастливым, добрым человеком.
 Ты — женщина,
 и все это впервые
 и навсегда зависит от тебя.

Перевод А. Черевченко

НАПУТСТВИЕ

Старик эскимос
 говорил юнцу,
 что собрался в далекий путь:
 — Жалость охотнику
 не к лицу,
 ну, а жаловаться —
 забудь.
 Увидишь, что верный друг твой едва
 не валится от усталости с ног, —
 знай, что ему нужны
 не слова,
 и не палку-клюку
 ему дай сперва,
 а плечо свое,
 чтоб идти он смог.
 Старик эскимос
 наставлял юнца,
 шагнувшего за порог:
 — Помни, что в мире
 сотни дорог
 и нет дорогам конца.
 Всякое встретится
 на пути —
 и человек, и зверь.
 Человека — узнай,

со зверьем — не шути,
 врага не прощай,
 друга прости,
 клеветнику — не верь.
 Трижды совет он,
 что жизнь плоха,
 что люди злы и глупы.
 Это конечно же
 чепуха,
 это труха и пыль.
 Всякое встретишь —
 и ложь, и нож, —
 думай,
 дерись,
 держись.
 Чем больше горя
 в пути хлебнешь,
 тем основательнее
 поймешь,
 как хороша жизнь.
 А люди сами
 решат вопрос,
 свой ты или чужой...
 Так говорил старик эскимос,
 человек с молодой душой.

Перевод А. Черевченко

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Последняя песня?
 Последняя в жизни мелодия?
 Но что это значит?
 Такой не слыхала в природе я!
 Последняя — значит,
 затихнет, прервется, устанет,
 слова потеряет
 и вовсе звучать перестанет!
 Взгляни же вокруг и прислушайся:
 в раннюю пору
 душа твоя вторит сама стоголосому хору,
 и зренья твое,

что в немом пребывало молчанье,
разбужено им и свое обретает звучанье.

И в сердце твоём

и повсюду — всецело с тобою
соната ручья,

колыбельная песня прибоя,
прелюдия ливня и зимнего ветра хоралы...
Последняя песня?

Простите, такой не слыхала!

Снежинка звенит,

и тотчас пробуждается тундра,
и радостным лаем

собачки приветствуют утро.

И все это — просто

мелодии новой рожденье,
ступень ее роста,

живое ее продолженье...

Так есть ли у жизни последняя песня?

Перевод А. Червченко

Отзвуки, преодолевшие века

В 1929–1930 годах в изобразительное искусство пришла целая плеяда замечательных художников-северян. В Ленинграде по инициативе профессора В.Г. Богораз-Тана был сформирован Институт народов Севера им. Н.Г. Смидовича (ИНС). Сюда направляли наиболее одаренную и активную молодежь из числа коренных малочисленных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока, потомственных рыбаков, оленеводов, охотников.

В ИНСе преподавали естествознание, математику, юриспруденцию, педагогику, экономику и промысловые дисциплины. Не все эти предметы давались северянам легко, ведь многие из них не знали даже элементарной грамоты. Вместе с тем многие студенты быстро обнаружили незаурядные способности к изобразительному творчеству.

В изокружке, а затем и в художественных мастерских талантливые педагоги П. Соколов, А. Успенский, Л. Месс воспитали плеяду замечательных художников. Творчество Панкова, Натускина, Лампай, Терентьевой, Ижимбина* положило начало новому изобразительному стилю в искусстве – северному примитиву. Преподаватели справедливо полагали, что северян не нужно учить художеству, необходимо помочь им выявить то, что заложено в них самой природой. Именно поэтому студентам-инсовцам поначалу не показывали ни одной картины, их не водили в музеи и на выставки. Но изо дня в день рождались у северян работы – особенные, яркие, многоцветные, словно летняя тундра или

Отзвуки, преодолевшие века

прозрачно-холодные, как арктический пейзаж. Контурное изображение фигур на их рисунках, в картинах и в скульптуре подчеркивает основное свойство всего живущего в природе – движение, характерное для древних наскальных изображений и детского творчества.

О северных примитивистах писатель Геннадий Гор как-то сказал: «Как палеологические рисунки на скалах и стенах пещер позволяют проникнуть сквозь тысячелетия к самым истокам древней живописи, так и картины художников-северян – словно отзвуки былого, преодолевшего века».

Впервые выставка художественных работ инсовцев проходила в 1929 году в Ленинграде в Русском музее. Затем, в 1936 году на ВСНХ в Москве, в 1937 – в Париже.

Сегодня работы северных художников 30-х годов составляют уникальную коллекцию в Российском государственном музее Арктики и Антарктики.

Надо понять, какой необычайно сложный путь проходили в творчестве художники-северяне. Еще недавно это были охотники с жизнью, совсем не похожей на тот мир, из которого приходили в искусство другие российские живописцы. Не имея представления о многовековых традициях западноевропейской и русской живописи (порой не видя ни одной картины), они оставили уникальное культурное наследие, многие стали выдающимися мастерами живописи и графики.

Е. ВАСИЛЬЕВА,
кандидат культурологии

*В этом книге воспроизведены фрагменты панно, которое было совместно написано Панковым, Ижимбиным и Натускиным в 1936 году (холст, масло. Фонды Российского Государственного Музея Арктики и Антарктики).

Библиография

ОБЩИЕ

Близок Крайний Север: Сб. произведений молодых писателей народностей Севера и Дальнего Востока / Вступ. ст. В. Санги; Сост. И. Буркова. – М., 1982 / П. Явтысый, А. Ходжер, Д. Апросимов, О. Воронова, В. Кейметинов, П. Лонки, А. Тарханов, А. Бажанов, Ю. Вэлла, Е. Зимин, Г. Поротов, Н. Курилов, А. Кривошапкин, Т. Ачиргина, Н. Оёгир, З. Ненлюмкина, К. Бельды, Н. Калитин, В. Тынескин, Л. Ненянг.

Весенний ледоход: Стихи поэтов народов Приамурья / Ред.-сост. Ю. Шестакова. – Хабаровск, 1943.

Дары тундры: Сб. стих. саамских поэтов / Пер. с саам. – Мурманск, 1993.

Книга нежности: Колыбельные песни народов СССР / Сост. В. Александров. – М., 1985 / Ю. Шесталов, О. Аксенова, Ю. Анко, А. Кымытваль.

Мансурова А.М., Огрызко В.В. Современная литература народов Севера и Дальнего Востока: В 2 ч. / Ч. 2 «Я унял земные боли...», «Поняла, что навеки ранена гимном солнца, реки и трав...». Поэзия. – М., 1996.

Николаев К. Голоса новой Чукотки: Лит. народностей Крайнего Северо-Востока. – Магадан, 1980.

Огрызко В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. – М.: Ч. 1 – 1998, Ч. 2 – 1999.

Первое солнце: Стихи / Пер. с эвен., долган., ненец. – Красноярск, 1969.

По тропам тайги: Сб. стихов эвенк. поэтов / Сост. М.Г. Воскобойников. – Л., 1957.

Пошатаева А.В. Литературы народов Севера / Истоки, становление, развитие. – М., 1988.

Поэты народов Сибири: Сб. – Новосибирск, 1967 / Б-ка сибирской поэзии: Ю. Шесталов, И. Истомин, Л. Лапцуй, Г. Пуйко, И. Юганпелик, В. Волдин, Г. Лазарев, Р. Ругин, М. Шульгин, А. Немтушкин.

Поэты Сибири: Сб. стихов / Сост. Ю.М. Мостков,

Библиография

А.И. Плитченко. – Новосибирск, 1971 / Б-ка сиб. поэзии: Ю. Шесталов, И. Истомин, Л. Лапцуй, Г. Пуйко, И. Юганпелик, В. Волдин, Г. Лазарев, Р. Ругин, М. Шульгин, П. Салтыков, А. Немтушкин.

Поэты Якутии / Сост. М. Ефимов, С. Шевков. – Новосибирск, 1977 / Б-ка сиб. поэзии: В. Лебедев, Улуро Адо.

Пою тебя, Чукотка: Стихи поэтов народностей Крайнего Северо-Востока / Сост. М. Эдидович. – Магадан, 1983.

Север поет: Стихи поэтов народов Севера / Предисл. Я. Торгашина. – Л., 1939.

Север поет: Стихи поэтов Крайнего Севера / Ред.-сост. Г.С. Семенов, М.А. Сергеев; Вступ. ст. Г. Гора. – Л., 1961.

Северные родники: Лит.-краевед. хрестоматия для Ямало-Ненецкого а. о. / Авт.-сост. Л.В. Федорова. – Сыктывкар, 1995.

Северные россыпи: Сб. творчества северян / Сост. Л. Лаптева. – Салехард, 1962.

Советская поэзия, т. II. – М., 1977 / Б-ка всемирн. лит. Т. 180: Г. Лазарев, А. Пассар, Ю. Анко, Л. Лапцуй, В. Санги, В. Коянто, Ю. Шесталов, Улуро Адо, А. Кымытваль.

Сплохи: Сб. стих. и поэм поэтов народностей Севера и Дальнего Востока / Сост. и автор вступ. ст. В. Санги. – М., 1987.

Стихи поэтов Севера / Сост. и предисл. В. Санги. – М., 1977.

ДОЛГАНЫ

Аксенова О. Бараксан: Стихи / Пер. с долган. В. Кравца. – Красноярск, 1973.

Аксенова О. Морошка: Стихи / Пер. с долган. Л. Яхнина. – М., 1980.

Аксенова О. Песни северного сияния: Стих. и поэма / Пер. с долган. А. Зорина. – М., 1982.

Аксенова О. Приезжайте в тундру к нам: Стихи для дошкольного возраста / Пер. с долган. Л. Яхнина. – М., 1987.

Аксенова О. Талые воды: Стихи и поэма / Пер. с долган. А. Зорина. – М., 1989.

Аксенова О. Признание в любви: Избр. / Долган. нар. сказки, песни, стихи, поэма. – М., 1996.

ИТЕЛЬМЭНЫ

Поротов Г. Ое: Стихи. – Владивосток, 1967.

Поротов Г. Песни страны Уйкоаль: Песни, стихи, поэмы / Вступ. ст. В. Санги. – М., 1975.

Поротов Г. Камчатский мотив: Стихи, поэма. – Петропавловск-Камчатский, 1984.

Поротов Г. Ветер жизни: Стихи. – Петропавловск-Камчатский, 1986.

Поротов Г. Стихотворения и поэмы / Послесл. Н. Селивановой. – Петропавловск-Камчатский, 1990.

Суздалова Н. Те собачьи упряжки умчались...: Стихи, сказки. – Петропавловск-Камчатский, 1993.

Суздалова Н. Огненная шаманка: Сб. стихов и сказок. – Петропавловск-Камчатский, 1997.

КОРЯКИ

Алотов Ю. Жертва вождя: Стихи / Предисл. В. Балашова. – Петропавловск-Камчатский, 1994.

Дарю тебе песню: Соавт. Г. Поротов, В. Косыгин / Очерки о корякской земле, стихи и песни корякских поэтов (записи мелодий). – Петропавловск-Камчатский, 1970.

Коянто В. Оленьими тропами: Стихи / Предисл. Г. Поротова. – Владивосток, 1970.

Коянто В. Родник: Стихи и поэмы / Пер. с коряк. – Петропавловск-Камчатский, 1980.

Коянто В. Посох: Избр. произв. / Вступ. ст. А. Белашова. – Петропавловск-Камчатский, 1993.

МАНСИ

Тарханов А. Первая завязь: Лирика. – Тюмень, 1963.

Тарханов А. Волшебство: Стихи для детей мл. шк. возраста. – Свердловск, 1978.

Тарханов А. Утренний лыжник: Стихи. – Свердловск, 1979.

Тарханов А. Праздник грома: Стихотворения и поэма. – М., 1981.

Тарханов А. Морошковое лето: Стихи. – М., 1985.

Тарханов А. Храм милосердия: Стихи на рус. яз. – М., 1988.

Тарханов А. Рябиновый пир: Стихотворения. – Свердловск, 1990.

Тарханов А. Пасхальный день: Стихи. – М., 1993.

Тарханов А. Плач неба: Кн. стихотворений / Вступ. ст. К. Яковлева. – Тюмень, 1996.

Шесталов Ю. Аромат Родины: Стихи / На манс. яз. – Ханты-Мансийск; Тюмень, 1958.

Шесталов Ю. Пойте, мои звезды!: Стихи / Авториз. пер. с манс. – Л., 1959.

Шесталов Ю. Радуга в сердце: Стихи и поэма / Пер. с манс.; предисл. И. Истомина. – Тюмень, 1963.

Шесталов Ю. Глаза белой ночи: Стихи / Пер. с манс. – М., 1967.

Шесталов Ю. Песня последнего лебедя: Поэмы / Пер. с манс. – М., 1969.

Шесталов Ю. Языческая поэма / Пер. с манс., вступ. ст. В. Солоухина. – М., 1973.

Шесталов Ю. Огонь и снег: Стихи и поэмы / Пер. с манс. – М., 1979.

Шесталов Ю. Избранные произведения / Пер. с манс., вступ. ст. В. Лаврова. – Л., 1987.

Шесталов Ю. Идол: Поэма. – СПб., 1991.

Шесталов Ю. Собрание сочинений: В 5 т. / Ред. Ю. Прокушев. – СПб.; Ханты-Мансийск, 1997.

НАНАЙЦЫ

Бельды Г. Человек земли: Стихи / Пер. с нан. – Хабаровск, 1989.

Пассар А. Солнечный свет: Стихи / Пер. с нан. – Хабаровск, 1952.

Пассар А. Мокона: Стихи и поэма / Пер. с нан. – М., 1958.

Пассар А. Под стук бубна: Стихи / Пер. с нан. – М., 1969.

Пассар А. Мудрость тайги: Стихи. – Хабаровск, 1974.

Пассар А. Голос сердца: Стихи и поэмы на нан. и рус. яз. – Хабаровск, 1990.

Песни Амура: Стихи нанайских поэтов на рус. и нан. яз. / Сост. Ю. Шестакова. – Хабаровск, 1979 / Аким Самар, Андрей Пассар.

Самар А. Песни нанайца / Под ред. О. Суника; Рис. Самара Акима. – Л., 1938.

Самар А. Стихи / Ред. и пер. с нан. А. Путинцевой. – Л., 1940.

Самар А. Красный Октябрь: Стихи / Пер. с нан., предисл. Г. Ходжера. – Хабаровск, 1957.

Ходжер А. Дученку поет: Стихи на рус. и нан. яз. – Хабаровск, 1990.

НЕНЦЫ

Вылка Т. Избранное / Пер. с ненец., вступ. ст. и примеч. А. Щербаковой. – Свердловск, 1965.

Вэлла Ю. Вести из стойбища: Стихотворения. – Свердловск, 1991.

Вэлла Ю. Белые крики: Книга о вечном / Стихи и проза. – Сургут, 1996.

Лапцуй Л. Цвети, мой Ямал!: Стихи. – Тюмень, 1960.

Лапцуй Л. Земля моей любви: Стихи / Авториз. пер. с ненец. Л. Шкавро. – Свердловск, 1965.

- Лапцуй Л. Голубые снега: Стихи / Пер. с ненец. – М., 1970.
- Лапцуй Л. Тундра: Стихи и поэма / Пер. с ненец. – М., 1970.
- Лапцуй Л. На струне времени: Стихи и поэмы / Пер. с ненец. – М., 1975.
- Лапцуй Л. На Севере – утро: Стихи и поэма / Пер. с ненец. Н. Грудиной, Л. Мигдаловой. – М., 1977.
- Лапцуй Л. В краю оленьих троп: Стихотворения и поэмы 1952–1982 / Пер. с ненец., вступ. ст. И. Смольникова. – Л., 1982.
- Лапцуй Л. Олений бег: Стихотворения и поэмы / Пер. с ненец. – М., 1986.
- Ледков В. Быстроногий олененок: Стихи для мл. возраста / Пер. с ненец. М. Скороходова. – Архангельск, 1962.
- Ледков В. Ивовое море: Стихи / Пер. с ненец. М. Скороходова. – Архангельск, 1968.
- Ледков В. Снежная держава: Стихи / Пер. с ненец. – М., 1972.
- Ледков В. Штрихи: Стихи / Пер. с ненец. – М., 1980.
- Ледков В. Отогретая земля: Стихи на ненец. яз. – Архангельск, 1991.
- Ненянг Л. Огненный суд: Поэма на рус. и ненец. яз. / Пер. З. Яхнина. – Красноярск, 1986.
- Ненянг Л. Пою о тундре: Ненецкие песни / Пер. с ненец. А. Федоровой. – Красноярск, 1988 / На рус. и ненец. яз.
- Ненянг Л. Радуга: Стихи на рус. и ненец. яз. – Красноярск, 1989.
- Ненянг Л. Ня – отец земли: Сказания народов Таймыра / Авт. версии ненец., нганасан., энец. сказаний / Пер. с ненец. А. Преловского; Предисл. А. Немтушкина. – Красноярск, 1993.
- Пичков А. Тропы оленя: Стихи на рус. яз. – Архангельск, 1969.
- Пичков А. Родные напевы. – Архангельск, 1984.
- Пичков А. Едем в тундру на оленях: Стихи для мл. шк. возраста. – Архангельск, 1987.
- Явтысый П. В белой панице земля: Стихи / Пер. с ненец. Н. Журавлева. – Архангельск, 1973.
- Явтысый П. Бег оленя: Стихи / Авт. пер. с ненец. А. Преловского. – Архангельск, 1977.
- Явтысый П. След аргиша: Стихи и поэма / Пер. с ненец. М. Яснова. – Архангельск, 1981.
- Явтысый П. Праздник оленевода: Стихотворения и поэма / Пер. с ненец. В. Гордеева. – М., 1985.

НИВХИ

- Санги В. Солёные брызги. Стихи / Пер. с нивх. – Южно-Сахалинск, 1962.
- Санги В. Человек Ых-мифа: Эпич. поэма по мотивам нар. сказаний / Пер. с нивх. и послесл. Н. Грудиной. – М., 1986.
- Санги В. Песнь о нивхах: Эпич. поэма в мифах, сказаниях, ист. и родовых преданиях / Пер. с нивх. – М., 1989.
- Санги В. Неслышная любовь: Стихи, поэмы / Пер. с нивх. – М., 1990.
- Санги В. Сын рыбы Тыгмак: Сказки, поэма / На нивх. и рус. яз. – Южно-Сахалинск, 1995.

СААМЫ

- Бажанов А. Солнце над тундрой: Стихи. – Мурманск, 1983.
- Воронова О. Снежница: Стихи / Пер. с саам. В. Смирнова; Вступ. ст. В. Санги. – Мурманск, 1986.
- Воронова О. Вольная птица: Стихи / Пер. с саам. В. Смирнова. – М., 1987.
- Воронова О. Чаккли: Стихи для мл. шк. возраста / Пер. с саам. – Мурманск, 1989.
- Воронова О. Поле жизни: Стихи / Пер. с саам. и вступ. ст. В. Смирнова. – Мурманск, 1995.
- Воронова О. Тайна Бабьего озера: Стихи / Пер. с саам. и вступ. ст. В. Смирнова. – СПб., 1995.
- Воронова О. Хочу остаться на земле: Стихи, поэма / Пер. с саам. Сост. Н. Большакова. – Мурманск, 1995.

УЛЬЧИ

- Дечули М. Орнамент: Стихи. – Хабаровск, 1985.
- Дечули М. Багульник: Стихи, легенда. – Хабаровск, 1991.
- Дятала А. Зарубки: Стихи / Пер. с ульч. и предисл. А. Аквилева. – Л., 1982.

ХАНТЫ

- Вагатова М. Утро Оби: Стихи / На хант. яз. – Свердловск, 1987.
- Вагатова М. Маленький тундровый человек: Стихи, сказки / Пер. с хант. – Тюмень, 1996.
- Мазин В. Судьба, надежда и любовь: Лирические страницы районного стихотворца / Вступ. ст. М. Анисимковой. – Нижневартовск, 1996.
- Мазин В. Пристань радостей и печалей: Стихи. – Сургут, 1997.

Молданов Т. Мое первое слово: Стихи / Подстрочн. пер. с хант. Т. Молдановой. – Ханты-Мансийск, 1997.

Ругин Р. Живая вода / На хант. яз. – Тюмень, 1963.

Ругин Р. Снежные мелодии: Стихи / На хант. яз. – Свердловск, 1976.

Ругин Р. Метель на ладони: Стихотворения / Пер. с хант. – М., 1986.

Ругин Р. Многодумная Обь: Стихи / Пер. с хант. – Салехард, 1993.

Ругин Р. Снежная держава: Кн. стихов / Пер. с хант. – Тюмень, 1998.

Салтыков П. Сердце поет: Стихи / На хант. яз. – Тюмень, 1964.

Салтыков П.Е. Туесок с морошкой (Мурки сун): Стихи / На хант. яз. – Свердловск, 1990.

Шульгин М. Мави Ас (Медовая Обь): Стихи / На хант. яз. – Тюмень, 1962.

Шульгин М. Благодарность: Стихи / Пер. с хант. Вяч. Кузнецова. – Свердловск, 1975.

ЧУКЧИ

Вальгиргин М. Здравствуй, светлая жизнь!: Стихи. – Магадан, 1968.

Вальгиргин М. Вельботы уходят в море: Стихи / Пер. с чукот. А. Пчелкина, В. Сергеева. – Магадан, 1970.

Вальгиргин М. Веселое лежбище: Стихи / Пер. с чукот. – Магадан, 1973.

Вальгиргин М. Веселое лежбище: Стихи для детей на чукот. яз. – Магадан, 1973.

Вальгиргин М. Хорошо родиться на этой земле: Стихи из неоконченной тетради / Вступ. ст. и пер. с чукот. А. Пчелкина. – Магадан, 1981.

Геутваль К. Песни тундры: Стихи / На чукот. яз. – Магадан, 1985.

Геутваль К. Пуночка: Стихи / Пер. с чукот. и предисл. В. Першина. – Магадан, 1985.

Кеулькут В. Пусть стоит мороз: Первая книга стихов / Авториз. пер. с чукот. Н. Старшинова. – М., 1958.

Кеулькут В. Маленький каюр: Стихи для мл. шк. возраста / Пер. с чукот. В. Сергеева, Л. Соловьевой. – Магадан, 1965.

Кеулькут В. Солнце над Чукоткой: Стихи / Предисл. Ю. Рытхэу. – М., 1966.

Кымытваль А. Тебе: Стихи / Пер. с чукот. В. Сергеева. – Магадан, 1969.

Кымытваль А. О чем поет бубен: Стихи для детей / Пер. с чукот. В. Першина. – Магадан, 1978.

Кымытваль А. Мой любимый цветок: Стихи и поэма / Пер. с чукот. А. Черевченко. – Магадан, 1982.

Кымытваль А. Под крылом моей яранги: Стихи / Пер. с чукот. М. Эдидовича. – М., 1985.

Кымытваль А. Голоса тундры: Кн. стихов на чукот. яз. – Магадан, 1990.

Тиркыгын С. Лети, мой день: Стихи / Пер. с чукот. А. Пчелкина. – Магадан, 1980.

Тынескин В. Олени ждали меня: Стихи / Пер. с чукот. А. Пчелкина. – Магадан, 1978.

Рытхэу Ю. Медвежий компот: Стихи для дошк. возраста / Авториз. пер. с чукот. Г. Семенова. – М., 1965.

Рытхэу Ю. Умкин компот: Стихи / На чукот. яз. – Магадан, 1970.

ЭВЕНКИ

Апросимов Д. Родник: Стихи / На якут. яз. – Якутск, 1968.

Апросимов Д. Три ручейка: Стихи / На якут. яз. – Якутск, 1978.

Апросимов Д. Три родника: Стихотворения / Пер. с эвенк. Б. Романова, Б. Сиротина. – М., 1981.

Апросимов Д. Куралай Кустук: Легенда / На якут. яз. – Якутск, 1983.

Калитин Н. Таежные метки: Стихи / На якут. яз. – Якутск, 1978.

Калитин Н. Слушай, моя тайга!: Стихи / Пер. с эвенк. – Якутск, 1982.

Калитин Н. Сны в инее: Стихи / Пер. с эвенк. В. Мальми. – М., 1985.

Лоргоктоев В. Оленьи тропы: Стихи. – Улан-Удэ, 1979.

Немтушкин А. Тымани Агиду: Стихи / На эвенк. яз. – Красноярск, 1960.

Немтушкин А. Утро в тайге: Стихи / На рус. и эвенк. яз. / Предисл. М. Воскобойникова. – Красноярск, 1960.

Немтушкин А. Песни эвенка: Стихи / Пер. с эвенк. – Красноярск, 1962.

Немтушкин А. Токмав миннги: Стихи / На эвенк. яз. – Красноярск, 1968.

Немтушкин А. Судьбы начало: Стихи / Пер. с эвенк. – Красноярск, 1969.

Немтушкин А. Запахи тайги: Стихи / Пер. с эвенк. – М., 1974.

Немтушкин А. Костры моих предков: Стихи / Пер. с эвенк. – Красноярск, 1980.

Немтушкин А. Мои костры: Стихотворения, поэма / Пер. с эвенк. – Красноярск, 1985.

Немтушкин А. Самэлкил: Стихи / На эвенк. яз. – Красноярск, 1993.

Оёгир Н. Танец куликов: Стихи / Пер. с эвенк. В. Пушкина; Предисл. Р. Солнцева. – Красноярск, 1987.

Оёгир Н. Тропа к роднику: Стихи / Пер. с эвенк. А. Федоровой. – Красноярск, 1989.

Платонов А. Песни эвенка / Пер. с эвенк. М. Воскобойникова. – Л., 1938.

Платонов А. Избранные стихотворения и песни / Под ред. П. Алексеева, М. Воскобойникова. – Л., 1940.

Салаткин (Лонтогир) А. Гегдаллуккун и Ульгариккон: Поэма / Под ред. Г. Василевич. – Л., 1935.

Салаткин (Лонтогир) А. Тайга играет: Сб. стихов / Под ред. Г. Василевич. – Л., 1937.

Чинков-Эдян Г. Родная земля: Стихи / Пер. с эвенк. Г. Василевич. – Л., 1938.

Чинков-Эдян Г. Гарпаниндя: Сказка-сказание на рус. и эвенк. яз. / Под ред. и пер. с эвенк. Г. Василевич. – Л., 1939.

Чинков-Эдян Г. Стихи / Под ред. Г. Василевич. – Л., 1939.

Чинков-Эдян Г. Сулакичан: Сказка в стихах / Под ред. и пер. с эвенк. Г. Василевич / На рус. и эвенк. яз. – Л., 1940.

Чинков-Эдян Г. Сулакичан: Эвенкийская сказка в стихах для мл. возраста / Лит. обраб. подстрочника и сокр. пер. с эвенк. В. Наумовой. – М.; Л., 1940.

ЭВЕНЫ

Амамич М. Поет Мария Амамич: Сб. эвенских песен / Предисл., запись песен В. Лыткина. – Магадан, 1970.

Баргачан. След оленя: Стихи. – Якутск, 1982.

Баргачан. Поздней стаи переклик: Стихи и поэма / Пер. с эвен. М. Эдидовича. – Магадан, 1985 / На рус. и эвен. яз. / Под фам. Баргучан.

Баргачан. Бубенчик: Стихи, поэмы / Пер. с эвен. – Якутск, 1987 / На якут. яз. / Под фам. Баргучан.

Баргачан. Эдек: Поэма / Пер. на рус. яз. А. Преловского. – Якутск, 1992 / На эвен. и рус. яз.

Баргачан. В цепи времен: Стихи, поэма для ст. шк. возраста / Пер. с эвен. – Якутск, 1994 / Под фам. Кейметинов-Баргачан.

Баргачан. По неведомым следам предков (Были предков): Поэма. – Иркутск: 1994 / Б-ка ж. «Розовая чайка», на эвен. яз. / Под фам. Кейметинов-Баргачан.

Кривошапкин А. Половодье: Стихи, поэма. – Якутск, 1983 / На эвен. яз.

Кривошапкин А. Скала Тонмэй: Стихи / Пер. с эвен.

Н. Лисовского, А. Руденко. – М., 1985 / Книжка в книжке, колл. сб.

Кривошапкин А. Родной край: Стихи. – Магадан, 1987 / На эвен. яз.

Кривошапкин А. Земля предков: Стихи / Пер. с эвен. В. Федорова. – Якутск, 1995.

Кривошапкин А. Мир эвена: Этнографическая поэма / Пер. с эвен. А. Преловского. – М., 2001.

Ламутский П. Дети старика: Стихи. – Якутск, 1970 / На эвен. яз.

Ламутский П. Стихи. – Якутск, 1975 / На якут. яз.

Ламутский П. Песня эвена. – Якутск, 1980 / На эвен. яз.

Ламутский П. Песни для эвенских детей. – Магадан, 1989 / На эвен. яз.

Ламутский П. Путь в светлый мир: Воспоминания, ст., стихи, пьеса / Сост., вступ. ст. и пер. С. Дадаскинова. – Якутск, 1993 / На якут. яз.

Лебедев В. В краю сородичей: Стихи. – Якутск, 1968 / На эвен. яз.

Лебедев В. Белый олень: Стихи / Пер. с эвен. – Л., 1972.

Лебедев В. Ожерелье радуги: Стихи, поэма. – Якутск, 1974 / На якут. яз.

Лебедев В. Священный родник: Стихи и поэма / Пер. с эвен., предисл. Г. Серебрякова. – М., 1974.

Лебедев В. Сила песни: Стихи и песни. – Якутск, 1984.

Тарабукин Н. Песни тайги: Индигирские стихи / Под ред. В.И. Левина. Рис. авт. – Л., 1936.

Тарабукин Н. Полет золотой девушки: Эвен. песни / Под ред. А. Беспаленко. – Л., 1937.

Тарабукин Н. Северное сияние: Стихи и повесть / Сост., пер. Г.М. Васильева. – Якутск, 1971.

ЭСКИМОСЫ

Анко Ю. Малыши: Стихи для детей / Пер. с эскимос. В. Португалова. – Магадан, 1959.

Анко Ю. Эскимосские этюды: Стихи / Пер. с эскимос. и предисл. В. Першина. – Магадан, 1970.

Анко Ю. Всегда в полете: Стихи / Пер. с эскимос. А. Червченко. – Магадан, 1984.

Анко Ю. Яку: Стихи. – Магадан, 1985 / На эскимос. яз.

Анко Ю. Чайка: Стихи. – Магадан, 1987 / На эскимос. яз.

Ачиргина Т. Белоночь: Стихи / Предисл. В. Леонтьева. – Магадан, 1982.

Ненлюмкина З. Птицы Наукана: Первая книга стихов / Пер. с наукан. диалекта эскимос. яз. А. Червченко. – Магадан, 1979 / На рус. и эскимос. яз.

Ненлюмкина З. Погуляй со мною, солнышко!: Стихи для дошк. возраста. — Магадан, 1985 / На эскимос. яз.

Ненлюмкина З. Где ты?: Стихи / Пер. с эскимос. — М. Эдидовича; Послесл. Ю. Рытхэу. — Магадан, 1986.

Ненлюмкина З. Погуляй со мною, солнышко!: Стихи / Пер. с наукан. диалекта эскимос. яз. С. Дорохова. — Магадан, 1986.

Ненлюмкина З. Волшебная камлейка: Стихи для мл. шк. возраста / Пер. с эскимос. В. Першина. — Магадан, 1987.

Ненлюмкина З. Идти за солнцем: Стихи / Пер. с наукан. диалекта эскимос. яз. А. Черевченко. — Магадан, 1988.

Ненлюмкина З. Весна счастья: Стихи / На эскимос. яз. — Магадан, 1990.

ЮКАГИРЫ

Курилов Н. Цветы тундры: Стихи / Пер. с юкагир. М. Ефимова; Худож. Н. Курилов. — Якутск, 1982 / На якут. яз.
Курилов Н. Снега... Снега...: Стихи / Пер. с юкагир. Дм. Ушакова. — М., 1985.

Курилов Н. Мой малахай: Стихи для дошк. возраста / Пер. с юкагир. М. Ефимова. — Якутск, 1988 / На якут. яз.

Курилов Н. Морошка и солнце: Стихи / Пер. с юкагир. М. Яснова. — Якутск, 1994.

Улуру Адо. Песня звонких копыт: Стихи / Пер. на якутск. К. Туйарского; Послесл. Сем. Данилова. — Якутск, 1970.

Улуру Адо. Пока дремлют олени: Стихи / Пер. с юкагир. — М., 1973.

Улуру Адо. Растопленные снега: Стихи / Пер. с юкагир. Б. Сиротина. — М., 1975.

Улуру Адо. Милая Лабунмэдэну: Стихи / Пер. с юкагир. — Якутск, 1992.

К читателю 5 МАНСИ 27

СААМЫ 16 Матрена ВАХРУШЕВА

Аскольд БАЖАНОВ
В неброском тундровом местечке... 16
Январские ветры в Хибинаях режут... 17
Когда в стихах души не слышится... 17
Домой 17
Кто сказал, что северных оленей... 18
В саамском нашем поселенье... 18
Пурга 19

Качели 27
Считалочка 28

Андрей ТАРХАНОВ

Этюд из долины ручьев 29
Ожидание 29
Болото 30
В белый бубен бьет буран... 31
Белая симфония 31
Танцует Капья 32
Одиноким поручик 32
Йодисто-рыжи... 33
А рифма мне неинтересна... 34
Я знаю тот последний час... 34

Октябрина ВОРОНОВА Юван ШЕСТАЛОВ

За окном темно и жутко... 20
Рисунки на камне 21
Снежница 22
В края далекие уеду... 22
Все проходит... 23
Хочу остаться на земле... 24

Полина ДАНИЛОВА ХАНТЫ 39

Ах, скорей бы лед растаял... 25
Кто меня толкает в спину?... 25

Екатерина КОРКИНА Мария ВАГАТОВА

Невод-неводок 26
Человеку 26

И горда я, и красива!.. 39
Хвостун 40
В моем сердце вся природа... 40

Владимир МАЗИН		На троллейбусной остановке	66
Хантыйская мелодия	42	Определитель возраста	67
Воспоминания	42		
Тимофей МОЛДАНОВ		Леонид ЛАПЦУЙ	
Курьёхские бора	44	Аргиш	68
Имена потерявшие земли	45	В разведке	69
		Язык ненцев	70
Роман РУГИН		Первые шаги	71
Сеть выбирал он почти что		Саване	72
в любую погоду...	46		
Дым костра	46	Василий ЛЕДКОВ	
Глухарь	48	Пастух и счастье	73
Лук	49	Весна	74
Язык ханты	50	Ивовое море	74
		Колыбельная	75
Прокотий САЛТЫКОВ		Кто я такой?..	76
Под парусом	52	Белая держава: холм,	
Месяц	53	распадок...	77
Лебеди	54	Скала	78
Двое гуляли...	54	Прожил тихий человек...	79
		Снежные звездочки с неба	
Миккуль ШУЛЬГИН		падают...	79
Северный олень	55	Гони оленей...	80
За осокой сверкают весла...	56		
Медвежья пляска	56	Любовь НЕНЯНГ	
Вертолет	57	О чем поет старая Ноне?..	81
Стрелы	58	Лиственница и валун	82
Чай	58	Знаю я, о чем молчит река...	83
Гордость воды тяжела...	58	Губы шепчут: «Алыкель!..»	84
Дождь прошел...	59	Заклинание	85
Пусть мороз...	59	На концерте	86
Зимний лес	60	Мастерица я	87
Родина	60	Пянтук и Быкубо	88
НЕНЦЫ	62	Алексей ПИЧКОВ	
Тыко ВЫЛКА		Южанам Север кажется	
О Русанове	62	крутым...	92
		На Мезени	92
Юрий ВЭЛЛА		Лодку сшили в Долгощелье...	93
Земляку, поселившемуся		Песня охотника	94
в городе	64	Шьет Сэрне для суровой	
Первый снег	65	зимы...	94
Песня бабушки Ненги	65	А я пишу про звезды ночью	
Здесь была сосна...	66	синей...	94
		Вот так рождаются слова...	95

Прокотий ЯВТЫСЫЙ		Николай КАЛИТИН	
Голубика	96	Ученые предков	117
Мой земли во мне не рвется		Лабазы	118
нить...	96	Нимат	119
Чтоб не стать нам...	97	Должное отдаю любому жилью	
Нить вплела в узоры паниц...	97	людскому...	120
Дед пускает дым из трубки	98	Белка с дерева на дерево -	
Поэту	99	прыг!..	121
Мать. Отец...	99	Мне б, кедр, вашу вечность,	
Народ мой в тундре говорит...	100	ваши были...	121
Ненец	100	Если...	122
		Беда в лесу	123
СЕЛЬКУПЫ	101		
Валентина КУДРЯВЦЕВА		Владимир ЛОРГОКТОЕВ	
Роса	101	Одэра	124
Пескари	102	Олененок	125
Пес Барбос	102		
ДОЛГАНЫ	103	Алитет НЕМТУШКИН	
Ойдо АКСЕНОВА		Обращение к идолу Бэллэю	
К низкому небу на зимней		после неудачной охоты	127
заре...	103	Родина моя	128
Первая добыча	104	А тропа свилась у ног...	129
Песня о тундре	104	Мой аркан забыл оленье	
Одеяло белое, эй-дан-эй...	105	рога...	129
Весна	106	Хэй! - крикнуть оленям бы...	130
Баю-баю, баю-бай...	106	Я в юности истратил уйму	
Малыш Бакычык	107	слов...	130
Уйбаача летит на АН-24	108		
Уйбаача встречает своего		Николай ОЁГИР	
оленья	109	Молчит гора	131
Кто я есть?	109	Ёхорьё	131
Обычай моих земляков	110	Таежные песни	132
Если вдруг притомился		Живу среди оленей	133
олень...	111		
ЭВЕНКИ	112	Суптынча ПИКУНОВ	
Дмитрий АПРОСИМОВ		Девушка	134
Вечер. Весна. Да лесная		Летчик Луксан	134
опушка...	112		
Осенние картинки	113	Алексей ПЛАТОНОВ	
Еще не раз	113	Иду в Красный Флот	137
Люди сюда вернутся...	114	Алексей САЛАТКИН	
		(ЛОНТОГИР)	
		Гегдаллукон и Ульгориккэн	139

Григорий ЧИНКОВ

Снег идет	146
Дымок	147

ЭВЕНЫ 148**Мария АМАМИЧ**

Звезда оленевода	148
Мальчишки мои	149

**Василий КЕЙМЕТИНОВ
(БАРГАЧАН)**

Перепутал я все числа	150
Словно лебедей взметнулась стая...	151
Вертолет взлетел с аэродрома...	151
Хэде	152
Люблю бродить я на опушке летом...	153

Андрей КРИВОШАПКИН

Оленевод	154
Северная гостиница	155
Был бы рядом мой олень	156
Белый ягель	157
Моя Россия	157
Две картины	158
Мир эвена	159

Платон ЛАМУТСКИЙ

Подарок матери	166
Месяц	167
Шкура барана	168
Весенняя песня	168
О, прекрасная Чэнмеричээн!	169

Василий ЛЕБЕДЕВ

Индибирка	171
Горы	172
Признание	173
Тордох	174
Белый олень	175
Музей	176

Николай ТАРАБУКИН

Полет на планёре	178
Люблю солнечный свет	179

УЛЬЧИ 181**Мария ДЕЧУЛИ**

Милый мой, кончается столетье...	181
Силуэт	181
Январь	182
Заккрытие навигации на Амуре	182
Осень	182
Не судите меня слишком строго...	183
Орнамент	183

Александр ДЯТАЛА

Мастерица	185
Пурга улеглась	186
Нерест	186
Неведомая красота	187
Прекрасная птица	188

Прокотий ЛОНКИ

Песня юноши	189
Выйди ко мне	190
Отгадай	190
Где тебя найти	191

УДЭГЕЙЦЫ 193**Джанси КИМОНКО**

Песня	193
Песня охотника	194

НАНАЙЦЫ 196**Георгий БЕЛЬДЫ**

Человек Земли	196
Низовские женщины	197
Разлука	198
Чудеса	198

Тревожный ветер	199
Сила жизни	200

Константин БЕЛЬДЫ

Выделка рыбьей кожи	201
Осень	202
Злоба	202
Петля	203

Владимир ЗАКСОР

Не тратьте попусту слова...	205
Узел	205
Мой восток	206

Андрей ПАССАР

Ночная песня	207
Оморочка	208
Родному Амuru	209

Аким САМАР

Весенний Амур	211
Неужели я птицей стал	212
Мой край	213
Перо	214
Одно слово	215
Чтобы помнила ты...	215

Анна ХОДЖЕР

Мое слово	217
Яко	218
Зимней ночью	218
Песня вышивальщицы	219
Чикченку	220
Я — земли нанайской дочь	221

НИВХИ 222**Владимир САНГИ**

Мое зимовье	222
Монолог орока	223
Тополиный снег	224
За куропатками	224
Нерпенюк	225

ИТЕЛЬМЕНЫ 227**Нэля СУЗДАЛОВА**

Ительмен	227
Вулкан простуженно молчит...	228
Страшный хозяин	228
Тваян	228

Георгий ПОРОТОВ

Жил веселый парнишка в долине	230
Гроза отмыла небеса...	231
Голос земли	231
Таганок	232
Бакию	232
Надо мной тополя...	233
Гляжу, люблюсь со скалы...	233
Камин	234

КОРЯКИ 235**Юрий АЛОТОВ**

Летний вечер	235
Обида	236
Дума метиса	238
Камлание на счастливый день	239
Жить бы и жить	240

Владимир КОЯНТО

Аянка	242
Родник	243
В пути	243
Оккэнэлэ	244
Тундра не любит слабых	245

МИВИТ

Песня оленьего пастуха	247
------------------------	-----

ЧУКЧИ 248**Александр АТАУКАЙ**

Летовка	248
Июль	249
Пастух	250

Михаил ВАЛЬГИРГИН

Земля моя	251
О чем поют полозья	252
Кит	253
Косатки играют	254
Шум волн	254
Чайка	255
Журавли	256
Олененок	256
Мамины руки	258
С каждым днем сильнее мороз	259
Передовик	260
Над тундрой яркие лучи...	261
Будь покойна	261
Дедушкина школа	262

Валентина ВЭКЭТ

Слушай меня, дочурка	264
Разговор с морем	265

Клавдия ГЕУТВАЛЬ

Речка	267
Северное сияние	268
Мать и сын	269
Русоголовые мужчины	271
Костерок	272
Пуночка	273
Привези свои глаза	275
Овод	275
Авав	276
Мальчишке	277

Виктор КЕУЛЬКУТ

В ожидании	279
Сыплет снег	280
Чаячка	281
Впередсмотрящий	281
Шторм	282

Антонина КЫМЫТВАЛЬ

Как красива земля моя, посмотри...	284
Разговор с тундрой	285
Птицей конверт мой – вот он...	285
Вместо колыбельной	287
Пеликен	287

Радости исток	288
Воспоминаний резвая игла	289
Поющие звезды Рыркайпия	290
Пляска лиственниц	291
Приглашение к чаю	293
Первая учительница	295
Нет у моих дочерей бабушки-северянки...	297

Иван ОМРУВЬЕ

Как много я на земле хочу...	298
------------------------------	-----

Елена ОМРЫНА

Год пастуха	300
Солееды	301
Дождись нас, мама	302

Сергей ТИРКЫГИН

Рассвет	303
В море	304
Я не один...	304
Амгуэма	305
Глаза оленя	306
В Певеке	306
Уходит лето	307

Владимир ТЫНЕСКИН

Родному краю	309
Ночное небо	310
Утро	311
Даль	312
Река Колыма	312
Начало	313
Чего сейчас я жду?..	314
Наша звезда	314
Поэт	316

ЮКАГИРЫ 318**Геннадий ДЬЯЧКОВ**

Это что здесь за следы...	318
Кот болен – в квартире никто не проказит...	319
Раздавил на дороге жука...	319
Когда над сонностью реки...	320
Я к тебе возвращусь после ветра и поля...	320

Что ж ты, береза, раньше пожелтела...	321	Да, влюбчива!..	346
Мой опустевший старый дом...	321	В Сирениках такой простор!	347
		Бабушке моей Аграфене Даниловне	348
		Я вышла к морю. Вечерело...	349

Николай КУРИЛОВ

Юкагирский язык мой...	322	Зоя НЕНЛЮМКИНА	
Первый дождь	323	Первый учитель	351
Слова – олени мыслей...	323	Ты не обманулся	352
Снег скрипит, пробегает поземка...	324	Месяц бельков	353
Истоки песен	324	Песня старого охотника	353
Живу в Черском	325	Таугалту?	354
Храните слово	326	Давно уж хотела спросить...	355
Гонка	326	Заклинание	356
Время восхода	327	Молодой матери	357
Ездовые собаки	327	Напутствие	358
Расставание	328	Последняя песня	359

Улуро АДО

Посмотрите, люди Земли...	329	<i>Отзвуки, преодолевшие века</i>	362
Сопка спит, под снегом дышит...	329	<i>Библиография</i>	364
Скачки	330	<i>Содержание</i>	377
Озеро	331		
Сеть	332		
Очи девушек моей холодной родины...	332		
Мечтаю написать строку...	333		
Что для Солнца...	333		
Идилвей	334		

ЭСКИМОСЫ 337**Юрий АНКО**

Охотник на морзверя	337
Уназикские девушки	338
Уназик	339

Татьяна АЧИРГИНА

В бухте Провидения	341
Мне счастья известны приметы...	342
Песни хозяйки	343
Белоночь	344
Когда казалось мне, что жить нет сил...	345